

Колос

3
МАРТ
1971

Космос

3

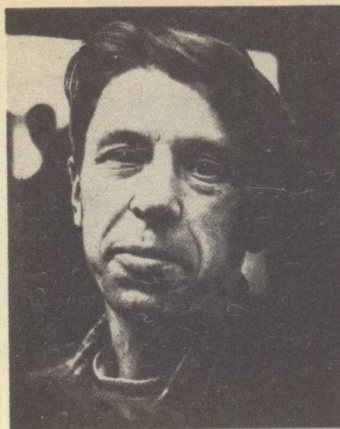
МАРТ

1971

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

рабочий А. Алимпов

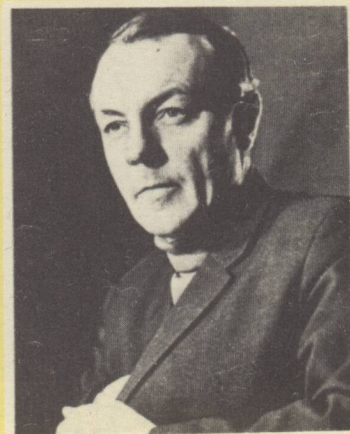
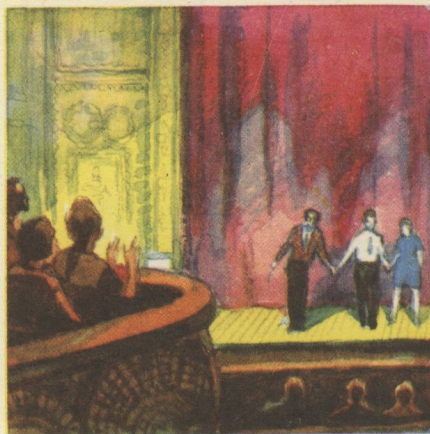
Кто он, мой современник? Отвечают читатели

2

О чем заставил задуматься писателя Б. Никольского его старый блокнот

5

Операция „Чукотка“ — новая повесть писателя Юрия Рытхэу

артист К. Лавров

11

Авиаконструкторы рассказывают о своем новом детище

39

Повесть „Я — инспектор манежа“ для тех, кто любит цирк

43

Внимание!
„Океан-2“

61

солдат А. Стебелев

КОММУ

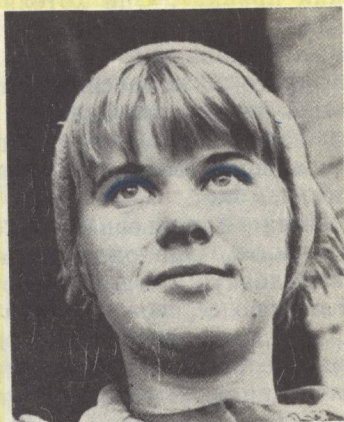
ученый Н. Кондратьев

XXIV съезду КПСС

колхозница Г. Лупанова

Мы—внуки Ленина!
Богаче нет наследства:
в его заветах—
негасимый свет!..
От пионеров
всей страны Советской
прими,
родная Партия,
привет!

капитан дальнего плавания Ф. Сероготский

Мы — внуки Ленина!
Нет солнечнее детства!
Отчизну любим мы
и любим труд...
От пионеров
всей страны Советской
тебе,
родная Партия,
салют!

Н И С Т Ы

КТО ОН, МОЙ СОВРЕМЕННОК?

В ленинградской школе № 127 уже давно ребята выпускают свой рукописный журнал под названием «Колокольчик». В нем — рассказы и стихи, очерки и рецензии. Прочтите несколько страниц из последнего номера школьного журнала, познакомьтесь с портретами своих современников, которые написали Света Бульба, Валя Никифорова, Люда Пурешева и Люда Кюнер.

Все люди, которые меня окружают — мои современники. Очень много хороших людей. Я расскажу про одного.

Вот уже восемь лет я дружу с одной девочкой. Ее зовут

Валя, и она старше меня на год. Но написать я хочу не про Валу, хотя она тоже очень хороший человек, а про ее маму, Нину Васильевну Николаеву. Нине Васильевне 45 лет. Это высокая женщина с немного поседевшими волосами. Нина Васильевна — коммунист. Она секретарь партийной организации завода имени Котлякова. На заводе Нина Васильевна пользуется большим уважением товарищей. Все, кто знает ее, очень хорошо о ней отзываются. Недавно на завод пришли товарищи из редакции газеты «Ленинградская правда». Они хотели написать рассказ о Нине Васильевне Николаевой. Но она отказалась и попросила, чтобы о ней не писали. Сказала, что на заводе есть люди, заслуживающие большего внимания, чем она.

Нина Васильевна — хорошая мать. Она одна воспитывала дочку. У Вали нет отца. Я считаю ее своей лучшей подругой, потому что она добрая, честная, веселая, умная, начитанная. Такой воспитала ее мать. Валя очень любит маму. Когда мы с Валею о чем-либо спорим или не можем найти правильный ответ на интересующий нас вопрос, она говорит: «Спросим у мамы». Мы очень часто обращаемся к Нине Васильевне за советами или с просьбами. Она всегда обстоятельно все объяснит.

Летом мы с Валею ходили каждый день на станцию встречать Нину Васильевну. У нее отпуск осенью, и она каждый вечер, после работы, приезжала на дачу. Мы брали у Нины Васильевны сумки и медленно, не торопясь, шли домой. «Девчонки! А сколько вам лет? — спросила вдруг Нина Васильевна. — Как вы ходите? Можно подумать, что вам за девяносто. А зарядку-то вы делаете?» С тех пор мы занимаемся зарядкой каждое утро.

После первого сообщения о

событиях в Чехословакии мы с Валею мало что поняли. Сразу пошли мы к Нине Васильевне, и она нам разъяснила обстановку.

Нина Васильевна очень умная, отзывчивая женщина. Я ее очень уважаю и считаю настоящим человеком, нашим современником.

С. Бульба, 8 „б“ класс

Кажется, я помню брата Виктора с тех пор, как он рассказывал мне по вечерам сказки и учил выговаривать букву «р». Тогда мы очень много времени проводили вместе, часто ходили в Летний сад, на Марсово поле, к Смольному, и каждый раз я узнавала что-нибудь новое о памятниках Ленинграда, о его дворцах, о замечательных зодчих и скульпторах. Виктор умел рассказывать так просто, понятно и интересно, что я готова была слушать сколько угодно, хоть целый день. Наверно, тогда я по-настоящему полюбила Ленинград.

Мой брат очень строг к себе и к окружающим. Больше всего он не терпит, когда кто-нибудь ленится.

Но Виктор очень любит и чем-то обрдовать человека. В прошлом году вышло так, что на Новый год нам принесли сразу две елки: большую и маленькую. Он велел мне на-

рядиться Снегурочкой, сам прицепил большую белую бороду, надел шапку, и мы вышли на улицу. Было уже совсем темно, и Виктора можно было принять за настоящего Деда-Мороза.

Помню, мы увидели какую-то маленькую девочку с родителями и подарили ей эту елочку.

Какими глазами смотрела девочка на «Деда-Мороза». Сколько в них было удивления и восторга!

В последнее время, когда брат уже не работал на заводе, а учился в Политехническом институте, заставая Виктора дома, я часто видела его погруженным в какие-то сложные вычисления. Рядом на столе лежали горы исписанной бумаги. Бывало даже, среди ночи ему приходила какая-то идея. Тогда он вскакивал, хватался за бумагу. Иногда, гуляя в каком-нибудь саду, Виктор вдруг переставал меня замечать и начинал вычерчивать на песке какие-то цифры и знаки. Честное слово, мне никогда не приходилось видеть человека, настолько увлеченного своим делом!

Мы не виделись с братом уже почти год. Очень часто нам приходят письма из Академгородка под Новосибирском, где Виктор работает под руководством академика Ю. И. Журавлева.

Очень часто задаю себе вопрос, а могла бы я так, най-

дя дело, которое действительно по душе, бросить все, уехать насовсем из города, в котором прожила всю жизнь, расстаться с людьми, которые мне дороги?

Хотя Виктор сейчас так далеко, это не мешает мне с ним советоваться, получать ответы на волнующие меня вопросы.

Как здорово, что у меня есть такой брат!

*Валя Никифорова,
8 „а“ класс*

... Кончился перрон, мама и брат остались там, в пыльном, шумном городе.

Я уже два часа еду в поезде. Одна за другой мелькают станции: Новолисино, Лустовка, Кастинская... Но вот, наконец, и остановка, моя долгожданная Калинка.

Первый мой приезд сюда был зимой. С тех пор многое забылось, помню только наши лыжные вылазки и чудный запах печеной картошки в большом деревенском доме.

Проводник открыл дверь, и нам в лицо сразу хлынули потоки свежего воздуха. На станции нас уже ждала бабушка с каким-то высоким молодым человеком лет семнадцати, лицо которого я плохо смогла различить в сумерках. «Знакомьтесь», — сказала бабушка и почему-то улыбнулась. «Леонид», — несколько смущенно, нерешительно протянув руку, сказал парень. Я тоже подала руку и назвала себя.

Леня взял у нас вещи и помог донести их до дому. Он был сыном нашей хозяйки, у которой мы снимали дачу.

Утром я проснулась довольно поздно, когда Леня собирался идти косить.

Я еще никогда не пробовала косить и была счастлива, когда он взял меня с собой.

Дорогой я украдкой взглядывалась в его простое, некрасивое лицо: широкий нос, выгоревшие брови, по-детски наивные, серые, с какой-то искрин-

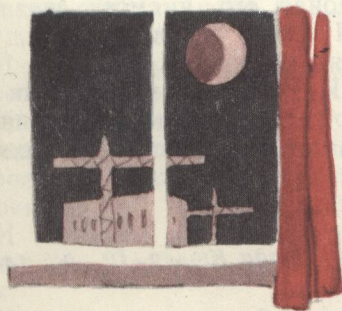

кой глаза, большой рот. Но было в этом лице что-то располагающее, доброе и давно-давно знакомое.

Научиться косить оказалось делом совсем не легким, но через пять дней это уже не составляло для меня большого труда.

С каждым днем характер Леонида открывался мне все больше и больше. Его трудолюбие и простота удивляли меня. Мыл ли он полы, чистил ли хлев, доил ли корову, косил ли траву, он делал все с каким-то огромным удовольствием.

Однажды кому-то из комсомольцев колхоза надо было дежурить ночью в сельсовете и ждать телефонного звонка из Ленинграда. Выбор пал на Леонида. И, хотя звонка так и не было, всю ночь он не сомкнул глаз. А наутро, несмотря на то что провел бессонную ночь, Леонид поехал со своим другом на лошадях за десять

ВСЕ ХОТЯТ ТАКИХ ШЕФОВ

Б. Никольский

Мне выдали командировочное удостоверение, пункт назначения — Свердловск. Объяснили в редакции задание. Пожелали счастливого пути. И тогда я взял шариковую ручку и блокнот и стал собираться в дорогу. Шариковая ручка у меня была новенькая, а блокнот старый, заслуженный — не раз уже я путешествовал вместе с ним.

Каждая его страничка могла напомнить о разных городах и разных людях.

И тут, собираясь в командировку, я раскрыл его наугад и увидел листок, на котором были такие записи:

Поход,
Октябрьский вечер,
Лекция о международном положении,
Субботник,
Шефство над отстающими,
Сбор металлолома...

А еще весь этот листок по краям был разрисован завитушками и рожицами. Такие узоры обычно рисует человек, когда ему бывает очень скучно.

С каких же пор сохранился у меня в блокноте этот листок?

Где и когда я рисовал эти завитушки?

Ах, да, ну, конечно...

Это было в одной школе, в одном классе — не буду говорить, в какой именно школе и в каком именно классе — дело давнее, теперь это уже неважно.

Приехал я в эту школу тоже по редакционному заданию. О ребятах школы шла слава, что они сделали немало полезных дел.

И вот я сидел в классе после уроков вместе с ребятами и расспрашивал их, и пытался их расшевелить, и рассмешить даже пытался, а у них были такие лица, словно я — инспектор гороно, а они — ученики, не выучившие урока.

И тогда им на помощь заторопилась учительница. Разговор наш протекал примерно так.

Учительница: Ребята, ну, вспомните, что мы делали в прошлом месяце?

Ребята: В прошлом месяце?

Учительница: Ну, да, в прошлом месяце.

Ребята: В прошлом месяце мы...

Учительница: ...собирали...

Ребята: ...собирали... собирали.

Учительница: Ну что собирали? Ма-ку...

Ребята: Макулатуру...

Учительница: Ну вот, вспомнили. А куда, ребята, мы ходили весной?

Ребята: Куда?

Учительница: В краеведческий... что?

Ребята: В краеведческий музей...

Так вот и тянулся наш разговор. В конце концов на странице моего блокнота все-таки появился перечень разных дел, которые действительно были сделаны ребятами этого класса и аккуратно отмечены птичками в плане работы...

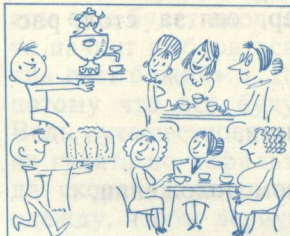
И я даже подумывал потом написать об этих их разных делах, но каждый раз, когда открывал блокнот на этой страничке, я рядом с записями видел нарисованные мною завитушки и узоры, и они сразу напоминали мне, какими скучными были лица ребят и с каким трудом и неохотой припоминали ребята все, что им приходилось делать. И рука не поднималась у меня похвалить их!

И вот теперь, собираясь в Свердловск, я, как нарочно, наткнулся именно на эту страничку и даже заколебался — может быть, не стоит брать с собой этот старый блокнот — может быть, несчастливый он?

Но кто же в наше время верит в приметы? Конечно же, никто в приметы не верит. И я храбро сунул блокнот в карман и поехал в аэропорт.

А через несколько дней с этим же блокнотом в кармане я шагнул по Свердловску. И испытывал такое чувство, словно в кармане у меня хранится что-то дорогое и очень важное.

Светило солнце, и у меня было отличное настроение. А может быть, я ошибаюсь, может быть, солнце в тот день и не светило вовсе, но настроение все равно у меня было отличное.

Только что я встретился с ребятами из 7 «в» класса 86-й школы. И разговор у нас был веселый и интересный. Ребята говорили и по очереди, и хором, и перебивали друг друга, и я еле успевал заносить кое-что в блокнот.

И вот теперь я торопился в гостиницу, потому что мне не терпелось поскорее остаться наедине со своим блокнотом, подумать обо всем, что я услышал сегодня, и поскорее начать работать.

Я пришел в свой номер, сел за стол, раскрыл блокнот и прочел:

Поход,
Вечер 8 Марта,
Шефство над отстающими,
Субботник,
Беседа о международном положении,
Сбор...

Вот так фокус!

Нет, я не ошибся. Это была не та, старая страничка, а новая, сегодняшняя! И все-таки...

Неужели и правда этот мой блокнот несчастливый? И мне опять не повезло?

Ну, нет! Похожи-то эти две странички, может, и похожи, да не совсем! А точнее говорить, так и совсем непохожи.

Просто суть, оказывается, не только в том, что делать, но и в том, как делать! Вот о чем заставил меня задуматься в этот вечер мой старый блокнот.

Ребята двух школ относились к делу по-разному.

Одним — свердловчанам — было интересно.

Другие, те, мои старые знакомые, просто проводили мероприятия, потому что так нужно, потому что им велели.

Вот в чем была великая разница.

Можно ведь 8 Марта устроить вечер самодеятельности, прочесть несколько стихов, сплясать, похлопать в ладоши и на этом успокоиться — дело сделано.

А можно назвать вечер «НАШИ МАМЫ». И заранее приготовить фотостенд с фотографиями мам учеников своего класса. И рассказать, кто из мам работает лаборантом, а кто учительницей, кто инженером, а кто врачом. И расставить столики, и заварить душистый чай, и испечь торт и печенье — конечно, своими руками. И мальчики в этот день будут официантами, а девочки и их мамы — именин-

ницами. И еще можно придумать, чтобы первый прозвучавший вальс был вальсом для мам — и чтобы лучшей паре потом был присужден приз! И веселые аттракционы, и небольшой скетч тоже можно придумать! Но и на этом не закончатся праздничные неожиданности. Вдруг завертятся, тихо шурша, валки магнитофона и прозвучат любимые мамини песни — в конце концов, разве так уж трудно отыскать их, эти песни, и записать на ленту магнитофона... И если все будет действительно так, то у всех участников праздника еще надолго сохранится счастливое воспоминание об этом вечере...

А так, именно так, все и было в 7 «в» классе 8 Марта...

И только одно, пожалуй, до сих пор смущает ребят — что деньги на угощение пришлось все-таки собирать дома, с тех же мам — куда же годится такое дело?.. Нет, в следующий раз они эти деньги заработают сами. Сюрприз так уж сюрприз.

А еще поговаривают теперь в 7 «в» классе, что не стоит обижать и пап — а что, если попробовать устроить для них вечер 23 февраля? Посмотрим тогда еще, кто отличится!

Можно организовать в классе обыкновенную политинформацию или лекцию и тогда, чего доброго, придется покрепче запирать дверь, чтобы никто не сбежал раньше времени...

А можно пригласить в класс человека, который четыре года жил в служебной командировке в Японии, и этот человек — заместитель начальника цеха Уралхиммаша Феликс Александрович Большиков — принесет с со-

бой снятый им самим кинофильм и расскажет столько интересного, что потом пройдет год и полтора, а ребята все будут вспоминать об этой беседе и об этом кинофильме...

Так и сделали в 7 «в» классе.

Можно без конца прорабатывать двоечников и троечников и призывать их исправиться, а они, как ни в чем не бывало, будут по-прежнему получать свои горячо любимые двойки и тройки — разве так не бывает? Да сколько угодно! Наверное, в любой школе...

А можно прикрепить к отстающим комсомольцев с завода и объявить об этом на сборе и написать об этом черным по белому, вернее даже, напечатать на пишущей машинке, как в настоящем приказе, и тогда вдруг произойдет чудо!

Еще не успеют шефы начать заниматься школьными науками со своими подопечными, а те вдруг начнут быстро-быстро подтягиваться! И вот уже вместо пяти человек, которых намечали взять на буксир, остается один-единственный! Что ни говори, а стыдно, когда занятый рабочий человек после своей важной работы еще должен возиться с тобой — жалким двоечником! Тут уж поневоле постарайся исправиться!

Конечно, вы догадываетесь, что я опять имею в виду семиклассников из 86-й школы.

Можно устроить вылазку в ближний лесок — с самыми строгими запретами «туда не ходить», «сюда не ходить», «не купаться», «не разбегаться» и т. д. и назвать все это походом. Скучновато, конечно, но зато спокойно.

А можно устроить поход на Чертово Городище, на гору Волчиху или к дикой Смо-

линской пещере, где есть настоящие горы и куда опасно входить без веревок и свечей, и, конечно, поход тогда не обойдется без пароля, и без заданий-пакетов: как выйти к месту сбора, и без игры в «борьбу за знамя». И без ночевки в палатках тоже не обойдется такой поход! А ночью бесшумные тени, словно индейцы, прокрадутся к палаткам бледнолицых вождей и потихоньку свяжут их — и вот утром будет потеха и веселье! И по-

том еще будет вдоволь веселья — когда ребята начнут выбираться из Смолинской пещеры «на свет божий» и хохотать друг над другом, потому что все будут грязными как черти! Ведь путешествовать по пещерам — это тебе не гулять по асфальтированной улице. И тогда скорее к речке — стирать — отстирывать одежду, чтобы вернуться домой чистенькими, как и положено. А еще те, кто не умел плавать, будут учиться держаться на воде, и тут, конечно, тоже не обойдется без забавных приключений.

И эти походы надолго останутся в памяти семиклассников...

Ясное дело, есть в 7 «в» и свои невзгоды, и свои неприятности, и свои неудачи.

Вот задумали ребята ехать в Ленинград, даже на овощебазу уже ходили, морковку от грязи очищали и мыли, первые двадцать четыре рубля заработали, а тут вдруг кое у кого, как назло, успеваемость захромала (не будем говорить у кого — пока этот очерк появится в журнале, пройдет немало времени, может быть, и троечники станут пятерочниками). Захромала успеваемость, и всё, точка, классный руководитель Нина Николаевна Осинцева, которая обычно очень горячо поддерживает все дела ребят, тут воспротивилась: «Пока не подтянетесь, не пойдете больше работать...» — «Ничего, от Ленинграда мы все равно не отступимся», — говорят ребята.

Так что всякие бывают осложнения, нельзя без них, но все-таки живет 7 «в» интересной жизнью. И это главное.

Что же, эти ребята особенные? Или слово какое-нибудь волшебное знают?

Нет, слова волшебного они не знают.

А секрет один у них все же есть.

Секрет очень простой. Рядом с ними живут и работают хорошие люди — комсомольцы пятого цеха Уралхиммаша.

Их шефы.

Шефы? А может, просто друзья? Потому что на шефов кое-где частенько смотрят как на богатых, добрых, но дальних родственников. Надо отремонтировать школу — помогут шефы, нужен автобус для экскурсии — дадут шефы, необходимо на выпускном вечере произнести напутственное слово — произнесут шефы...

А комсомольцы с Уралхиммаша — друзья ребят. Они тоже помогают ребятам. Но помогают в самом главном — помогают сделать их жизнь интересной.

Началось все с того, что комсомолка токарь Люда Корякина работала летом пионервожатой в лагере. Сдружилась с ребятами. И позже, когда стала она комсоргом цеха, комсомольцы решили взять шефство над семиклассниками. У Люды «свой» класс —

7 «в», у комсомольца разметчика Виктора Сердитых «свой» — 7«б».

И когда готовили ребята вечер к 8 Марта, вместе с ними была Люда, это она посоветовала устроить концерт по заявкам, и принесла свой магнитофон, и помогла ребятам записать любимые песни их мам.

Только не подумайте, что Люда все делала за ребят. Ничего подобного! Кто пек пироги? Кто отвечал за концерт самодеятельности? Кто придумывал аттракционы? Ну, конечно, сами ребята. Стоило только увлечь их, и предложения, веселые выдумки посыпались одна за другой.

И когда отправлялись семиклассники в поход, это комсомольцы цеха шли вместе с ребятами. И учили ребят плавать тоже комсомольцы.

А когда в пятом цехе проводился КВН, самыми горячими болельщиками были гости — ребята-семиклассники.

Зато когда ребятам надо было доходчиво рассказать об экономике, об экономической жизни завода, в класс пришел комсомолец Игорь Азанов, и ребята первый раз, может быть, представили себе, какой сложной жизнью живет огромный завод, их Уралхиммаш...

И когда в классе стала отставать сразу по нескольким предметам Галя Скукина — ей

трудно давался русский язык — сама Люда Корякина занималась с ней, и Галя не раз приходила к Люде в общежитие, и они вместе сидели над учебниками... Ведь и у Люды Корякиной была нелегкая жизнь. Она росла в семье, где было семь детей. Были переезды из одного интерната в другой. И учеба не всегда шла гладко — так что кому, как не ей, было понять Галю и помочь ей...

А теперь, когда Галя немного подтянулась, у нее появился новый шеф — Лена Печенкина, девочка из их же 7 «в» класса. Лена и Галя стали подругами, и Галя теперь приходит к Лене домой так же, как приходила раньше в общежитие к Люде Корякиной. И, может быть, это самый главный итог этой маленькой истории.

А когда ребята решили провести торжественный сбор, к ним пришли комсомольцы и передали пионерам на хранение свои обяза-

тельства, принятые к XXIV съезду партии, и пионеры обещали быть достойными своих шефов — комсомольцев...

А когда...

Впрочем, пожалуй, довольно.

Стоит только еще сказать, что Люда Корякина была делегатом XVI съезда комсомола. И, вернувшись из Москвы, конечно, одним из первых она рассказала о своих впечатлениях своим семиклассникам.

Она говорила о том, что больше всего взволновало, что тронуло ее почти до слез: о пионерском приветствии съезду, о буденновской шашке, которую седоусый маршал, поцеловав, подарил комсомолу, о девочке-героине из Вьетнама... И когда она рассказывала об измученной, но не сдавшейся вьетнамской девочке из Сонгми, пионеры слушали ее, затаив дыхание...

... Ну вот, пожалуй, и весь мой рассказ. И значит, можно отложить свой старый блокнот до новой командировки, до нового редакционного задания. Или хотя, нет, еще минутку. Вот я вижу торопливо записанные мною с краю страницы слова: «Теперь все в школе хотят иметь таких шефов». Эти слова я слышал несколько раз, пока разговаривал с ребятами из 7 «в»...

Наверное, у каждого поколения советских ребят есть своя особая любовь к поэзии. И выбор «любимых» поэтов — особый...

Мы, мальчишки тридцатых годов, очень увлекались классикой. Я, к примеру, безмерно любил Лермонтова и, конечно, Пушкина (хотя Лермонтова любил, каюсь, больше!), Языкова и Гнедича, Давыдова и Кюхельбекера, Полонского и Некрасова, Павлову и Крылова, а дальше — Есенина, Маяковского и даже Бальмонта... Вот какой «набор имен»!

Но все это не мешало нам любить и современную поэзию — Светлова, Исаковского, Твардовского, молодого Симонова и уже признанную всеми Инбер. Всех не называть, не упомянуть, но добавлю, что с огромным увлечением читал я и Тихонова, и Маршака, и Берггольц, и

Ахматову, и Прокофьева, и Смелякова...

Конечно, каждый выбирает в поэзии любимые имена. Каждый, как это было с нами, занимавшимися в предвоенные годы в литературной студии московского городского Дома пионеров, как можно шире старались познать поэзию — старую и новую, хорошую и всякую, ибо учиться можно и должно, зная все, а не только то, что тебе особенно дорого...

Сам я в детстве начинал со стихов. В детстве стихи, как известно, пишут почти все «нормальные» дети. Но, может быть, именно потому, что детство у меня оборвалось очень рано, после возвращения с войны я стал все реже и реже писать стихи. Но периодически я к ним так или иначе возвращался...

Так в середине пятидесятых годов я написал целую книжку стихов.

Для детей они или для взрослых — до сих пор не знаю.

А издавали их и для ребят, и для их родителей.

«Шаг за шагом», «Стихи о человеке и его делах» — как раз то давнее...

Баруздин

Человеку — ровно год,
Он по комнате идет.

Первый шаг — не пустяк,
Трудно сделать первый шаг.

Что ни половица —
Человек садится.

Плохо получается —
Очень пол качается!

Может, стоит зареветь?
Человек решил терпеть.

Он слезу зажал в кулак,
Сделал шаг и снова шаг.

ШАГ ЗА ШАГОМ

Не качается пол —
Человек всерьез пошел.

Есть в ногах силенка
У малого ребенка!

За окном растаял снег,
Подрастает человек.

Он идет не спеша
Со второго этажа.

Пусть круты ступени —
Не дрожат колени.

Человек шагает сам —
Хорошо, что он упрям!

Человек живет, растет,
По своей земле идет.

Ну, а если это так,
Человеку нужен флаг.

Не любой, а, ясно,
Самый лучший — красный.

Красный флаг отец принес.
Он сам под красным флагом рос!

Майским днем, хорошим днем
Человек идет с флажком.

Сам не больше флажка.
Каждый шаг — полвершка,

А идет, как знаменосец
С красным знаменем полка.

Рядом с ним ручей журчащий
Ускоряет к речке бег...

Человеком настоящим
Будет этот человек!

СТИХИ О ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО ДЕЛАХ

— Скажи, человек,
Как твои дела?
— Дела ничего у меня:

Я спал неплохо,
Да ночь мала,
И я прихватил полдня.

— Скажи, человек,
А что же успел
Сегодня ты совершить?
— Да много успел:
Хорошо поел
И чаю успел попить.

— Скажи, человек,
Ну, а как, потом
Было ли что-нибудь?
— А что потом!
Поиграл с котом
И вновь прилег отдохнуть.

— Скажи, человек,
А когда поспал,
Вышел ли ты за порог?
— Конечно, вышел,
Да очень устал,
Вернулся, не чуя ног.

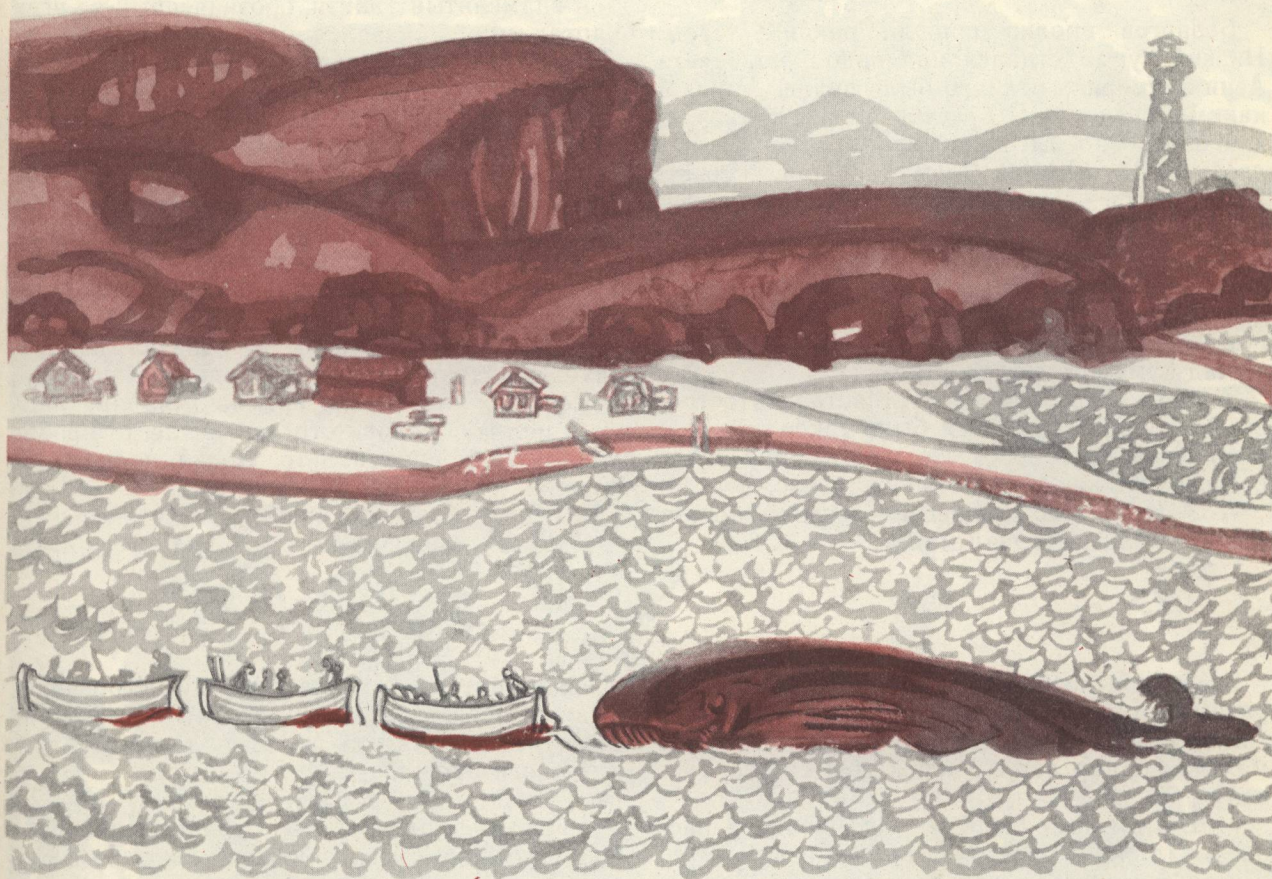
— Скажи, человек,
А что за окном
Увидеть тебе довелось?
— Да что там увидишь,
Когда темно
И лютый стоит мороз!

— Скажи, человек,
А кроме кота,
Есть ли друзья у тебя?

— Да что ты!
С друзьями одна маета!
... Больше не спрашивал я.

Рисунки И. Казаковой

ОПЕРАЦИЯ „ЧУКОТКА“

ПОВЕСТЬ

Юрий Рытхэу

Рисунки А. Овсянникова

1.

Миша знал, что папа «влюблен в Север». Некоторые утверждали, что любовь эта наследственная, потому что бабушка и дедушка молодые годы провели на Чукотке, учительствуя в отдаленном стойбище.

— Полярное сияние, — говорил папа, — одно из величественнейших зрелищ природы. Оно так прекрасно, что никакие слова не могут дать о нем даже приблизительного представления... Вот поедем вместе на Чукотку, и тогда увидишь полярное сияние собственными глазами.

Мишин отец — начальник специальной геологической экспедиции на Чукотском полуострове. Три года он уезжал туда каждую весну, а вот теперь, на четвертый год, решил взять с собой маму и Мишу.

Только представить себе весь огромный путь до Чукотки — дух захватывает! Через всю страну!

От Ленинграда летели на Магадан. Из Магадана на таком же большом ИЛ-18 прилетели в Анадырь. Прямо от самолета на газике спустились к морю.

Посреди Анадырского лимана виднелся необитаемый остров Алюмка, а рядом с ним несколько больших теплоходов, на одном из которых Миша с родителями должен был поплыть за мыс Дежнева.

Берингов пролив прошли ранним утром. Низкий туман стлался над водой, но берега Азии и Америки отлично были видны. Миша с каким-то непонятным восторгом почувствовал, как он словно бы прикоснулся к ожившему глобусу. Вот острова Диомиды. Один — советский, другой — американский. Между ними — граница Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. И где-то здесь проходит линия изменения дат.

— По одну сторону понедельник, а по другую — еще воскресенье, — пояснил радист.

Над туманом летели птицы.

Зелеными громадами распластались острова Диомиды, а над ними было такое чистое и необыкновенное небо, что в Мишиной душе стало вдруг как-то просторно, светло.

— А вон и мыс Дежнева, — сказал радист. Над скалами торчал маяк.

С палубы корабля Миша всматривался в полоску берега. По левую руку высились горы, за которыми виднелся скалистый мыс Дежнева.

Теплоход обогнул его и вошел в Ледовитый океан.

А знаменитый Тэпкэн, обозначенный на всех картах мира, оказался небольшим селением, вытянувшимся на галечной косе с востока на запад.

Миша почувствовал на плече руку и обернулся.

— Вот мы и прибыли, — сказал отец.

Рядом стояла мама. Миша увидел на ее лице растерянность и почувствовал, что должен сказать что-то хорошее, чтобы успокоить ее.

— Здесь жили челюскинцы... — вспомнил Миша.

— Правильно, Мишук, — сказал папа и глубже надвинул кепку на голову сына.

Несмотря на летнее время, было прохладно и ветер с Ледовитого океана легко пробивал демисезонное пальто. Миша поднял воротник.

С берега медленно приближался катер.

Капитан приказал спустить трап.

2.

В селении не было ни одной яранги. Аккуратными рядами по широкой галечной косе тянулись домики, на горе стоял маяк. Аникай, мальчик одних лет с Мишей, вел его по Тэпкэну.

— В этом доме была первая школа, — рассказывал он. — Теперь здесь колхозный клуб, потому что старый сгорел от елки...

— Как от елки? — спросил Миша.

— Поставили в старом клубе елку, наш гармонист захотел проверить: правда ли вата, которой украшена елка, огнеупорная. Гармонист — человек недоверчивый, по-научному — скептик...

Аникай произнес это слово и примолк на минуту, наблюдая, какое действие оно производит на ленинградского мальчика.

— Сунул скептик, — продолжал Аникай, — сигарету в вату — и тут раскрылся обман... Вата не была огнеупорная, она была огнеопасная!

Мальчики подошли к большому двухэтажному зданию, высившемуся над всем селением.

— А это наша школа, — гордо сказал Аникай. — Она и новая и старая одновременно.

На вопросительный взгляд Миши Аникай пояснил:

— Она очень долго строилась. Как стал я

себя помнить — все она была недостроенная. Ураган дважды срывал крышу. Выстояла. Теперь в ней учимся... Сейчас там ремонт, и археологи проживают.

— Кто? — переспросил Миша.

— Ученые-археологи, — пояснил Аникай. — Ищут древние следы обитания человека и пути заселения американского материка...

Ребята обошли школу и направились к ручью, стекавшему с горного края. В низине поток превращался в неширокую речку и впадал в лагуну. На противоположном берегу лагуны стояли длинные, приземистые корпуса зверофермы.

Аникай вел Мишу по улице и показывал дома, коротко рассказывая о его жителях.

— Здесь живет Энер. Он был лучшим охотником на белого медведя. Сейчас белого медведя запретили бить, и Энер ушел на пенсию... А вот дом первого учителя Ротата. Он был первым пионером Чукотки. И вообще в нашей школе была первая пионерская организация Чукотки...

Аникай вдруг остановился, пристально поглядел на нового друга и совершенно серьезным голосом спросил:

— А ты знаешь, что такое патриотизм?

Миша растерялся и пробормотал:

— В школе проходили...

— А я — патриот, — важно заявил Аникай. Миша уважительно поглядел на него.

Аникай серьезным голосом продолжал:

— Я решил быть патриотом... Потому что люблю Чукотку и всю нашу страну. А потом... можно быть патриотом и одновременно кем хочешь...

— Это как же? — поинтересовался Миша.

— Ну, например, я могу быть оленеводом и патриотом, космонавтом и патриотом, врачом и патриотом... Понял?

— Понимаю, — нерешительно произнес Миша.

Ребята побывали у Священных камней, спустились к морю, где разгружался теплоход,

и, наконец, подошли к дому, где должен жить Миша с родителями.

— Ребята, есть хотите? — спросила мама, выглянув из двери.

— Пойдем? — предложил Миша.

Аникай не стал ломаться, молча кивнул и вошел следом за Мишей в дом. Здесь давно ожидали начальника экспедиции. И квартира была полностью готова — даже вода налита в умывальник.

Ребята помыли руки и уселись за стол.

Мама очень внимательно разглядывала Аникая, и Мише было немного неловко за ее любопытство. Он старался разговорами отвлечь Аникая.

— В Ленинграде есть Исаакиевский собор, и там висит маятник Фуко, который наглядно доказывает вращение Земли...

— Знаю, — кивнул Аникай, — читал об этом...

— На Васильевском острове есть Зоологический музей...

— И там скелет мамонта, которого откопали в Якутии, — вежливо добавил Аникай.

Миша растерянно посмотрел на отца. Виктор Павлович прятал улыбку. Переглянувшись с мамой, он спросил:

— В каком классе учишься, Аникай?

— Лучше называйте меня по имени — Андрейка, — ответил мальчик.

— Аникай, выходит, фамилия твоя?

— Да, — ответил Андрей. — Так зовут моего отца. Все, кто хорошо ко мне относится, называют меня Андрейка. А перешел я в пятый класс.

— Ты, разумеется, отличник? — с лукавинкой в голосе спросил папа.

— Не совсем, — грустно ответил Андрейка.

— Что значит — не совсем?

— Не отличник я, — с тяжелым вздохом ответил Андрейка. — И не четверочник даже...

— Трочник? — вмешалась мама.

— Не совсем, — окончательно упавшим голосом ответил Андрей. — В пятый класс «переполз», так сказала директор школы.

— Что же ты так? — укоризненно произнес папа.

Но Андрейка не успел ответить. С улицы послышался свист, и мальчика словно ветром сдуло с табуретки.

Миша хотел было последовать за Андрейкой, чтобы вернуть его за стол, но тут грохнул такой залп, что посуда на столе звякнула и вздрогнул пол.

— Что это?! — с ужасом воскликнула мама. — Стрельба! В кого-то стреляют!

— Шпиона ловят! — догадался Миша, вспомнив, как Андрейка показал на дальние домики и сказал, что там — пограничная застава...

Но, когда Миша с отцом оказались на улице, там все было спокойно: только несколько человек стояли поодаль и прочищали шомполами дымящиеся стволы ружей.

Андрейка шел навстречу и на ходу расправлял какие-то бечевки.

— Утки пролетали, — объяснил папа Мише. — В Тэпкэне путь утиных стай лежит прямо над домами, поэтому охотники держат наготове ружья. А у кого ружей нет, те обходятся болами, или, как их на Чукотке называют, эплыкытэтами. Вот, гляди!

Папа взял из рук Андрейки бечевки и показал Мише.

Бечевки длиной с полметра были собраны на одном конце в пучок, в ручку из плотно связанных птичьих перьев. На конце каждой бечевки висел довольно тяжелый кусок свинца.

— Когда бросают эти эплыкытэты в утиную стаю, — объяснил папа, — свинцовые грузила расправляются веером, и птица на лету запутывается в них. Сколько в этом году поймал уток? — спросил он у Андрейки.

— Двенадцать с половиной.

— С половиной? — удивился папа.

— Тринадцатая утка упала в воду и утонула вместе с костяными эплыкытэтами.

— Иногда вместо свинца на концах эплыкытэтов вешают моржовые зубы, — сказал папа и спросил Андрея: — Верно?

— Верно, Виктор Павлович, — кивнул Андрейка.

Миша взял в руки свинцовые эплыкытэты и спросил:

— Где можно такие купить?

— Такие не покупают, — ответил Андрейка. — Надо самому смастерить. Хочешь, сделаю тебе?

Наскоро проглотив обед, ребята отправились в домик, где со своей матерью и младшей сестренкой Катей жил Андрейка Аникай.

Уже в сенях было заметно, что здесь живет морской охотник. На стене — дробовое ружье и винтовка. Кроме них, в чехле из белой кожи — старинный винчестер с двумя стволами, расположенными один над другим. Закидушка-акын с острыми металлическими зубьями и моток тонкого нерпичьего ремня. Рядом — лыжи-снегоступы, называемые по-чукотски вэльвыегыт, что значит «вороньи лапки». Вороньи лапы Миша вблизи никогда не видел, но вэльвыегыт здорово походили на ракетки для бадминтона, это точно.

— Когда охотник идет в них по мягкому снегу или по кашице из льда, он не проваливается, — пояснил Андрейка.

Здесь же, в просторных сенях, лежали собаки, висела собачья упряжь. Собаки лениво поднимали головы и тут же обратно прятали их в мягкие лапы, погружаясь в долгий сон.

В комнате все было обычно. Может, только тесновато и не было той полированной мебели, над которой дрожала ленинградская бабушка. Все здесь было добротное и простое, а железные кровати с никелированными спинками казались очень к месту в этой комнате. В простенке между окнами мерцал зеленым глазом мощный радиоприемник.

В следующей комнате поменьше стояли две кровати и заляпанный чернилами письменный стол. На столе в беспорядке валялись книги и

какие-то обрезки кожи, бечевки, куски свинца.

— С четырьмя или тремя делать концами? — деловито спросил Андрей.

— Как лучше, — нерешительно ответил Миша. — Что получится.

Андрейка наклонился над столом, отобрал четыре свинчатки с просверленными отверстиями и бечевку. Он сосредоточенно работал, а Миша тем временем осматривался в комнате.

— А что вы носите зимой? — спросил Миша. Его разочаровала повседневная летняя одежда жителей Тэпкэна. Обыкновенные куртки, пиджаки, брюки. Только некоторые носили на ногах торбазы, но большинство — резиновые сапоги и ботинки.

— Что дадут, то и носим, — ответил Андрей и попросил: — Помоги лучше, поддержи концы.

Андрей взял утиные маховые перья и, переломив пополам, захватил ими концы бечевки, сделав плотную рукоятку. Крепко увязав ее, острым ножом отрезал край, и эплыкэтэты были готовы. Андрейка торжественно вручил их Мише и помог положить концы со свинчатками в один карман брюк, а рукоятку в другой, так, чтобы шнуры висели от одного бедра к другому.

— Сделать тебе еще и выёвый — и ты будешь вооружен! — сказал Андрей и снова склонился над работой.

— А что такое этот самый...

— Выёвый — это праща, — сказал Андрей.

На столе Андрея лежали заготовки по крайней мере на десяток выёвьев. Отобрав нужные, он минут через пятнадцать протянул Мише пращу со специальным утолщением из лахтачей кожи для круглого камня-снаряда.

Выёвый Андрейка засунул Мише в нагрудный карманчик так, чтобы кончик из белой кожи торчал на виду.

Потом Андрейка отошел на несколько шагов и долго рассматривал Мишу, склоняя голову то на одну, то на другую сторону. Ему очень нравился этот русский мальчик, о котором теперь не скажешь, что он только что появился из Ленинграда и ничего не знает о местных мальчишеских орудиях. Теперь научить его пользоваться выёвьем и эплыкэтэтами, — и он будет приносить добычу на радость маме и папе...

Экспедиция, возглавляемая Виктором Павловичем, нашла богатое месторождение золота недалеко от Тэпкэна. Андрейка с нетерпением ожидал начала золотой лихорадки. Об этом он вычитал в книгах Джека Лондона.

Вообще Андрейка был парень наблюдатель-

ный. Это он открыл, как точно предсказывать плохую погоду. Не по показаниям барометра. Надо просто наблюдать за самими синоптиками. Как только они в Тэпкэне начинают запаздывать продуктами и углем — жди долгого ненастья.

Мальчики направились к морю. На берегу росли штабеля ящиков и настоящая гора из угля, и Миша сказал, что ее, наверное, ни за что не пережечь за всю зиму.

— Это еще мало угля, — заметил Андрейка. — Таких куч надо три, чтобы спокойно перезимовать.

— Так много?

— Зима холодная и долгая, — ответил Андрейка, и выражение его лица стало другим, словно он увидел снежный Тэпкэн, услышал завывание пурги...

Мише еще трудно было представить, что все вокруг покроется белым снегом — и дома, стоящие аккуратными рядами, и морской берег, и само море, синее, уходящее к горизонту словно бы приподнимаясь...

Выпуклость морского простора стала еще очевидней, когда ребята поднялись на гору, к маяку. Маяк был построен очень давно, еще до войны, но удивительно крепко, и только дерево от времени стало очень светлым и плотным. На камушке домика стоял зачехленный прожектор. Сейчас он бездействовал. По словам Андрейки, маяк начнет светить, когда придут темные осенние вечера.

В туманные дни гудит Науканский маяк, расположенный на самом мысу Дежнева. До него отсюда больше тридцати километров, но рев его сирен так силен, что слышен здесь.

Мальчики приблизились к краю обрыва и глянули вниз.

Под берегом копошились мелкие волны — ветер дул с берега, и прибой был низкий. Под самой скалой виднелся серый, покрытый невестой откуда взявшейся пылью сугроб.

— От зимы остался, — кивнул Андрейка. — Сколько помню себя — никогда не тает. Вечный снег.

— Ледник, — поправил Миша.

— Тогда — снежник, — ответил Андрей. — Ведь ледник движется, медленно сползает. А этот снег лежит неподвижно.

Интересно, что именно здесь, на высоте, на морском берегу, Миша окончательно почувствовал себя на Чукотке, и расстояние, которое он проделал от Ленинграда до Тэпкэна, стало осязаемым. Даже закружилась голова. Может быть, это была просто усталость от обилия впечатлений.

Ребята медленно спустились с холма.

А солнце все стояло высоко над дальним мысом.

Селение готовилось к зиме. Много хлопот было и у геологов. Погода стояла отличная, и вертолет летал в партии, расположившиеся в распадках тундровых рек.

Миша успел познакомиться со всеми ребятами Тэпкэна — с чукчами, русскими, эскимосами и даже одним грузинским мальчиком из Кутаиси. Его отец был самым главным по связи. Он монтировал в селе автоматическую телефонную станцию, налаживал радиорелейную связь с районным центром и всерьез грозился установить телевизионную станцию в Тэпкэне.

— Поставим станцию «Орбита» — и что хочешь смотри: Тбилиси, Кутаиси, Москву, Ленинград, Магадан, Анадырь... Красота! Уезжать в отпуск не надо!

Побывали на звероферме, где работала Андрейкина мать — Татьяна Михайловна Аникай. У нее было строгое темное лицо и глубокие карие глаза. Она хорошо говорила по-русски, только иногда путала звонкие и глухие согласные. «Поеду райцентр суп лечить», — сказала она, и Миша уже потом догадался, что она имела в виду не суп, а зуб.

Миша научился стрелять из пращи. Правда, сначала он выбил стекло в механической мастерской, а в другой раз едва не попал в самого себя. Но теперь камень, запущенный пращей из лахтачьего ремня, улетал далеко в море.

Андрейка учил его своим играм. На берегу лагуны, из консервных банок, обрезков жести, дощечек и разного хлама Андрейка сооружал целые города. Играли в «Находку и Тэпкэн». В жестяных лодках, буксируемых бечевкой, Андрейка привозил грузы в «Тэпкэн», а Миша изображал местного жителя, принимал товары, ругался с капитанами, воображая себя директором торговой базы Тучиним.

— Опять навезли купальников! — орал он на Андрейку, вспоминая Тучина. — Заставить бы вас раздеться и загорать на берегу Ледовитого океана.

В ответ Андрейка бормотал: „Фрахт, фактура, накладная, Главсевторг“.

И вот однажды, застав их за такой игрой, Виктор Павлович громко спросил:

— Хотите лететь на настоящий золотой прииск?

— Хотим! — в один голос ответили мальчики.

— Тогда — к вертолету!

Виктор Павлович договорился с Андрейкиными родителями.

Вокруг вертолета бродили собаки. Поодаль на пустой бочке сидел летчик и курил сигарету. Поздоровавшись с ним, ребята нырнули в

сумеречное нутро машины и уселись на холодные железные сиденья.

— Ты летал на вертолете? — спросил Миша.

— Собак возил, — ответил Андрей.

— Как это — собак возил?

— Отец мой лежал в больнице и так соскучился по своей упряжке, что захотел ехать из райцентра только на собаках. Вот и отвез я туда упряжку на вертолете.

Виктор Павлович вошел в вертолет и сел рядом.

Появился летчик, полез куда-то вверх, в люк. За ним полез его помощник. Он не уместился в кабине. Все время полета его ноги висели над головой Виктора Павловича.

Заработал мотор, и тень от лопастей замелькала по земле. Собаки отбежали в сторону. Вертолет взревел, вздрогнул, на несколько секунд повис над землей и тронулся с места.

Тень от машины побежала по галечному берегу, по траве, и вот уже внизу показались домики Тэпкэна, старый ветродвигатель, маяк, стоящий на якоре гидрографический корабль. А потом — лагуна с островами и просвечивающим сквозь мутноватую воду мелководьем.

Холмы, домишки, звероферма на берегу лагуны — все это походило сейчас на Андрейкины игры.

Потянулась зеленая тундра с желтыми пятнами отмелей на многочисленных озерах и блестящие ниточки речушек. Солнце отражалось в каждом озере, в каждой лужице, и земля казалась покрытой тысячами осколков стекла.

— Хороша тундра? — прокричал над ухом Виктор Павлович. — Вот там олени стада совхоза, — показывал он. — Видишь, беленькие яранги стоят? И туда слетаем. Там хороший человек живет — бригадир Клей. Видишь горы? Оттуда текут золотоносные реки. Но мы летим не туда, а на запад, где большой прииск Какомэй. Знаешь, что такое по-чукотски «какомэй»?

Миша молча кивнул.

Пожалуй, это было самое первое чукотское слово, которое Миша выучил. Оно употреблялось всякий раз, когда человек был чем-то поражен. Хорошее слово. И прииск, наверное, богатый — «Какомэй»!

Андрейка отвалился от окошка и посмотрел на ноги помощника летчика. Виктор Павлович постучал рукой по сапогам и сказал:

— Дай глянуть ребятам!

Помощник спустился в кабину.

Первым полез Андрейка. Он пробыл недолго, торопясь уступить место Мише.

Обзор у летчика был такой, что дух захватывало. На какое-то мгновение Миша почувствовал себя подвешенным внутри стеклянного шарика. Справа, в дымке, виднелся берег океана.

Самое интересное, конечно, было наблюдать за действиями летчика. Столько разнообразных приборов оказалось в кабине, что, конечно, с непривычки в них невозможно было разобраться.

Летели долго. Несколько часов вдоль побережья Ледовитого океана, а потом над рекой, впадающей в залив.

Наконец, внизу показались желтые кучи

горной породы, хотя, собственно, гор не было видно, кроме невысоких, покрытых травой и мхом холмов.

Блеснула лента реки, показалось длинное сооружение на деревянных опорах. Вертолет сделал крутой разворот и приземлился недалеко от группы домиков, на небольшом поле, на котором стояли футбольные ворота без сеток.

— Прибыли на стадион «Самородок»! — объявил летчик, открывая дверь.

Тихий звон ворвался в вертолет на смену шуму мотора.

Летчик вытащил из кармана небольшую

плоскую бутылку и заставил ребят обтереться антикомариной жидкостью. Но кусачие насекомые не обратили никакого внимания на страшную жидкость и сразу начали жалить.

Пока взрослые беседовали, ребята зашли попить в контору прииска. У крыльца стоял двухлетний мальчишка в огромном накомарнике, как в шаре, и тарасил глазенки сквозь мелкую сетку.

На газике, подпрыгивающем на неровной тундровой дороге, отправились на горный участок, где мыли золото.

Миша из разговоров слышал, что существуют специальные машины — промысловый прибор и гидромонитор.

Послышался грохот, а потом возникло странное, довольно неуклюжее сооружение, куда вел водовод на сваях. На насыпном холме урчали два бульдозера, подталкивая к бункеру кучи глины и камней. Во все стороны растекалась мутная вода, и дальше газик не мог проехать.

Вышли из машины и побрели пешком, перепрыгивая через глинистые потоки.

Промприбор вблизи так шумел, что пришлось кричать, чтобы услышать друг друга.

— Вот этой штукой и моют золото! — сказал ребятам Виктор Павлович.

С грохотом вращалось длинное сооружение, похожее на железнодорожную цистерну.

— Бывал на прииске? — спросил Миша Андрейку.

Тот отрицательно мотнул головой.

— Здорово?

Андрейка не сказал бы, что все это здорово. Уж очень много пыли и грязной воды. А золота вообще не видеть.

— А где золото? — спросил он Виктора Павловича.

— Потерпите, ребята, — сказал мужчина в серой брезентовой куртке и высоких резиновых сапогах, — увидите и золото.

— Горный мастер Горбатов, — представил его ребятам Виктор Павлович.

Горный мастер с любопытством посмотрел на ребят.

— Пионеры, что ли? — спросил он у Виктора Павловича.

— Они самые, — ответил тот.

— Обстоятельно надо объяснить, — почему-то вздохнул Горбатов. — Весь цикл с самого начала.

Горный мастер шагал широко, не обращая внимания на мутные потоки. Из темной глубины наклонного туннеля по рельсовым путям выныривали вагонетки, бежали на невысокую эстакаду, опрокидывались — и обратно ныряли в туннель.

— Вход в шахту, — коротко объявил гор-

ный мастер. — Там мы и добываем золотосодержащую массу.

Он оглядел ребятшек, велел им немного подождать и через минуту вернулся с двумя вагонетками.

— Одевайтесь.

— А так нельзя? — спросил Миша.

— В вечную мерзлоту полезем, — ответил горный мастер. — Холодина там.

И верно — не прошли и пяти шагов по наклонному дощатому настилу, как почувствовали под ногами лед, а в лицо дохнуло настоящей стужей, словно за поворотом притаилась полярная зима.

— Глядите под ноги! — предупреждал Горбатов.

Но куда там! Вокруг открывалась такая красота — глаз не оторвать! Весь наклонный туннель был освещен электрическими лампочками, а стены сияли так, словно были выложены драгоценными камнями. Миша поначалу так и подумал — это блещит золото и драгоценные камни, как в гроте, в котором жила Хозяйка Медной горы из бажовских сказов.

— Это блещат кристаллы льда, — пояснил горный мастер. — Температура под землей круглый год держится ниже нуля. Тут еще тепло, а пониже — можно заколоться.

Мимо то и дело проносились вагонетки, но навстречу не попалось ни одного человека.

Кончился спуск, и почва под ногами стала ровной. Рельсы повернули в сторону, по ним и свернули ребята, следуя за горным мастером.

— В нашей шахте, как вы заметили, нет рабочих, — заговорил горный мастер. — Только взрывники. Придут, отпалят горную массу, а все остальное делают механические лопаты и электрический бульдозер, который управляется на расстоянии.

Обратный путь показался короче. Андрейка спросил, можно ли в этих сверкающих стенах увидеть золото.

— Сейчас, пожалуй, нет, — ответил горный мастер, но все же остановился, колупнул со стены камешек и подал Андрею, — тут должно быть золото. Попадаются иной раз самородки; но их легче найти при дневном освещении. Правда, вчера наш взрывник Якин нашел под ногами полукилограммовый самородок примерно в этом месте... Но это редкость. Главное золото нам дают промприбор и гидромонитор...

Вдали показался голубоватый отблеск дневного света, и потянуло теплом.

Когда ребята выбрались из-под земли на волю и глубоко вдохнули теплый, пахнущий тундровыми травами и развороченной землей воздух, Миша сказал:

— Как тепло в тундре!

— Двадцать пять градусов, — заметил горный мастер.

— Неужели? — удивился Миша.

— Солнце круглые сутки, ветра нет, находимся в долине — вот и тепло, — коротко объяснил горный мастер и сделал знак рукой. — Пошли дальше.

Ребята полезли вверх по насыпному холму, туда, где работали бульдозеры.

— Горную массу бульдозеры подают в бункер промывочного прибора. Там она измельчается, промывается водой... Вот здесь, — горный мастер показал куда-то вниз носком испачканного в глине резинового сапога, — чтобы не смывалось мельчайшее золото, ставим резиновые коврики.

На пути потока лежали покрытые желтым налетом резиновые коврики, похожие на те, что кладут у дверей.

Ребята спустились вниз вслед за горным мастером и оказались возле запечатанного железного ящика.

— Вот здесь и собирается все добытое золото, — объяснил горный мастер.

— Ребята! — послышался голос Виктора Павловича из дощатой будки. — Идите сюда, перекусите!

Миша и Андрей благодарили горного мастера и побежали к будке. Напоминание о еде было как раз кстати.

В будке начальник прииска на огромной сковороде жарил яичницу.

Виктор Павлович открывал банку колбасного фарша.

— Ну, ребятки, видели, как добывается золото? — весело спросил он.

— Видели, — ответил Андрейка. — Только самого золота не видели.

— Пыль да песок, — добавил Миша.

— А вот оно — золото, — начальник прииска кивнул на стол, на котором лежал широкий железный противень.

На противне вровень с низкими краями был насыпан темно-желтый, тусклый пластинчатый песок, в котором торчали редкие неровные комки с черными пятнышками.

— Это золото? — недоверчиво протянул Миша.

— Попробуй подними противень, — сказал папа.

Миша подошел, внимательно разглядел песок и даже зачем-то понюхал. Потом осторожно взялся за края и попытался поднять. Вот это был вес! Сразу чувствовалось, что это золото.

После Миши попробовал Андрейка. Он осторожно поставил золото на стол и деловито спросил:

— А сколько рублей?

Виктор Павлович и начальник прииска переглянулись.

— Много, — сказал начальник прииска. — Валюта.

Миша несколько раз оглядывался на железный противень и думал: вот оно, желтое сокровище, ради которого пираты топили корабли, затевались войны, люди охотились друг за другом. И сейчас в мире капитала тоже происходит борьба за него, а тут оно ле-

жит на железном противне и никто на него не обращает внимания.

Андрейка молча гадал, сколько же это рублей лежит на столе и что можно купить на эти ценности. Будь у него столько золота, что бы он сделал? Купил бы прежде всем обновы, особенно маме. Целый ящик капроновых чулок, которые так часто рвутся! Ну, и себе что-нибудь. Даже сразу и не придумать. Может быть, лодку, чтобы по лагуне плавать и рыбачить. Пожалуй, лодку. И мотоцикл, как у костореза Сэйгуна, чтобы лихо подкатывать к прилетевшему вертолету и забирать мешок с почтой. Ну, и съездить бы на эти деньги в Москву и Ленинград, искупаться в теплом море... Хотя это можно и за счет совхоза. Каждый работник совхоза может поехать в любой район страны, и совхоз оплачивает дорогу. Ну что бы еще? Трудно быть богатым! Может, посадить лес вокруг Тэпкэна? Привезти из тайги настоящие высокие деревья и пусть растут по берегу лагуны!

— Что задумался, парень? — обратился к нему Виктор Павлович. — Устал?

— Не устал, — ответил Андрейка. — Я думаю: наверное, очень трудно человеку, у которого много денег.

— Почему же? — спросил начальник прииска.

— Надо все время думать, что с ними делать.

— Были бы деньги, а что с ними делать — придумают жены! — весело сказал начальник.

У Виктора Павловича были какие-то дела в поселке горняков. Ребята побродили по улицам, заглянули в клуб и даже посидели на дневном сеансе. Вечером отправились в гостиницу — большой просторный дом с такими чистыми полами, что страшно было ступить на белые доски. На крыльце стояли ряды тапочек. Ребята разулись, сунули разгоряченные от долгой ходьбы ноги в тапки и направились в комнату на отведенные для них кровати.

На окнах чернели плотные занавеси, но все же яркий свет полярного дня проникал в комнату и непрекращающееся жужжание комариных стай доносилось сквозь плотные стены.

Рано утром Виктор Павлович разбудил мальчишек и потащил их, еще сонных, в столовую.

— Летим в партию! Навестим наших геологов!

И снова знакомый тундровый пейзаж.

— А вот яранги! — закричал Андрейка.

Две пятнистые яранги стояли на берегу большого озера. Они казались сошедшими со страниц старинной книги. Возле них копоши-

лись люди, такие маленькие, смешные — с огромной высоты.

— Сядем — возьмем проводника, — сказал Виктор Павлович, и земля сама надвинулась на вертолет, приняв машину мягким бугром-моховищем.

Едва успела открыться дверца, как Миша пулей выскочил из вертолета.

Вот оно — настоящее чукотское стойбище и древние яранги!

Ведь это все равно что на фантастической машине времени вернуться в прошлое!

Навстречу шли пастухи. Они были без комарников, хотя кругом вились комариные полчища.

Пастухи были одеты совсем не так, как одеваются жители прибрежного чукотского селения. На ногах — легкие летние торбаза, перетянутые крест-накрест широкими ремнями, потом легкие замшевые брюки, сильно вытянувшиеся и запузырившиеся на коленях, и тонкая коричневая замшевая кухлянка, низко перетянутая ремнем с висящими на нем ножами.

— Здравствуйте, Виктор Павлович, — поздоровался один из пастухов, молодой мужчина, ничем внешне не отличающийся от других. — С прибытием вас.

Оленевод говорил на чистейшем русском языке.

— Уже чайник поставили и мясо сварили, — продолжал пастух. — Погостевали бы.

— Гостевать у нас времени нет, — ответил Виктор Павлович. — Лететь надо скоро. Второй день уже путешествуем.

Подождал Андрейка, и пастух удивленно спросил:

— А ты чего тут делаешь, Аникай?

— Андрейка Чукотку показывает моему сыну, — ответил Виктор Павлович. — Вот он, мой Миша.

Миша подал руку пастуху.

— Очень приятно, — сказал пастух. — Может, ты останешься, а папа потом прилетит за тобой?

Конечно, здорово было бы остаться в оленеводском стойбище, пожить, порыбачить вон в том озере, походить за оленями... А где олени? Возле яранг бродят только ленивые мохнатые собаки, а оленей и вовсе не видать.

— Где же олени? — спросил Миша.

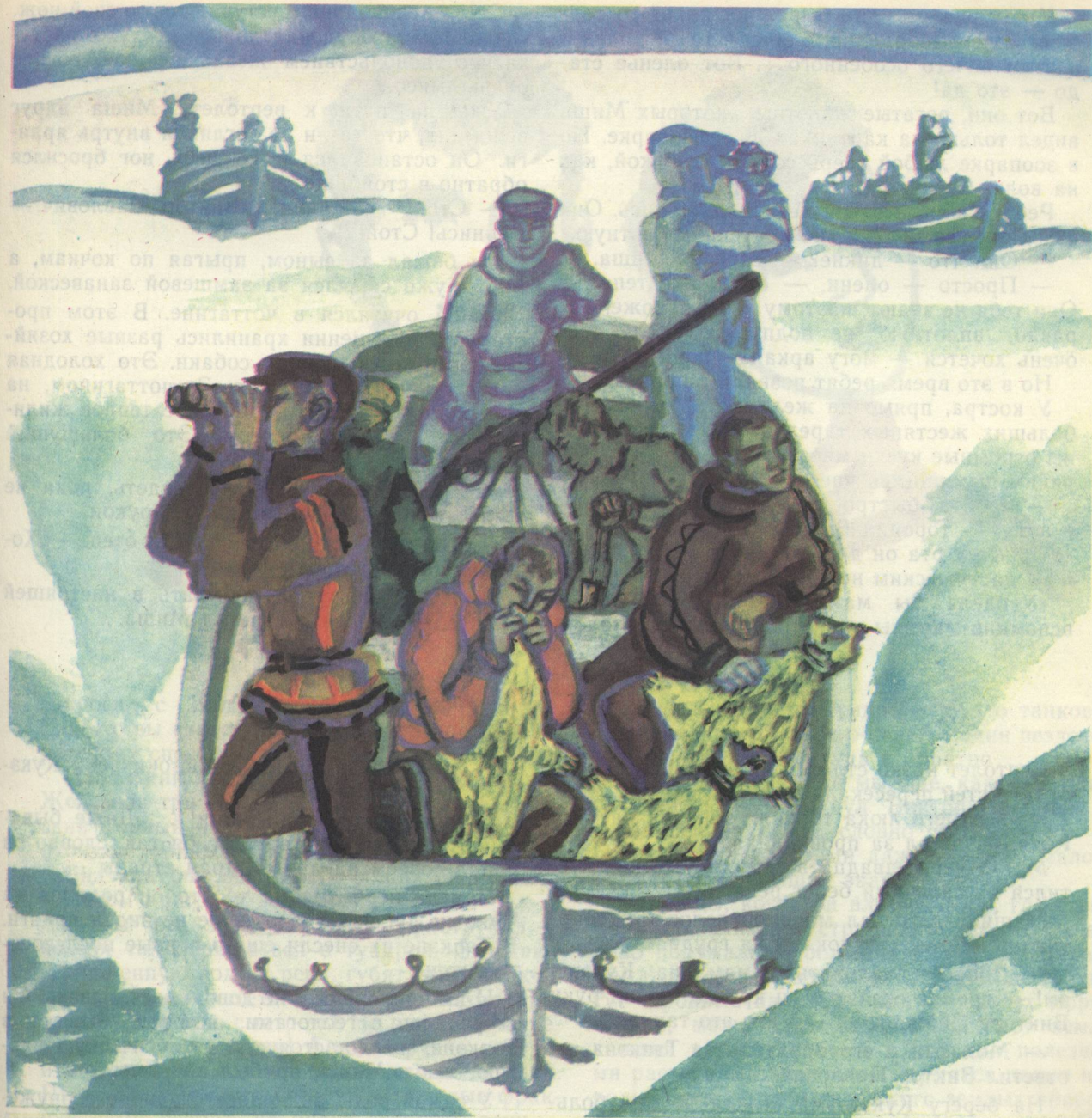
— А вон! — пастух показал в сторону.

Там колыхалось что-то серое: огромное стадо медленно передвигалось по низине.

— Ух, сколько их! — невольно вырвалось у Миши. — А можно подойти?

— Конечно, можно, — сказал пастух и позвал: — Степа!

Из яранги выполз заспанный парень, протер глаза и кинулся к Андрейке.

— Какомэй! Как ты здесь очутился?

— Прилетел, — солидно ответил Андрейка. — Вот мальчик из Ленинграда. Мишей зовут. Оленей хочет посмотреть.

Одежда на Степе была точь-в-точь такая же, как на пастухе, только все меньшее — и торбаза, и кухлянка, и даже нож в кожаном чехле на поясе.

— Из Ленинграда? — переспросил он. — Вот здорово! Прямо оттуда?

— Миша теперь живет в нашем поселке, — сообщил Андрейка. — Учиться вместе с нами будет.

— Из Ленинграда, значит, — говорил по дороге в оленье стадо Степа. — Вот где мне хочется побывать! Даже сильнее, чем в космосе! Город-герой! Революция там была, «Аврора» стоит, и Зимний дворец! И еще это... Дворец пионеров! Я видел кино. Настоящий дворец у царских родственников и отдали детям... Вот бы побывать там! Ты, наверное, оттуда и не вылезал? — с оттенком зависти спросил он Мишу.

— Бывал там, — уклончиво ответил Миша. — Хорошее поместье.

Миша раз или два бывал на каких-то торжествах во Дворце, но, в общем-то, не видел и в этом ничего особенного... Вот оленье стадо — это да!

Вот они, рогатые животные, которых Миша видел только на картинках да в зоопарке. Но в зоопарке любой зверь совсем не такой, как на воле.

Ребята шли, а олени не приближались. Они отходили все дальше, не допуская вплотную.

— Они что — дикие? — спросил Миша.

— Просто — олени, — ответил Степа. — Они тебя не знают, поэтому и настороже. Все равно, вплотную не подпустят. Если тебе очень хочется — могу арканом поймать.

Но в это время ребят позвали к ярангам.

У костра, прямо на желтых дощечках, на больших жестяных тарелках были разложены огромные куски мяса, стояли кружки с горячим дымящимся чаем.

— Ребята, быстро перекусите — и дальше в путь! — торопил Виктор Павлович.

Прямо у рта он держал кусок мяса и большим пастушеским ножом отрезал куски.

«Увидела бы мама», — подумал Миша, вспомнив мамины уроки поведения за столом.

Степа великодушно уступил гостю свой нож. Скоро Миша орудовал ножом не хуже пастуха и с удовольствием жевал нежное, сочное оленье мясо.

Уже на пути к вертолету Миша вдруг вспомнил, что так и не заглянул внутрь яранги. Он остановился и со всех ног бросился обратно в стойбище.

— Стой! — закричал Виктор Павлович. — Вернись! Стой!

Он бежал за сыном, прыгая по кочкам, а Миша уже скрылся за замшевой занавеской.

Миша очутился в чоттагине. В этом просторном помещении хранились разные хозяйственные вещи и жили собаки. Это холодная часть тундрового жилища. За чоттагином, на деревянном каркасе — меховое теплое жилище, называемое пологом. Это большущий ящик из оленьих шкур.

Все это Миша успел разглядеть, пока не был схвачен крепкой отцовской рукой.

— Ты что? — сердито спросил отец. — Хочешь здесь остаться?

— Я же не успел побывать в настоящей яранге, — виновато ответил Миша.

4.

Вертолет низко стлался над тундрой, и тень от лопастей пересекала озерца и речки.

Из верхнего люка торчали торбаза пастуха Клея, он летел за проводника.

Минут через двадцать вертолет мягко опустился на галечный берег реки.

Машину встречал молодой человек в спортивной куртке, с биноклем на груди.

— Добро пожаловать к нам, на Кукэвэ-эм! — громко сказал он и крепко пожал руку Виктору Павловичу. — А кто это такие?

— Мой сын и его приятель из Тэпкэна, — ответил Виктор Павлович.

На берегу Кукэвээма стояли четыре большие палатки. Собственно, это были настоящие дома. Только стены в этих домах были полотняные. Слышалась музыка.

Миша заглянул внутрь и поманил Андрея.

Внутренность палатки выглядела как хорошая комната в большом доме. Ребята сначала не заметили девушку, пока не услышали ее голос:

— Входите, чего топчетесь у порога?

Ребята вошли в палатку. Девушка спросила каждого, как зовут, подала каждому по конфете, словно малышам, и заговорила учительским тоном:

— Наша база исследует истоки реки Кукэвэем на золотоносность.

Геологическая экспедиция! . . . Даже бывалый Андрейка чувствовал себя так, словно он попал совсем на другой край страны.

И ведь несмотря на то что он родился на Чукотке, он никогда раньше не видел яранги. В Тэпкэне их снесли еще в первые послевоенные годы.

И на прииске ему не доводилось бывать. Он встречался с геологами, которые бывали в Тэпкэне, но в настоящую геологическую партию, как и Миша, прибыл впервые.

У самой воды виднелось странное сооружение, сложенный из дикого камня усеченный конус. Сверху шел дымок.

— А это что такое? — спросил Миша.

— Пекарня, — ответила девушка.

За чаепитием начальник партии, тот самый парень, который встречал вертолет, рассказал:

— Эту пекарню соорудил нам Ваня Машкин. Он сейчас на маршруте. Достался ему какой-то археологический журнал, где описывалось, как древние славяне пекли хлеб. В журнале описывалось это хлебопекарное сооружение. Вот и решил Ваня проверить археологов. Соорудил печь, а закваску по рации

запросил с Биллингской полярной станции. Так что вы едите хлеб, испеченный по древнерусскому способу девятого века.

Начальник партии Григорий Романович Железнов три года назад окончил ленинградский Горный институт, который в свое время окончил и Виктор Павлович.

Сначала они вспомнили общих знакомых.

Потом Григорий Романович сказал:

— Ты бы этих горняков приструнил — нельзя так обращаться с тундрой. Спускают неочищенную воду в реки, губят рыбу. Как-то мне пришлось лететь вокруг Нутэнского приска — страшно смотреть! Не речки, а какие-то коричневые потоки! А ведь ерунда построить отстойник. Здесь никакой химии не надо. Пусть вода немного постоит и тяжелые фракции сами осадут, не будут засорять реки... И еще — гусеничный транспорт. Скажи, Клей, сколько времени растет ягель?

— Лет двадцать нужно для восстановления пастбища, — ответил Клей.

— Вот, двадцать лет, — заметил Григорий Романович. — А для того чтобы вездеходу пройти — нужна минута.

— Но как же быть? — ответил Виктор Павлович. — Ездить же надо!

— Опять же самая малость нужна, — сказал Григорий Романович. — Нужно, чтобы вездеходы ходили по одной колее. А то каждый норовит собственную дорогу проложить.

Иной раз идешь по тундре — будто танковое сражение было. А всего-навсего один вездеход раз десять проехал туда и обратно...

— Да, не подумали мы еще, как нам тундру сберечь, — вздохнул Виктор Павлович и оглянулся на ребят, словно стесняясь их. — Надо быть патриотами даже в самом малом.

Андрейка услышал знакомое слово.

Однажды, когда он влез на гору, где стоял маяк, его охватило странное волнение. Отчетливо подумалось: большая штука — планета Земля. И самые разные места есть. Где-то растут стройные пальмы. Вода в южных морях теплая, можно купаться. Расцветает земля каждой весной хлебами и другими полезными растениями, которыми кормятся целые народы. Есть тайга и еще много земных красот. А за что может похвалить Андрейка свою Чукотку? Особенно то место, где он родился и живет? Трава растет, это да. Да кое-какие цветочки, которые едва торчат над землей, прячась от студеного дыхания Ледовитого океана. Зато камня очень много. Голые камни громоздятся друг на друга, образуют скалистые берега. Галечные отмели тянутся на сотни километров... И климат тоже не отличается мягкостью. Сейчас лето. Но попробуй снять теплую куртку! Здесь, в тундре, еще можно побегать в рубашке. А на берегу моря? Пройдет месяц-полтора, и день начнет убывать с такой быстротой, что, глядишь —

уже маяк шарит во мраке светлым лучом. Настанут тягучие темные осенние вечера. Море, забывает, огромные волны будут бить в скалистые берега, а потом выпадет снег и начнутся зимние холода. Замерзнут реки, озера, лагуны. Северный ветер пригонит лед, и море скроется под толстым льдом. Солнце исчезнет до длинных дней. Бесшумно запылывает полярное сияние, а в тихие дни хоть все время изучай астрономию! Такие большие и чистые звезды! Где еще такие увидишь? И в общем-то, неплохо на Чукотке! Даже когда пурга и ветер несут человека, словно пушинку! Уцепишься, найдешь какую-нибудь сугробинку и ползешь, ищешь дом или школу. И когда победишь пургу, мороз, в душе поднимается такое, что словами не выразить. И думаешь — как было бы тебе плохо без всего этого, даже если вместо пурги и полярного сияния будут пальмы и теплое море! И еще, как сказал отец, надо быть патриотом. Тогда твоя земля будет самой прекрасной на свете, и чувства других людей, любящих и свою землю, станут понятны и близки тебе.

— Надо беречь тундру, — неожиданно громко повторил Андрейка.

— Совершенно верно, — серьезно отозвался Виктор Павлович. — Вернемся в Тэпкэн и сядем писать письмо большому начальству.

— Ну, Миша, нравится тебе здесь? — спросил Железнов.

— Очень! — восторженно ответил Миша. — Всю жизнь не уходил бы с этой реки!

— Геолог на то и геолог, чтобы уходить, — с грустью сказал Григорий Романович. — Зато потом сюда придут постоянные жители и построят прекрасный город.

— Город, в котором будут жить люди, не боящиеся тундры и севера, — подхватил Виктор Павлович. — И пусть будут настоящие северные города, а не оранжереи, которые проектируют для выставок. И чтобы тундра была в этом городе, и Ледовитый океан, а не тропический лес из пыльных фикусов!

На круглой печке вскипел второй чайник. Кто-то приоткрыл дверцу, и в палатку ворвалась туча комаров.

— Только чтобы комаров не было в этом городе! — сказала девушка.

— От комаров как-нибудь избавимся, — обещал Григорий Романович таким тоном, словно это зависело от его доброй воли.

Как ни хорошо было в путешествии, но ребятам уже хотелось вернуться домой. Наверное, наибольшая прелесть всякой поездки в счастливом появлении вновь среди знакомых лиц, среди родных.

Андрейка сошел с вертолета и первый, кто с ним поздоровался, был белый пес Эльгар. Грязноватый летом, зимой он становится таким снежно-белым, что издали его можно принять за песца.

— Еттык! — звонко сказала Мишина мама.

— Какомэй! — отозвался ей в тон Виктор Павлович. — Ты уже научилась чукотскому языку!

— Два дня тренировалась, пока вас не было, — ответила Галина Михайловна.

Уже дома, за ужином, мама спросила:

— Ну, Миша, расскажи, что повидал.

— Много, — ответил Миша. — Вот тут, — он ткнул себе в лоб, — все перемешалось.

— А что самое интересное? — настаивала мама.

— Яранга, — неожиданно для себя ответил Миша.

— Это верно, — заметил папа. — Он так пустился обратно, словно хотел навсегда остаться в стойбище Клея.

— Я долго думал о яранге, — продолжал Миша. — Андрейка мне рассказал, что в древности предки чукчей жили в особых землянках, как наши в войну. Спускались вниз по лесенке и грелись вокруг костров, разведенных прямо на земляном полу. Потом изобрели яранги и стали в них жить. Жировыми лампами так натапливали, что совсем голышом ходили внутри. Андрейка говорит, что комнату в деревянном доме так не натопишь, как полог... А теперь перешли жить в дома. Не все сразу, а постепенно. Да и старики долго не хотели расставаться с ярангами. А яранги остались в тундре, потому что там кочевая жизнь и ярангу можно разбирать и переносить на новое место... Пробовали передвижной дом, но он часто ломался от кочевки...

Миша говорил, но уже чувствовал, что глаза его слипаются. Мама подхватила его под руки, довела до дивана, помогла раздеться, и через минуту Миша крепко спал, повернувшись лицом к стенке, на которой отражался солнечный зайчик полярного круглосуточного солнца.

5.

— А это не опасно? — все спрашивала Галина Михайловна, шагая рядом с Мишей к берегу моря.

— Ну, мам, ну иди домой, — шептал Миша, — вон Андрейкина мама не идет за ним... Ну, мам, ну иди...

Но мама не обращала внимания на Мишины слова, а все просила Аникая-старшего:

— Вы уж, как обещали, только издали, хорошо?

— Постараемся, Галина Михайловна, — обещал Аникай-старший.

Вельботы отчалили от берега, а Миша все видел маму, стоящую на берегу. Она махала ему капроновой косынкой, но он стеснялся отвечать ей, потому что, как сказал Мише Андрейка, провожать охотников здесь не принято.

Миша огляделся. Молодые ребята усердно надували нерпичьи пыхпыхи. Интересно было смотреть, как сморщенный мех обретал тюленьи очертания, наполнялся воздухом, становился торчком. На носу лежали большие металлические наконечники гарпунов. Рядом — рукоятки, толстые, с руку взрослого. На самой середине судна, на треножнике, была прикреплена большущая винтовка. Миша уже знал, что это противотанковое ружье. На банке-скамье лежали патроны, величиной с маленькие снарядики.

Каждый в вельботе был чем-то занят, и Миша чувствовал неловкость от своей праздности.

Аникай-старший заметил это и подал ему жестяную помпу.

— Как заметишь, что появилась вода, — качай.

Миша с помощью Андрейки приладил помпу, покачал, но на днище вельбота еще было сухо.

Андрейка надувал пыхпыхи, подавал мотористу свечи, прочищал их. И даже раскурил гарпунеру короткую трубку.

Заработал мотор, и вельботы двинулись в открытое море, оставляя берег за кормой. Показались сине-зеленые громады островов Диомида.

Когда Аникай-старший брал Мишу на вельбот, он говорил, что всякий советский человек на вельботе — немного пограничник и обязан зорко охранять государственную границу.

Миша внимательно оглядел пустынный морской горизонт. Ничего, кроме тэпкэнских вельботов.

Зато поражал простор, такой широкий и нескончаемый. Остальные вельботы становились все меньше, теряясь в водной равнине. Прошло совсем немного времени, а их можно было найти только по звуку моторов.

Время от времени над водой пролетали птичьи стаи. Они стлались низко, едва не задевая крыльями воду. Они летели вдоль береговой линии, а вельботы удалялись все дальше и дальше.

Уже невозможно различить домики Тэпкэна, скрылись даже мачты радиостанции, маяк на горе. В поле зрения оставались только наливающиеся синевой горы Чукотского полуострова.

На носу стоял Сотгыткы и не отрывал бинокля от глаз. Иногда он подавал знаки рулевому, и Аникай-старший плавно поворачивал румпель.

Чуть в стороне проплыли моржи.

Андрейка объяснил Мише:

— Эти моржи лягут на гальку и будут отдыхать перед осенними холодами.

— Как на курорте они, что ли? — спросил Миша.

— Почти, — кивнул Андрейка.

На вельботе никто не разговаривал. Кто сосредоточенно курил, не сводя глаз с моря, кто просто смотрел вокруг. Но над всеми висел невидимый груз напряженности, предшествующей китовой охоте.

Вдали послышались хлопки выстрелов.

— Кто-то балуется, — сказал Аникай-старший и поудобнее уселся на кормовой площадке вельбота.

На голове у него была полотняная кепка с огромным козырьком. А все остальное — свое, чукотское: камлейка из непромокаемой ткани, нерпичьи брюки и торбаза с высокими непромокаемыми голенищами. Остальные охотники были одеты приблизительно так же, как рулевой, хотя кое-кто вместо нерпичьих надел матерчатые брюки и резиновые сапоги.

Сотгыткы повернул лицо к рулевому и молча показал вперед.

— Там! — восторженно воскликнул Андрейка, обращаясь к Мише. — Там кит.

— Где? — Миша почувствовал, как у него в груди заработал какой-то моторчик.

— Смотри внимательно, — Андрейка вытянул вперед палец, а Миша почти приложил глаз к его руке, но так ничего и не увидел.

— Ничего не вижу...

— Ты смотри, смотри! — возбужденно говорил Андрейка и в его голосе слышалось нетерпение: как это можно не увидеть китовый фонтан!

Но Миша не догадывался, что надо заметить китовый фонтан. Он ожидал увидеть самого кита приблизительно таким, каким он нарисован в книжке «Конек-Горбунук».

Сотгыткы протянул бинокль.

— Нет, — забормотал Миша, — вам же нужнее...

— Теперь не нужно, — дружелюбно улыбнулся Сотгыткы, — я теперь его и так хорошо вижу.

Миша осторожно приставил к глазам бинокль. Горизонт не стал ближе, но заметался, а воздух над морем стал синевато-холодным. В поле зрения появились какие-то линии и цифры. Потом Миша догадался, что эти линии на стекле линзы. А кита все не видно. Некоторое время Миша водил биноклем из стороны в сторону, пока не блеснул фонтан. Это было так неожиданно, что Миша отпрянул назад и едва не выронил тяжелый бинокль.

— Увидел? — спросил Андрейка.

— Фонтан вижу, — снова приставив к глазам бинокль, ответил Миша. — Потерял.

— Не потерял, а кит нырнул, — сказал Андрейка. — Подожди немного, он сейчас снова покажется.

Но кит долго не показывался. Может быть, потому, что Миша смотрел совсем в другую сторону. Но когда ему снова удалось увидеть китовый фонтан, он уже был так близко, что сердце у Миши екнуло и он вспомнил отцовы слова, что морской великан раз в пять больше вельбота.

Сотгыткы прилаживал железные наконечники к толстым рукояткам и, проверяя ременные линии, аккуратно сматывал их рядом с собой.

Теперь китовый фонтан был не только виден, но и слышен. Звук походил на глубокий вздох большого человека, поднимающегося без лифта с первого на десятый этаж. Явственно слышалось простое человеческое „уф-ф!“.

Расстояние между китом и вельботом быстро сокращалось. Откуда-то появились два других вельбота. Но они мчались позади. Аникай-старший передал румпель другому охотнику и перебрался на нос.

Сотгыткы и Аникай-старший встали рядышком. Каждый держал на чуть откинутой руке китовый гарпун, который уж не казался таким большим. Сомнение взяло Мишу — а можно ли вот так загарпунить кита? Ведь современные китобойные флотилии, как пишется в книгах, оснащены специальными китобойными пушками и разными механизмами. И на судах у них не такие вот хлипкие подвесные моторчики, а настоящие большие и мощные машины...

Кита теперь можно было видеть всего.

Сначала из зеленой толщи воды стремительно вырывалась голова, лоснящаяся, гладкая, словно кит был отлит из специального пластика, потом пыхал фонтан, и уже после мелькал раздвоенный плавник — кит уходил в зеленую глубину океана.

Вельботы гнались за китом без выстрелов.

— Почему не стреляют? — шепотом спросил Миша.

— Сначала надо догнать кита и загарпунить, — ответил Андрейка. — Когда гарпуны застрянут в теле, на воду выпрыгнут пыхпыхи и не будут пускать кита глубоко в воду.

А кит все плыл, словно и не прибавляя скорости. Порой казалось, что он вот-вот подденет на свою могучую спину хрупкий вельбот. Морской великан был совсем рядом, так близко, что, казалось, протяни руку — и дотронешься до его блестящей кожи. Но гарпунеры все так же неподвижно стояли на носу вельбота, словно застывшие изваяния.

Вот еще чуть-чуть — и вельбот обязательно наедет на кита! Миша зажмурился и весь напрягся, ожидая удара. Действительно, что-то дрогнуло, зашелестело, засвистело. Миша открыл глаза и увидел, что вельбот несется в сторону, а в воду один за другим, словно ожившие, прыгают пыхпыхи и прочерчивают водную гладь, скрываясь в глубине. Один, второй, третий, четвертый, пятый...

Рулевой отвернул вельбот в сторону, и на его место встали другие вельботы.

После того как загарпунили кита, вельботы перестроились и привели в готовность противотанковые ружья. Раздались четыре громких выстрела — и кит затих.

Аникай-старший осторожно подвел вельбот

к застывшему пыхпыху — поплавку. Сотгыткы перегнулся через борт и потрогал ремень. И вдруг разом над морем зазвучали слова, слышался смех.

Охотники перегибались через борт, орудова-ли острыми длинными ножами, и в вельбот летели куски китового сала и мяса. Все три вельбота собрались вокруг кита. Толстый канат-буксир пропустили через все вельботы, завели моторы, и суда, буксируя убитого кита, двинулись к берегу.

Шли медленно-медленно.

Охотники резали куски китового сала с кожей и ловко кидали в рот. Андрейка протянул кусок Мише.

Сначала Миша ничего не почувствовал, кроме прохлады. Потом язык ощутил какую-то сладость. Странно это — ведь он положил в рот не конфету, а китовый жир с кожей. Пожевал и проглотил растопившийся жир. Вкус был ни на что не похожий. Хотя китовая кожа напоминала видом кусок автомобильной по-крышки, она была очень вкусная!

На носу вельбота Сотгыткы гремел огромным чайником. Он нацедил воды из бочонка, накачал примус, и к звуку мотора прибавился звук горящего примусного пламени.

— Миша, а ты свою работу не забыл? — строго спросил Аникай-старший.

Миша быстро проглотил кусок китового жира и схватился за ручку помпы. Как же он забыл!

Под палубой уже было порядочно воды, Миша принялся выкачивать ее, направив струю в колодец, в котором находился подвесной мотор.

В ожидании чая Аникай-старший принялся рассказывать, как в старину охотились на кита.

— До революции в этих водах собиралось множество китобойных шхун. Главной ценностью был китовый ус. Иногда китобойцы, добыв кита, вырезали ус, а тушу бросали в море. А чукчи и эскимосы не имели шхун. Даже моторных вельботов не было. Охотились с кожаной байдары с одними гарпунами. Сейчас то что! Вельбот моторный, да противотанковое ружье!

Миша вспомнил, какое жалкое зрелище представлял деревянный вельбот на десять человек рядом с огромным китом, хотел было возразить, но промолчал, потому что во время охоты он только смотрел, сам ничего не делал.

Чай вскипел, и Сотгыткы разложил на чистой доске эмалированные кружки, галеты, колотые куски крепкого сахара. Первая кружка налита была рулевому, а вторую подали Мише. Чай был крепкий, и от него пахло бензином. Но Миша пил с удовольствием,

и ему казалось, что никогда и нигде ему не доводилось пробовать ничего более вкусного.

— Очень вкусно!

— А ты еще с китовым салом вместо сахара — вот тогда настоящий вкус! — посоветовал Андрейка.

Миша попробовал. Честно признаться, вкуснее не было, но что-то новое в этом было, и Миша сказал:

— Очень интересно.

Берег приближался очень медленно.

Ревели моторы, буксирный канат то натягивался, то слабел, неровно толкая вельбот, китовая туша то всплывала из воды, то утаскивала канат и воздушные пыхпыхи.

Если все время смотреть на берег, покажется, что он вовсе и не приближается. Но если чем-то заняться, перекинуться словом с кем-нибудь из соседнего вельбота, сполоснуть в забортной воде кружку, покачать ручной насос, а потом как бы невзначай глянуть на берег, тогда покажется, что вельбот стал чуть ближе к берегу и даже кое-кого можно различить у прибойной черты.

Солнце скрылось за линией воды и неба. Нахмурилось небо, потянуло прохладным ветром.

Возбужденная толпа ожидала охотников. Миша узнал отца, мать. Они стояли в ряду ожидающих, и это роднило их с тэпкэнскими жителями. Мише стало приятно от мысли, что теперь папа и мама не кажутся приезжими. Ему хотелось крикнуть им что-нибудь веселое, бодрое, но из вельботов никто не кричал, не переговаривался с людьми на берегу.

Два трактора, подминая гусеницами гальку, спустились к воде.

Вельботы ткнулись о берег, и тогда только охотники заговорили с теми, кто оставался на берегу. Слова были веселые, но радость не вырывалась наружу, а сдерживалась. Только Галина Михайловна вдруг кинулась к сыну и принялась его тискать, целовать, говорить какие-то глупые слова, вроде «мой милый», «малыш»...

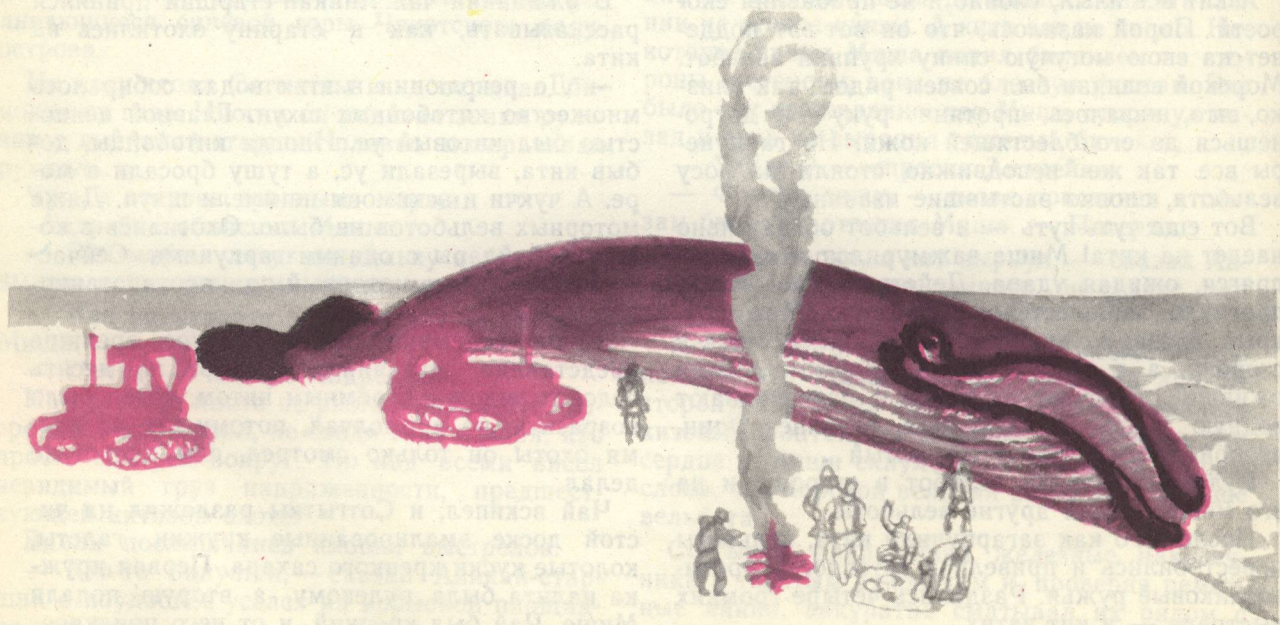
А Мише стало так стыдно и неловко, что он не знал, куда деться, и неуклюже пытался освободиться от маминых объятий.

— Отпусти его, — тихо попросил папа, — не смущай парня.

Тем временем два трактора подцепили кита и потащили на берег. Туша ползла из воды, подминая под себя гальку. Тросы натянулись и звенели, словно струны на балалайке. С металла капала вода, а кит вырастал из воды громадой, и только сейчас Миша по-настоящему почувствовал, как он велик! Мало того, что кит был больше любого вельбота и даже морского катера, он еще и, наверное, силен был необыкновенно. Человек, добывший морского великана, мог спокойно браться за любое земное дело, для него зимняя темень, снежный ураган и жестокий мороз не казались уже такими страшными.

Тьма наступала на морской берег, но кит был еще темнее.

Кто-то разжег костер, и высокое желтое пламя отпечатало на темном фоне неба блестящее тело черного кита.

Продолжение следует

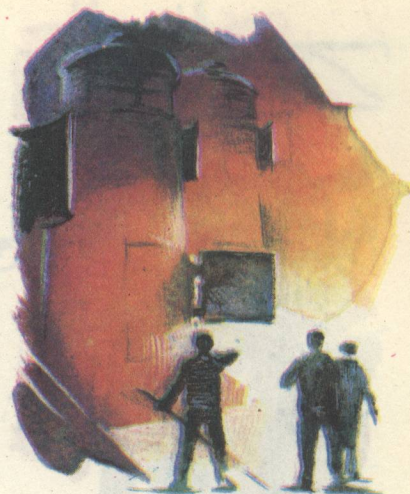
ТОЛЬКО

ОДИН

ДЕНЬ

В. Зубарев

Рисунки Е. Филатова

Каждое утро ненадолго оживает Минеральная улица. Людской поток устремляется по ней к высокому каменному зданию, над которым еще издали можно прочесть: «Станкостроительное объединение имени Я. М. Свердлова».

Улица быстро пустеет. Становятся к станкам токари, фрезеровщики, сверловщики, автоматчики — к концу смены они сдадут в отдел технического контроля сотни обработанных деталей. «Колдуют» на сборочных площадках и у испытательных стендов слесари, сборщики, механики — к концу смены будут испытаны сложные узлы с программным управлением, собраны новые, очень точные станки. Склоняются над чертежными столами конструкторы — к концу рабочего дня на листах ватмана появятся новые линии, новые расчеты.

Вместе с рабочими и конструкторами каждое утро входит в дом на Минеральной улице человек, который не вытачивает детали, не конструирует и не собирает станки. Зовут его Николай Александрович Паничев.

Чем наполнен день Николая Александровича? Давайте вместе, по часам, проследим, из каких забот складывается этот день.

8.30. Сегодня, как и обычно в это время, Паничев просматривает оперативную сводку. На небольшом листе уместилось все: как прошел вчерашний день, как поработали цехи,

кто ушел вперед, а кто отстал, по вине какого участка задерживается сборка важного станка.

Не ради любопытства Паничев изучает сводку. Вот он записал на листке календаря «Литейный цех» и поставил рядом три восклицательных знака.

У Паничева нет так называемых приемных дней и часов. Дверь в его кабинет всегда открыта; не успел он отложить сводку, как в кабинет вошли рабочий и механик цеха, где выпускаются координатно-расточные станки.

Оба — и Паничев знает об этом — отправляются в командировку, в далекую Японию, там им предстоит смонтировать советский станок. Хозяин кабинета приглашает специалистов к столу. Куплены ли билеты на самолет? Подготовлен ли необходимый инструмент?

— Ну, счастливого пути.

Навстречу рабочему и механику уже шел курьер с сообщением, что делегация польских станкостроителей будет через полчаса.

— Хорошо. Сообщите об этом главному инженеру. Мы вместе будем сопровождать гостей.

9.40. Много различных делегаций — из Москвы и Парижа, Свердловска и Стокгольма, Вены и Копенгагена — бывает в Станкостроительном объединении. Во всем мире знают советскую фирму и приезжают сюда, чтобы заключить торговую сделку, контракт, познакомиться с производством. Обычно объяснения

гостям дают технические специалисты: технологи, конструкторы. Но часто зарубежные делегации заранее ставят условие: «Нам хотелось бы получить представление о том, как трудятся и живут ленинградские станкостроители, как дела у коммунистов, как работает партийный комитет». И тут без Николая Александровича не обойтись.

Вместе с главным инженером объединения Евсеем Александровичем Плоткиным Паничев водил гостей по цехам. Показывал, как создается станок. Был на заготовительном участке, где происходит «раскрой» металла, был у сборочных испытательных стендов.

Гости задавали много вопросов. На одни из них дал исчерпывающие ответы Плоткин, на другие отвечал Паничев. Польских специалистов интересовало, часто ли проходят партийные собрания, какие вопросы обсуждаются на заседаниях партийного комитета, сколько коммунистов в объединении и что такое планы социального развития производственных коллективов. Об этих планах поляки много слышали у себя на родине.

И Николай Александрович объяснял:

— Известно, что человек и производство тесно связаны между собой. Чем выше знания работника, тем больше пользы он принесет заводу. И, наоборот, чем современнее техника в цехах, тем больше требований цехи предъявляют каждому ра-

ботнику. Он должен повышать свою квалификацию, сегодня знать больше, чем вчера. Вот эти связи мы и стремимся учитывать. Мы знаем, например, что через год начнем осваивать новые станки с программным управлением, и уже сегодня готовим токарей, сборщиков, учим их, чтобы они умели делать такие станки. Больше тысячи наших рабочих учатся в вечерних школах, около тысячи — в техникумах и институтах.

12. 10. Беседа с польской делегацией в своем кабинете, Паничев скользнул взглядом по календарю. В глаза бросились три восклицательных знака: «Литейный цех». Провожая гостей, он уже знал, что отправится туда, в литейный.

Это один из самых трудных цехов завода. Условия здесь похуже, чем в других. Взять, к примеру, термоконстантный цех: там всегда поддерживается одна и та же температура и влажность воздуха, светло, чисто. А в литейном — жарко, копать, расплавленный металл, да и хлама хватает на участках, особенно на формовочном. Не раз работу этого цеха критиковали — и даже по настоянию Паничева сняли с работы прежнего начальника, потому что он ничего не делал для того, чтобы навести в своем хозяйстве порядок.

Паничев то и дело останавливался, здоровался с литейщиками. У второй

печи он заметил понуро стоявшего мастера Панкратова: именно в его смену минувшей ночью была отлита многотонная станина, в которой контролеры обнаружили трещину. Инженер Смирнов, которого Николай Александрович встретил тут же, зло сказал:

— Пора уже, товарищ Паничев, за нарушение технологии и по партийной линии наказывать.

Паничев кивнул головой, но ничего не ответил и подошел к Панкратову.

— Кто вел плавку?

Панкратов назвал несколько фамилий рабочих и добавил, что они не виноваты, что это он, Панкратов, недосмотрел. Долго не привозили шихту, а когда, наконец, глубокой ночью пришли два вагона, Панкратов распорядился начинать плавку. Позже стало ясно, что трещина получилась из-за того, что в печь сбросили вместе с годной шихтой отходы металла, которые предназначались для других целей, но не для литья станины.

Паничев посмотрел на Панкратова. После бессонной ночи тот очень устал.

— Сейчас идите домой, отоспитесь, а завтра поговорим.

Паничев понимал, что за трещину будет спрос и с рабочих, и с мастера. Но решил, что нужно и снабженцев, поставляющих металлолом, и технологов пригласить для серьезного разговора. Да, Панкратов взял на себя всю вину, размышлял Паничев, но виноват не только он и нужно во всем как следует разобраться.

И он решил переговорить обо всем с генеральным директором объединения.

14. 30. Однако до директора Кулагина Паничев дошел не сразу. У двери кабинета стоял молодой парень в ватнике и сапогах. Явно кого-то поджидал.

— Я к вам, — сказал парень и протянул обходной лист. — Надо, чтобы вы подписи поставили. Ухожу с завода.

Паничев взял бумагу и увидел, что все, кому положено, уже расписались. Иными словами, дали разрешение на увольнение Игоря Кожухалова (так звали парня) по собственному желанию. Не хватало одной подписи — Паничева.

— Почему вы решили уходить с завода? Зарботок не устраивает?

— Зарботок нормальный, — ответил Кожухалов. — Работа не по мне. Когда в отделе кадров меня направляли в тридцатый цех, то пообещали: год поработаешь, а потом, уж если ты так настаиваешь, будешь водить машину. Но прошел год, второй, а в отделе кадров по-прежнему говорят: продолжай в цехе работать. А я, понимаете, машину люблю. В армии специальность шофера получил и не хочу ее терять. В Ленинграде шоферы нужны, так что подпишите, найду себе другое место. Не хочу расставаться со своей мечтой.

— А если я помогу вам здесь ее осуществить, останетесь у нас?

— Если шофером? Конечно, останусь.

Паничев позвонил начальнику транспортного цеха, а еще через десять минут Игорь Кожухалов порвал обходной лист и, по-мальчишески подпрыгнув, выбежал из кабинета: его оформили шофером.

15. 20. Генеральный директор объединения Георгий Андреевич Кулагин слушал Паничева и согласно кивал головой: да, с литейным цехом нужно разобраться. Поддержал он Паничева и в другом: надо со всеми, кто связан с литейным цехом, тоже поговорить. И поговорить очень серьезно: ведь брак в литейном производстве — это, в конце концов, подножка, которую один цех ставит другому.

Если бы они, генеральный директор и Паничев, обсудили делатолько литейного цеха, ушло бы на это от силы минут двадцать. Но так уж получается: встретятся они и вопрос возникает за вопросом.

Генеральный директор, например, считает, что за пять лет, от XXIII съезда партии до XXIV, объединение освоило 61 модель новых станков — и это вполне солидная цифра. Верно, соглашается Паничев, не мало, тем более что 34 станка освоены серийным производством.

И все-таки: могла ли фирма дать станков больше? Могла. А что сделать, чтобы их стало больше? Вот в чем вопрос.

— Георгий Андреевич, — говорит Паничев, — кажется, сегодня мы собирались на завод станков-автоматов. За специализацию производства мы с вами отвечаем головой.

17. 00. Специализация — что это такое? Вот простой пример. На каждом из трех заводов, которые вошли в объединение, раньше был свой инструментальный цех, выпускавший фрезы, резцы, шаблоны. На одном заводе фреза, предположим, стоила 20 копеек, а на другом — 15, а на третьем — 12. То же самое и со стоимостью резцов, шаблонов, прессформ.

А нельзя ли объединить инструментальные цехи? Вместо трех сделать один? Причем поставить в этом самое новое оборудование, самые новые механизмы? Можно! И инструментов он сможет давать больше. И стоять они будут дешевле. Так и решили.

Теперь в Станкостроительном объединении действует единый инструментальный цех.

Сегодня — действует. А несколько лет назад спорили: нужно идти на такой шаг или нет. И только благодаря настойчивости коммунистов был создан этот цех. Вслед за ним сосредоточили в одном месте выпуск некоторых других изделий, которыми пользуются все заводы, входящие в объединение.

А на завод станков-автоматов Кулагин и Паничев поехали затем, чтобы проверить, как идут дела на участке, где сосредоточен ремонт оборудования.

Раньше каждый завод имел свои участки, где проводилась и эта работа. Сейчас станки и прессы ремонтируются в одном месте. Выгодно и заводу станков-автоматов, и другим заводам.

18. 30. Уже пора бы Паничеву и домой. Но на столе лежит пачка писем, заявлений, которые накопились за день. Письма разные и авторы разные. Один просит помочь устроить своего сына в школу фигурного катания, другой — разобратся в споре, который возник между рабочим и мастером, третий жалуется на то, что в общежитии протекает крыша. Здесь же приглашение в подшефную школу на торжественный вечер.

Николай Александрович внимательно читает каждое письмо и не замечает, как в кабинет входит секретарь комитета комсомола.

— Николай Александрович, — говорит он, — завтра собирается штаб лыжного похода по Карельскому перешейку. Мы ждем вас.

— Хорошо, — отвечает Николай Александрович, — обязательно приду. В шестнадцать часов? Обязательно буду в комитете комсомола.

Комсомольский вождь уходит. А Паничев снова склоняется над письмами. За каждым письмом — человек. С какой просьбой он к тебе обращается, с каким предложением — продумай, ответь. Не случайно обращаются к тебе люди, они верят: партийный человек поможет. Потому что он — самый справедливый, самый честный человек.

И Николай Александрович Паничев еще не скоро выйдет из комнаты, на двери которой табличка: «Секретарь парткома».

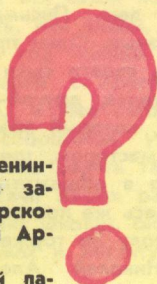

Юростя Тёркин берёт интервью

Недавно группа ленинградских архитекторов закончила проект пионерского лагеря «Северный Артек».

Каким будет новый лагерь?

Петродворцовый часовой завод — известнейший в нашей стране. Он выпускал часы многих марок. Часы какой марки делают на заводе сейчас?

Отвечает архитектор Марианна Авенирова из института Ленпроект:

— Хотя лагерь этот и на Севере, но, наверное, он понравится ребятам, уж очень красивое там место: у Финского залива, среди сосен и дюн. Его территория огромна — 150 гектаров.

Предусмотрено несколько школьных корпусов — ведь лагерь будет работать и зимой.

Кто любит спорт, найдет в «Северном Артеке» самые разные спортплощадки, малую спортивную арену и большой стадион с трибунами на четыре тысячи мест. В хорошую погоду плавай в Финском заливе, в плохую — иди в закрытые плавательные бассейны.

Юные актеры могут работать на сцене экспериментального театра. В «Северном Артеке» — свой Дворец пионеров, кинозалы.

Тридцать гектаров займут памятная рождественская зона парадов и торжественных линеек, костровая площадка.

— Сколько ребят за одну смену будет отдыхать в лагере?

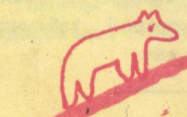
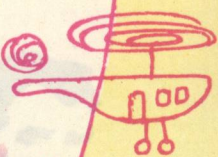
— Зимой — три тысячи двести, а летом — четыре тысячи.

Отвечает Иван Филиппович Таратухин, начальник производственного отдела Петродворцового часового завода:

— Весь завод никогда не выпускает продукцию только одного вида, а сразу несколько. Я расскажу об одной необычной модели часов.

Сотрудники Арктического и Антарктического институтов попросили нас сделать особые часы для работников полярных экспедиций. Ведь в работниках полярных экспедиций не заходит полярных областей то солнце не заходит несколько месяцев и стоит полярный день, то сплошная темнота полярной ночи. Посмотрит человек на часы — утро ли, вечер? Неизвестно.

Поэтому на часах полярников циферблат разделен на двадцать четыре части. В шесть часов утра стрелка укажет цифру «6», а в шесть вечера переберется к цифре «18». Чтобы полярной ночью было видно, который час, стрелки и цифры покрыты особым светящимся составом. Две партии часов полярники уже получили и, как мы знаем, остались довольны.

СТИХИ МОРДОВСКИХ ПОЭТОВ

РОССИИ

*Яков Пинясов,
заслуженный поэт Мордовии*

Я много думал о твоей судьбе,
Великая и добрая Россия!
Все соловьи слагают гимн тебе,
Прими ж ты песню и мою, Россия!
Когда визжал в суровый час свинец,
Я шел под знаменем твоим, Россия, —
Твой пахарь, твой защитник, твой певец.
Я посвящаю жизнь тебе, Россия!

КУВШИН

Анатолий Тяпаев

Однажды мой предок, умелец-мордвин,
Сработал из глины чудесный кувшин:
Ладонью ударь по кувшину,
И он
Подарит, как колокол,
Солнечный звон!
И цвел на боках у кувшина узор,
Как летние звезды на глади озер.
Мой предок не прятал кувшин от людей —
Водой ключевой наливал доплна,
Пожалуйста, путник, зайти да испей —
Живая вода холодна и вкусна!
Но каназор,* всех деревень властелин,
Увидел однажды чудесный кувшин
И молвил, нахмураясь:
— За то, что не в срок
Ты мне уплатил этим летом оброк,
Кувшин у тебя забираю себе —
Так богу угодно, и мне, и судьбе!
А ночью, при свете луны, властелин
Червонцами алчно наполнил кувшин
И в землю зарыл при рассветной звезде...
Нашли мы случайно кувшин в борозде, —
Как много кувшин испытал на веку!
Монеты, конечно, мы сдали в музей,
Кувшин положили на пень к роднику —
Пожалуйста, путник, зайти да испей!

Перевел с мордовского С. Макаров

* Каназор — мордовский князь

Рисунки Т. Оболенской

СЕРИЯ ПЯТАЯ "ВЕСЕННЯЯ ВСТРЕЧА"

1. РАССКАЗЫВАЕТ НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ЛАУРЕАТ
ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ УЛЬЯНОВ
2. "НА ПУТИ К ЛЕНИНУ"
3. НАША АФИША. НОВЫЕ ФИЛЬМЫ. НАША АФИША.
4. ХВАЛИМ - РУГАЕМ.

СЕРИЯ ШЕСТАЯ

Шестнадцать лет снимается в кино народный артист Советского Союза Михаил Александрович Ульянов. За это время он сыграл много ролей, и почти всегда это роли наших современников.

В 1964 году вышел на экраны фильм «Председатель». За исполнение в нем главной роли М. Ульянов был удостоен звания лауреата Ленинской премии.

А недавно в кинофильме «На пути к Ленину» артист исполнил роль Владимира Ильича.

Михаил Александрович Ульянов сегодня гость нашего кино клуба. Предоставляем ему слово.

Мой Данко

Я снимался в разных по уровню фильмах. В одних перед моими героями стояли картонные препятствия, в других — жизненные. Настоящие. Там, где препятствия были истинными, а не надуманными, — там удавался образ, удавалась вся картина. Достоинства человека проявляются только в нелегкой борьбе. Только в борьбе! Вот поэтому считаю: просто показать хорошего человека неинтересно. А показать хорошего, который становится таким в борьбе или останется в испытаниях, — вот задача искусства!

В жизни люди не делятся на дистиллированных (хороших) или мутно-грязных (плохих). Каждый человек очень сложен.

Моего Егора Трубникова, героя фильма «Председатель», некоторые критики обвиняют в том, что он жесткий. Да, говорю я, он нелегкий человек! Но жесткость — не его жизненная

КЛУБ КИНО ДЛЯ ВСЕХ,

философия. Егор Трубников не жесткий. Он бесконечно требовательный. Таким его делает задача, которую он непременно должен выполнить.

Егор Трубников поднимает развалившийся, нищий послевоенный колхоз. И силою своего сердца, несколькими годами своей жизни, которые он угрожал на это, он добивается победы.

«Ах, Данко! — восклицают некоторые молодые люди. — Вот герой! Сердца своего не пожалел!»

Сыграть Данко хорошо. Сыграть Чапаева хорошо. Но пусть не будет мой герой известен всему миру! Пусть он будет незаметен и прост. И я бы хотел, чтоб молодежь училась видеть героев в простых людях и старалась быть на них похожей.

Но вот меня пригласили на роль Владимира Ильича Ленина.

Работа, работа и вера. Бесконечная вера в будущее. Вот в чем, по-моему, состояла ленинская жизнь.

Ссылки, тюрьмы, преследования... И — вера!

И вот Россия стала советской, жизнь в ней налаживается, — только осуществилась мечта! — а человек от невероятного многолетнего напряжения в пятьдесят четыре года прямо-таки сгорел...

Считается, что величайшие драмы написаны Шекспиром. Если бы описать всю жизнь Ленина — это была бы драма посильнее Шекспировой!

Всю свою жизнь человек служил людям. Спешил все им отдать! В этом величие Ленина и его соратников — они все отдавали людям, ничего себе не беря.

Считаю, что сыграть Ленина нельзя. Необычен и неповторим был этот человек.

Я и загримируюсь, и надену костюм — но ведь я знаю, что я не Ленин.

Я могу играть лишь мое представление о какой-то черте характера Ленина. Могу рассказать ленинскую мысль, полезную сегодняшним зрителям, устами Ленина.

ДАЛЕКИЙ АПРЕЛЬ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ГОДА

Человек проехал через всю Германию, перешел немецко-литовскую границу. Пробрался через действующий фронт к частям Красной Армии. И всю нелегкую дорогу его сопровождал страх за письма и революционные немецкие газеты, которые он, Альфред Курелла, курьер германской компартии, обязан был доставить Ленину.

Москва, голодная, без топлива и освещения, в кольце фронтов, контрреволюционных заговоров и мятежей, ничем не напоминала счастливый коммунистический город. И все же это был город будущего.

КТО ХОДИТ В КИНО

Ленин беседовал с Куреллой по-немецки. Он говорил о завтрашнем дне Германии, о задачах молодежного движения. И о том, что Альфред Курелла обязательно должен принять участие в первой конференции Коммунистического Интернационала молодежи, которая поможет объединить молодых коммунистов всех стран...

События тех лет отложили отпечаток на всю дальнейшую жизнь Куреллы. Он стал одним из лидеров Коммунистического Интернационала молодежи, немецкого рабочего движения и компартии Германии.

А о времени, проведенном в России, написал книгу «На пути к Ленину».

Недавно кинематографисты ГДР и Советского Союза решили снять фильм по этой книге.

У фильма было сразу два сценариста: с советской стороны Евгений Габрилович (по его сценариям поставлены фильмы «Два капитана», «Коммунист», «Ленин в Польше», «Овод», «Рассказы о Ленине»), с немецкой — член Берлинской академии искусств Гельмут Байерль. Член ЦК СЕПГ, доктор философских наук и писатель, Альфред Курелла непосредственного участия в написании сценария не принимал, но все время помогал сценаристам и режиссеру Гюнтеру Райшу наполнить фильм точными и правдивыми приметами времени.

Главные трудности начались, когда стали искать актера на роль героя.

Создатели фильма не заботились о внешнем сходстве героя с молодым Альфредом Куреллой. Хотя Гюнтер Райш всегда носил с собой фотографию Куреллы 1918 года, он искал актера, похожего на своего прототипа, прежде всего, не внешне, а внутренне.

Очень не хотелось приглашать на роль кого-либо из популярных актеров ГДР. Узнав в главном герое старого знакомого, зрители вряд ли поверили бы, что перед ними подлинная, а не выдуманная жизнь.

Режиссер и его ассистенты обошли

все театры, театральные школы и институты, искали среди инженеров, рабочих, учителей. И, наконец, уже отчаявшись, они вдруг увидели в толпе студентов Лейпцигского театрального института высокого парня в кожаной куртке, со спутанной копной выгоревших волос. Гюнтер Райш не стал даже смотреть, как тот играет в студенческом спектакле. Ему захотелось просто поверить, что человек с таким добрым открытым лицом еще и хороший актер.

Готфрида Рихтера сразу же повезли на студию, где состоялась кинопроба. На другой день он был утвержден на роль.

Когда съемочная группа находилась в Москве, мне удалось побеседовать с артистом. Готфрид Рихтер сказал, что самыми трудными для него были два дня съемок: первый и последний.

В первый съемочный день Готфрида познакомили с Куреллой, и он играл скованно, боясь не понравиться своему прототипу.

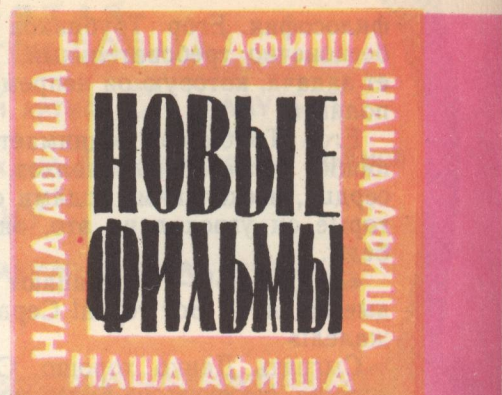
Второй раз Готфриду пришлось нелегко в Москве.

Сцена с Лениным была оставлена на конец съемок. Считая ее основной, режиссер каждый день репетировал с Готфридом эту сцену.

Казалось, все было отработано до мелочей, но когда наступил час съемки и в кремлевский кабинет, созданный в павильоне студии, вошел Михаил Ульянов в гриме Ленина, Готфрид растерялся. Он забыл о том, что за стенами ленинского кабинета не революционная Москва 1919 года, а просто киностудия. Перед ним был Ленин, к которому он, немецкий революционер, пришел учиться опыту классовой брешь.

Готфрид до сих пор не знает — хотя фильм уже несколько месяцев с огромным успехом идет в ГДР, — удалась или нет ему эта сцена. Одно он знает твердо: именно эта сцена заставила его ощутить далекое время революции как сегодняшний день. Он понял, что он в ответе перед революционерами за каждый свой шаг по земле.

Н. Карасик

ЛЕГЕНДА

„Мосфильм“

и „ЗФ“ (Польша)

ЧЕРНЫЕ СУХАРИ

„Ленфильм“

и „ДЕФА“ (ГДР)

ДАВНО

КОРОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Студия им. А. М. Горького

Когда увидишь на афишах: «Корона Российской империи», знай — это третья серия «Неуловимых мстителей».

Данька, Ксанка, Валерка-гимназист, Яшка-цыган подросли, стали чекистами. Об остальном — на экране.

В начале зимы 1943 года фашисты расстреляли родителей польского парнишки Юрека. Юрек решил уйти в партизаны. В лесу он встретил русского парня Сашку, который бежал из эшелона, увозившего русских на работу в Германию...

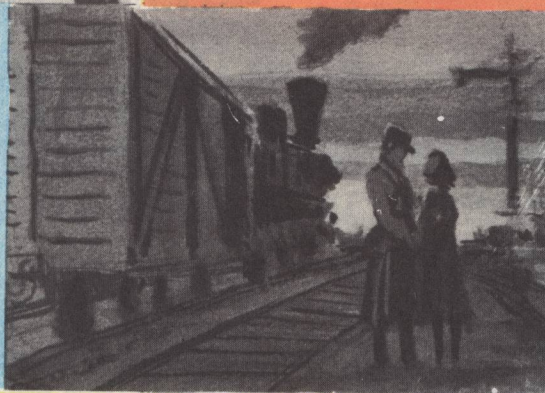
Цветной широкоэкранный фильм «Легенда» поставлен киностудиями «Мосфильм» и «ЗФ» (Польша).

Авторы сценария — В. Ежов, В. Залуский.

Режиссер-постановщик — С. Хенчинский.

...Это было на самом деле. В голодные трудные годы становления Советской власти, когда на фронтах гражданской войны еще шли бои, рабочие Республики Советов решили отдать часть своего скудного пайка пролетариям Германии, где только что произошла революция.

Фильм «Черные сухари» — совместная работа «Ленфильма» и кинематографистов студии «ДЕФА».

Режиссер-постановщик — Г. Раппопорт. Сценарий написали М. Блейман и Э. Горриш по книге Елизаветы Драбкиной.

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Студия им. А. М. Горького

Действие фильма «Достояние республики» начинается в 1919 году.

Чекисты конфискуют у петроградской буржуазии коллекции картин, которые станут потом бесценным сокровищем Эрмитажа. Приходят они и в дом богатого князя, сбежавшего за границу...

В фильме «Достояние республики» вы встретитесь с О. Табаковым, С. Мишулиным, А. Мироновым и другими артистами. Одним из героев фильма будет мальчик Кешка, роль которого исполняет московский школьник Витя Галкин.

ИЛИ СОВСЕМ НЕДАВНО

МОЙ НОС

Мой нос покрыло солнце
Гурьбой веснушек рыжих —
Вперед он выдается
И, значит, к солнцу ближе.

Нос очень дружен с головой.
Но он такой передовой! —
Вперед стремится он всегда
И все кругом исследует.
Причем суется иногда
Туда, куда не следует.

СЛУЧАЙ С КРУЖКОЙ

Что за кружка
замечательная!..

Ай!!..
Вот попробуй-ка,
Осколки сосчитай!..

Только это не моя совсем вина —
Уж такие наступили времена!
Все летают
В поднебесье взад-вперед,
Всех катают
Самолет и вертолет.
Вот и кружке
Захотелось полетать,
Простоквашу
Захотелось покатасть!

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

Вот ведь странная история какая:
Привезли мне из-за моря попугая.
Первый месяц
Поскучал он, похандрил,
Молча слушал все —
И вдруг заговорил.

Утверждает он,
Что парень я прекрасный.
Подтверждает,
Что вратарь я первоклассный.
Заверяет,
Что — чуть только захочу —
Обязательно пятерку получу.

Он ни в чем не ошибается,
Но странно:
Не бывал ведь я еще за океаном,
Так откуда же известно
И у них
О заслугах и достоинствах моих?!

Пересказал с эстонского
Сергей Погореловский

Помните, ребята, этот снимок? Мы напечатали его в третьей серии киноклуба и предложили вам написать маленькую рецензию. Чтобы было легче справиться с заданием, я поставил перед вами несколько вопросов: «Правильно ли выбрана точка съемки?», «Каковы условия освещения?», «Что бы вы могли сказать о композиции?» и самый главный вопрос — «Что вы думаете о содержании снимка?».

Я получил от членов киноклуба много писем. Одним работа Славы Когана понравилась, другим — нет, третьи откровенно признаются: оценивать фотографии мы еще не умеем.

Ребята смотрели на снимок с разных позиций: то, что не нравилось одним, другим показалось удачей. Ну, что же, это не страшно. Страшнее, если твое мнение, положительное или отрицательное, никак не обосновано, не подкреплено доказательствами. Один мальчик из Пензы написал: «Композиция страдает, освещение выбрано неудачно, тема снимка неинтересна»...

Запомните, юные рецензенты, всякое мнение надо обосновать!

Второй вам совет: не ищите в снимке того, чего в нем нет. Некоторые ребята написали так: вот если бы видно было музыкантов, да если бы танцующих побольше, да если бы все происходило в красивом зале, а не у серой стены, — а разве в этом дело?

Посмотрите внимательно: все танцуют, веселятся, а один мальчик стоит, уткнувшись в стенку. «Что делает мальчик? — спрашивает Боря Дондоков из колхоза имени Калинина Читинской области. — Что он, плачет?» Наверное, плачет.

Оля Иванова из села Рудянского Свердловской области пишет: «Я думаю, что снимок не удался. Было бы лучше, если бы не было мальчишки, стоящего одиноко у стенки».

А мне кажется, что тогда бы снимок многое потерял.

Мы с вами сделали первую коллективную рецензию. Нас ждут уже другие снимки, о которых поговорим в следующих выпусках клуба.

Кинооператор Александр Чечулин

Я вспоминаю о наивных опасениях своей юности, когда казалось, что старшие уже успели все изобрести, все сделать... Уже давно были созданы паровоз и двигатель внутреннего сгорания, люди научились производить электрическую энергию, изобрели радио. Автомобили сновали по земле, самолеты бороздили небо.

Однако первые же мои шаги в практической деятельности убедили, что я бесконечно заблуждался. Прогресс техники беспредель. Оказалось, что одни задачи решаются только для того, чтобы выдвинуть новые, еще более сложные.

Поставить перед собой цель, разгадать непонятное, экспериментировать, рассчитывать и, наконец, торжествовать победу — в этом великое удовольствие. Испытывает его каждый, кто создает новое.

И как бы ни были велики трудности и временные неудачи, как бы ни ускользало нужное решение, — конечный успех работы окупает все.

Ученым, инженерам, конструкторам предстоит еще решить много новых, неизвестных пока задач.

Хочется работать и работать, чтобы проникать все дальше в неизведанное, достигая новых вершин.

В этом состоит смысл и цель жизни конструктора.

А. Яковлев

Вот самолетик. Он стоит в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства, и приглашает всех: подходите! Посмотрите, я маленький, но у меня три мощных двигателя, у меня гигантские шины, у меня длинные крылья.

Входите в салон, садитесь в удобные кресла, представьте, что мы летим! Ах, вам не интересно летать на маленьком самолете! Вам бы на сверхзвуковом! Посмотрите на мой борт. Что на нем написано! Франция, Япония, Индия, Пакистан, Бирма, Финляндия, Швеция, Норвегия, Египет. Я бывал во всех этих странах. Сейчас собираюсь в Америку.

Я могу отвезти вас туда, куда сверхзвуковой не сможет: высоко в горы, на маленькие аэродромы, в пустыню... Нам с вами предстоит встречаться очень часто. Вы запомните мое имя: ЯК-40.

Мы заказываем самолет

Рассказывает ведущий инженер Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации, руководитель испытательной бригады ЯК-40 Василий Петрович Дерявко

Мы постоянно изучаем самолеты, выходящие во всем мире, и знаем, какие машины понадобятся авиации в скором времени.

Мы составляем документ, он называется ТТ — технические требования: сколько пассажиров брать на борт будущему

самолету, с какой скоростью и как далеко летать, с каких аэродромов, сколько перевозить груза.

ТТ отсылаем в конструкторские бюро — заказываем им самолет. Вот поэтому среди специалистов наш институт часто называют коротко «за-

казчиком», а конструкторские бюро — «фирмой».

Самолет, названный позже ЯК-40, согласился проектировать в конструкторском бюро, которым руководит генеральный конструктор Герой Социалистического Труда Александр Сергеевич Яковлев.

ЧТО ЗАПИСАНО В ТТ И ПОЧЕМУ

1. Самолет для грунтовых аэродромов.

В нашей стране аэродромов очень много. Есть большие, бетонированные, есть маленькие, грунтовые. Грунтовых аэродромов больше. Здесь длина взлетно-посадочной полосы всего 700 метров. Значит, машина должна совсем немного бежать, прежде чем взлететь или остановиться. Здесь мягкая поверхность аэродрома. Значит, машине нужны мощные колеса.

Короче говоря, грунтовые аэродромы требуют особых самолетов.

2. Машина должна быть простой и неприхотливой.

На маленьких аэродромах невелик обслуживающий персонал. Здесь нельзя производить сложный ремонт. Создайте, авиаконструкторы, такую машину, которая бы в нем и не нуждалась.

3. Надежность и комфорт.

Этот пункт в пояснении не нуждается.

4. Мест в пассажирском салоне — 24.

Машина для местных линий, где много народу на рейс не набирается.

5. Скорость — 550—600 километров в час.

Современный человек должен быстро летать!

Я назвал только главные требования, которые мы предъявили к будущему самолету.

Строим, чтобы летать и чтобы ломать

Рассказывает заместитель главного конструктора ОКБ А. С. Яковлева
Сергей Александрович Яковлев

Когда пришел заказ на ЯК-40, я работал в бюро предварительного проектирования. Здесь и начинается всякая машина.

Сделали мы чертежи и по ним построили первый ЯК-40. Пригласили заказчиков. Неделю они осматривали машину, обсуждали, делали замечания. В целом проект приняли.

Но этот ЯК-40 никуда не полетел. Он был деревянный и назывался макет.

Потом построили самый настоящий ЯК-40. Но он тоже не летал. Его сломали.

Воздух в полете по-разному давит на лоб машины, на

крылья, на фюзеляж. Самолет подвесили на тросах и стали нагружать специальными домкратами. И нагружали до тех пор, пока не сломали. Зато узнали, какой у него предел прочности.

А еще один самолет сразу... потопили.

Когда самолет летит, внутри него существует одно давление, а снаружи—другое. Конструкция, мы говорим, «дышит», металл работает и устает. Не разрушается ли герметичность? Если проверять герметичность в воздухе и она окажется нарушенной, самолет взорвется. Но проверить все равно надо.

Вот мы и потопили самолет в бассейне. И уже в воде — и водой же — создавали нужное давление. В воде взрыва не происходит.

И лишь четвертый ЯК-40 из сборочного цеха отправился прямо на летно-испытательную станцию — ЛИС. Там его начинили контрольно-записывающей аппаратурой, и он полетел. Первый полет простенький, по кругу. Он состоялся 21 октября 1966 года. А в июне 1967 года ЯК-40 уже представлял советскую гражданскую авиацию в Париже на Международном авиационном салоне и пользовался успехом.

На севере и юге, в холоде и жаре

Рассказывает В. П. Деряво

В это время мы уже получили от фирмы несколько самолетов. Конечно же, мы должны были их проверить, испытать. ЯК-40 испытывали год. Не думайте, что это большой

срок, — совсем маленький! Все системы машины оказались очень надежными и дополнительного времени для проверки нам не потребовалось.

Я руководил испытательной

бригадой, а входило в нее около ста человек. Девяносто инженеров, остальные — техники. Все сто сразу в самолеты не садились. Машины совершали в день один—два полета с небольшими группами инженеров и техников. Каждая группа проверяла свои двигатели, электро-радиоприборное оборудование самолета.

Менялись пилоты, но глав-

ный, шеф-пилот, оставался один весь год. У него собирались мнения летчиков об управлении кораблем.

В разных местах за этот год побывали ЯК-40. Мы хотели знать, не покроются ли льдом их хвосты и крылья при низких северных температурах, хорошо ли они садятся на снег, — и для этого один из них мчался в Сыктывкар. Нас интересовала посадка на рыхлом грунте — и другой ЯК-40 летел на черноземы Украины. Известно, что с высотой падает мощность двигателей. Как,

хватит ли сил у ЯК-40 добраться до высокогорного аэродрома? И третий ЯК-40 летел в Среднюю Азию и спокойно приземлялся в Хороге на высоте 2000 метров. (Сейчас я могу сказать, что он основной работник в районах высокогорья, потому что у него мощные турбореактивные двигатели).

Когда иссякли все наши требования, ЯК-40 еще четыре месяца с подмосковного аэродрома Быково возили только грузы.

К концу испытательного го-

да каждая машина налетала по 500 часов.

И лишь после этого собралась наша испытательная бригада и написала заветные слова: «Рекомендуется для эксплуатации в гражданской авиации».

Курьезный случай

Рассказывает С. А. Яковлев

Было это прошлой зимой. Летят пассажиры в Горький на ЯК-40, многие — в первый раз.

Уютно в самолете, тепло, удивительно тихо. Как будто не три мощных двигателя работают за бортом, а пылесос шумит за стенкой у соседей.

рассказывает пилот — это даже интереснее.

Летят пассажиры и радуются.

«Приготовьтесь к посадке!» — говорит пилот.

В иллюминаторы видны

городе Горьком. До свиданья, товарищи!» — говорит пилот.

Открылся в хвостовой части люк со ступеньками, вот тебе и трап. Выходят пассажиры. И оказываются по колено в снегу.

«Какое безобразие! — возмущаются пассажиры. — Не могут в Горьком аэродром расчистить».

А горьковчане тут были ни при чем. Это пилот ошибся — произвел посадку на запасную грунтовую полосу.

А мы, конструкторы, когда узнали эту историю, радовались: вот какую создали машину, садится в рыхлый снег, как на твердый грунт.

Стюардесс на маленьких машинах не бывает, так пассажирам все, что надо, по радио

огоньки, люди на снегу, самолеты.

«Мы произвели посадку в

ОН ВСЕ ВРЕМЯ МЕНЯЕТСЯ

ЯК-40 может лететь, если даже два из трех его двигателей выйдут из строя. Он надежен.

ЯК-40 обслуживает экипаж из двух человек. Он прост в обращении.

ЯК-40 имеет новейшую аппаратуру, радиолокатор. Он современен.

За рубежом нет подобной машины.

Один ЯК-40 уже купила у Советского Союза Италия. Впервые наш самолет приобрела развитая капиталистическая страна.

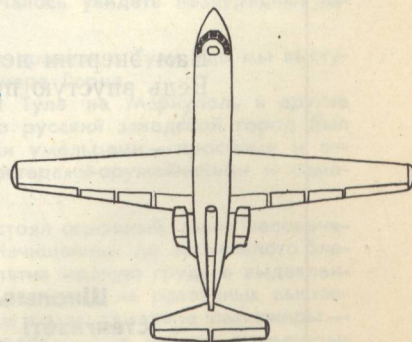
Машина вызвала большой интерес и в других странах, особенно высокогорных.

Казалось бы, нам можно оставить ЯК-40.

Но

мы изменили расположение кресел в салоне, и их стало 27, потом мы создали туристский вариант самолета, который берет на борт 34 пассажира, потом мы увеличили емкость топливных баков, чтобы самолет мог дальше летать, потом...

И так наш ЯК-40 будет постоянно в чем-то меняться. Пока, наконец, время не обгонит его на каком-нибудь ЯК-41.

Беседу вела Г. Георге

В одном пионерском отряде издается стенная газета «Метла», в другом — «Баня», в третьем — просто «Ежик». Все это газеты сатирические...

Собрались в редакции журнала «Костер» художники «Боевого карандаша», творческого содружества, которое работает в Ленинграде уже более тридцати лет. Пришли Николай Муратов, Владимир Гальба, Иван Харкевич, Михаил Беломлинский.

А почему бы не открыть в «Костре» «Школьный боевой карандаш» и не пригласить сатириков и редакторов школьных газет? — подумали художники. Пусть они присылают темы рисунков — обо всем, что мешает, — о нерадивых учениках, о нарушителях дисциплины, о невнимании к малышам, о неряхах, о болтунах, которые никогда своего слова сдержать не могут, о тех, кто не умеет беречь школьную парту, кто сломал деревца перед школой, о...

Итак, с днем рождения, «Боевой школьный»!

Ответственный за первый выпуск художник Н. Муратов. Он сделал рисунки по темам сатирического листка «Баня» (школа № 203 г. Ленинграда). Стихи к рисункам написал поэт-карандашист А. Шкляринский.

Красит губы егоза,
А подружка — глаза...
Поглядеть со стороны —
До чего они смешны!

Лишь звонок на перемену —
От нее
перила
маются...
Ох, девочка,
непреренно
Косточки
пере-
ломаются!

Суматоха, свалка, вопли:
Кто смеется, кто рыдает...

Вам энергии не жалко? —
Ведь впустую пропадает!

Школьные сатирики и юмористы! Редакторы отрядных листков и стенгазет!

Авторы фельетонов и заметок! Включайтесь в работу! Ждем ваших тем.

Я — ИНСПЕКТОР МАНЕЖА

ПОВЕСТЬ*

Роберт Балаиовский

Рисунки Ю. Шабанова

Хочу быть прыгуном

Вот я и стал настоящим артистом — акробатом. Я разъезжаю с труппой итальянцев и наслаждаюсь вечерам аплодисментами публики. Мне даже сделали отдельную фотокарточку, и ее тоже продают в антрактах.

Мне пришлось по душе скитальческая цирковая жизнь. Я узнаю новые города, набираюсь впечатлений и вижу все новых и новых людей. А до чего же приятно читать в каком-нибудь «Херсонском вестнике» или «Николаевском листке» о том, что в цирке с успехом выступали прыгуны Виноучи и что юный Роберт покорила публику своей ловкостью. Пусть мне никто не платил денег и я работал, как тогда называлось, «за хлеб». В конце концов, деньги мне не очень-то и нужны были. Ведь я целый день проводил или в семье старика или на цирковом манеже.

Мне нравилось наблюдать чужие репетиции, смотреть, как люди долгим трудом добивались того, что по-

том в выступлениях делалось легко и просто. Через «глазок» в форганге я с любопытством следил за работой клоунов и дрессировщиков, наездников и воздушных гимнастов. Случалось увидеть незаурядных мастеров.

Вскоре наши скитания привели в Тулу, где мы выступали в цирке антрепренера Горца.

Как не похожа была Тула на Мариуполь и другие южные города! Истинно русский заводской город был населен замечательными умельцами — простыми и отзывчивыми людьми, мастерами-оружейниками и самоварщиками.

На перроне вокзала стоял огромный, выше человеческого роста, самовар. Начищенный до зеркального блеска, он сиял, гордо выпятив медную грудь в выдавленных медальях, которые заслужил на различных выставках. За длинным столом возле самовара пассажиры — поезда тогда стояли долго — пили чай со знаменитыми тульскими медовыми пряниками.

Туляки любили цирк и заполняли его по вечерам. Дела у Горца шли неплохо, он знал, кого приглашать на

* Написана в содружестве с писателем Арк. Минчиковским.
Продолжение. См. «Костер» № 1—2, 1971 г.

гастроли. Тульский зритель был требователен, но щедр на хлопki, когда видел настоящую работу.

В тульском цирке я впервые увидел на манеже Василия Камбарова — соло-прыгуна, как его называли, популярного и талантливого артиста. Номер его был наряден и оригинален.

Выходил он на публику, лихо наигрывая на гармошке развеселый мотив. Не прерывая бойкого камаринского, тут же, в темпе музыки, делал одно за другим задние сальто, то есть прыжки через голову назад, и так по кругу обходил вдоль барьера всю арену.

Был у него, например, такой трюк. Он взбегал на невысокий трамплин и с него легко, как птица, перелетал через строй солдат, которых для этой цели каждый вечер приводил в цирк усатый фельдфебель. Перепрыгнув через «препятствие», Камбаров сразу же, не останавливаясь, проделывал целую серию самых разнообразных прыжков, заставляя зал замирать от восхищения.

Человек он был несколько легкомысленный. Любил погулять, иногда куда-то исчезал на целый день. Лишь вечером, вспоминая о представлении, спешил в цирк и, нередко случалось, попадал туда за несколько минут до своего выхода на манеж. Бывали и такие случаи, когда уже не оставалось времени надеть цирковой костюм и загримироваться. Но талантливый Камбаров и тут находил выход.

Взволнованному тем, что Камбаров опять опаздывает, шпехшталмейстеру не оставалось ничего другого, как объявить о болезни любимца публики и принять на себя возмущение зала. Набравшись мужества, он уже собирался это сказать, как вдруг получил записку: «Я здесь. Не волнуйтесь. Положите мои туфли на барьер».

Несколько успокоившись, шпехшталмейстер громко объявлял, что сейчас состоится конкурс прыгунов. Пер-

вым на трамплин взбегал коверный, прыгал и удивлял публику тем, что умеет это делать. И тут из рядов, откуда-то сверху, раздавался крик:

— А можно я?..

Шпехшталмейстер вглядывался в зал, а оттуда на встречу ему уже бежал человек в обычном городском костюме — казалось, рядовой посетитель цирка. Это и был Камбаров, которого зрители сразу не узнавали.

— Позвольте я попробую?

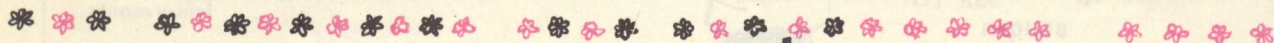
— А вы умеете?

— А чего тут такого, — и Камбаров, не дожидаясь разрешения, уже сбрасывал пиджак и надевал на ноги туфли, которые, словно случайно, находил на барьере.

Опешивший ведущий будто бы не успевал остановить странного зрителя, а Камбаров уже был на трамплине и, сделав отчаянный прыжок... растягивался на манеже под смех и улюлюканье публики. Однако неудачный прыгун тут же вскакивал на ноги и, не обращая внимания на «растерянного» шпеха, снова бежал на трамплин и опять прыгал. На этот раз несколько лучше сделав прыжок, уже под одобрение публики, он неожиданно начинал прыгать по-настоящему, по-камбаровски. И зал сотрясался хлопками. Публика начинала понимать, что ее ловко провели — перед нею артист Камбаров. Ему оказывали шумный прием. Действительно, не восторгаться Камбаровым было невозможно. Он восхищал задором и ловкостью, минутами создавалось такое впечатление, что тело прыгуна постоянно находилось в воздухе, и если он и касался манежа, то лишь для того, чтобы в следующую секунду взлететь еще выше.

Я был просто влюблен в этого артиста и мечтал научиться прыгать, как Камбаров.

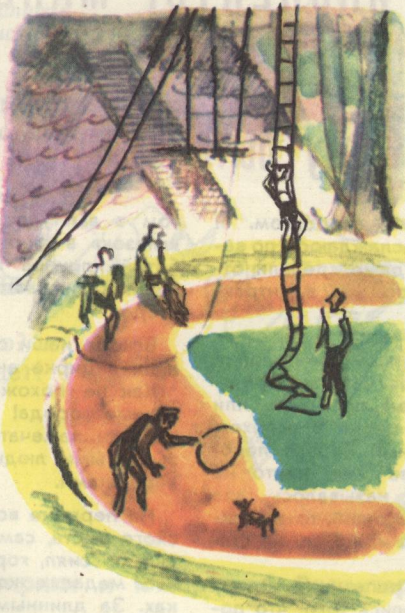
Однако моя цирковая судьба артиста сложилась иначе.

15.00

Посредине арены проходят свой номер акробаты-эксцентрики, или, как они называются в цирке, каскадеры, от слова «каскад». Номер очень трудный, требующий большого напряжения. Трюки идут подряд один за другим, без всяких пауз, и исполняться должны легко, будто бы без усилий. Двое молодых людей выходят на манеж, как бы не замечая публики, не обращая на нее внимания. Происходит между ними нечто вроде шутильной ссоры, на манер той возни, которую, бывает, затевают на большой перемене мальчишки. Каскадеры хотят «досадить» один другому и соревнуются в ловкости и выдумке, перебрасывая друг друга или делая так, чтобы партнер оказывался в смешном положении. Трюки следуют все сложнее и сложнее, а выполняются словно играючи. В конце концов приятели, сцепившись вместе, укатываются колесом за форганг.

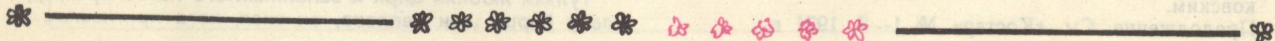
Сейчас они репетируют. На них старенькие майки и спортивные брюки, длиной чуть ниже колен. Музыка

нет. Нет и тех приятных улыбок, которые будут сопровождать номер вечером. Сейчас идет упорная тренировка, чтобы добиться той самой непринужденности, которая так нравится зрителю. Какие там улыбки? Приглядитесь, и вы увидите и мокрые майки, и что партнеры не очень довольны друг другом. Слышатся взаимные упреки. И снова продолжают повторы. Работа... А неподалеку, вблизи барьера, жонглер кидает свои шарики. Он кидает их уже, может быть, час и будет кидать до тех пор, пока не убедится, что все идет отлично и вечером не может быть срыва. И под куполом цирка репетиция. Там, наблюдаемая снизу товарищем по манежу, повторяет свой номер молоденькая гимнастка.

Скоро репетиции закончатся. Артисты уйдут в гостиницу. Пойду и я домой, чтобы пообедать и отдохнуть.

Надеваю пальто и покидаю цирк на два-три часа. На улице свежо, но сухо, и я снова иду домой пешком. По пути есть о чем подумать.

Человек без нервов

Наша «итальянская семья» колесила по городам России. Мы выступали в разных цирках. Встречались среди них и хорошие, с богатой обстановкой, а бывало и так, что цирк представлял собою круглый деревянный сарай. Здесь на представления ходил самый неимущий люд, соответственно и цены на билеты объявлялись копеечными. Отсюда и заработки. Словом, как повезет. И редко можно было заранее предвидеть, что ждет нас в том или ином месте. Возможно, процветающий антрепренер встретит нас по-хорошему — даст сносную квартиру и деньги будут достаточные, чтобы немного отложить на черный день. А бывало и так, что прогоревший организатор гастролей, не собрав и половины ожидаемой суммы, в один прекрасный день исчезал в неизвестном направлении, не заплатив ни рубля артистам и оставив их на произвол судьбы в чужом городе. Благо Россия необъятна — бежать есть куда, а прав у бывших циркачей не было почти никаких. Конечно, если случалось, — такого обманщика ловили, ему, как говорится, объясняли, кто он такой. В цирке выступали люди сильные и справедливые, но вот пойдись... И отправлялись «любимцы публики» каждый куда ему вздумается. Надеялись, что в новом городе улыбнется счастье.

Скитались и мы.

Я уже понимал, что мало стать хорошим артистом, нужно еще сделаться хоть немного предпринимателем, обладать деловой жилкой. В тогдашнем цирке это считалось необходимым качеством. Ведь на каждом шагу тебя старались провести и заплатить поменьше. Чтобы подписать удачный ангажемент — договор на выступления — руководители трупп хитрили по-разному. На последние копейки подъезжали к цирку на хорошем извозчике, одалживали у друга богатый костюм-тройку, надевали на пальцы кольца, собрав их у всей семьи... Словом, делали все, чтобы показать перед хозяином, что ты не беден и, не договорившись с ним, немедленно уедешь в другой город, так как достаточно признан.

Так вот, старый Виноучи, будучи хорошим артистом и честным человеком, никакими этими свойствами не обладал. Наша труппа то вдруг получала хорошие условия, то попадала впросак и работала на свой страх и риск, не зная, что ее ждет завтра. Бывало и того хуже — мы вовсе лишались контракта и становились безработными.

Такие печальные дни у меня на всю жизнь связаны в памяти с макаронами. Это была еда, которой мы довольствовались, пока сидели без дела. В такие дни в семье Виноучи на чисто вымытый и выскобленный стол вываливалась из кастрюли гора только что сваренных длиннющих макарон. Никаких вилок и тарелок не было и в помине. Все засучивали рукава и приступали к еде. Орудовали мы пальцами, запрокидывая головы и отправляя в рот макаронину за макарониной.

В трудные для нас дни макароны шли на завтрак и на обед. На ужин снова макароны. Может быть, итальянцев удовлетворяла их любимая еда, но я в такие дни мечтал хоть о картошке с луком и маслом.

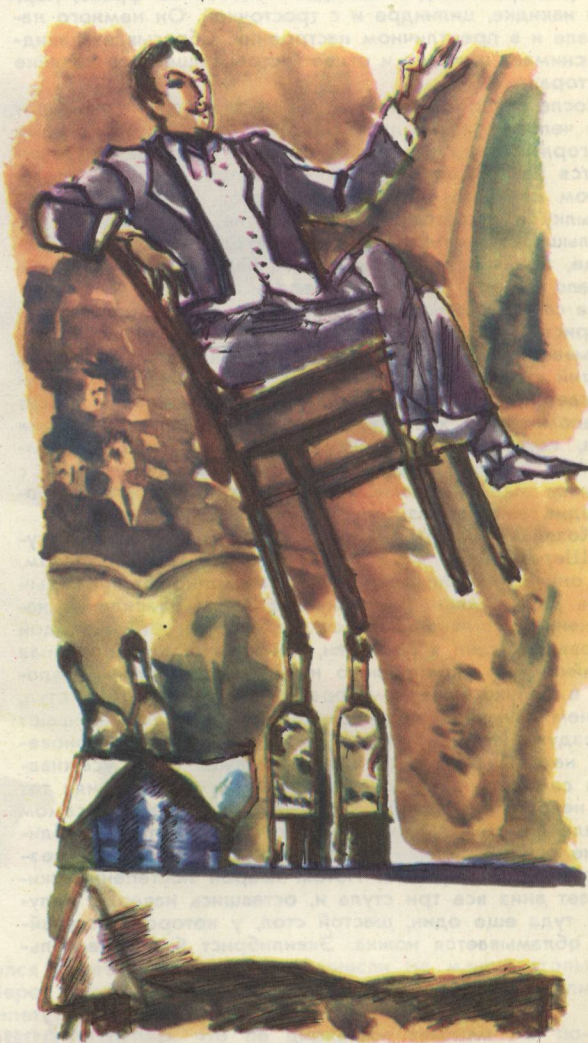
Белые макароны были сигналом нашего бедствия, и до сих пор, хотя я порой вовсе не против макарон, они напоминают мне об огорчительных часах в юности.

Бывали у труппы Виноучи и светлые времена.

Одним из таких периодов стало выступление в варшавском цирке.

Варшава — столица Польской республики, много страдавший героический город, теперь весь заново и по-современному отстроенный, восстановивший исторические кварталы, мало похож на прежний главный город царства Польского, как тогда называлась Польша. Если польский крестьянин и рабочий были беспредель-

но бедны, то в центре Варшавы бросались в глаза элегантные одежды женщин, приметная, немного показная галантность мужчин, красивые коляски и изысканная толпа в богатых кварталах. Маленький Париж, как гордо, без излишней скромности, именовали варшавяне свою небольшую столицу — вот Варшава, которую мне пришлось увидеть юношей.

Соответственно общему стилю жизни города был и его цирк. Он внешне тянулся к цирку европейскому. В программе почти невозможно было встретить русскую фамилию. Наряду с итальянцами и немцами из России на арене Варшавы выступали и подлинно иностранные артисты, прибывшие из-за рубежа.

Понятно, что выступления в Варшаве для нас были достижением.

Лично же для меня варшавские гастролы имели далеко идущие последствия, позже в корне изменившие всю мою артистическую судьбу.

Но не будем забегать вперед.

Каждый вечер наряду с нами на манеже польской столицы выступал датский артист Кнут Шерой. Исполнял он сложнейший эквилибристический номер баланса. Номер носил интригующее название: «Человек без нервов».

Обставлялся он так.

Арена изображала уголок шикарного ресторана. Несколько накрытых белоснежными скатертями столиков. Бутылки французского шампанского «Вдова Клико», замороженные в серебряных ведерках. Ресторан пуст. Вероятно, уже поздний час. Хозяйка, надеясь на то, что на огонек, возможно, еще кто-нибудь заглянет, скупая, перетирает и без того сверкающие бокалы.

В ресторан входит молодой человек во фраке, черной накидке, цилиндре и с тросточкой. Он немного навеселе и в прелестном настроении. Сбрасывает накидку, снимает цилиндр и отдает встречающей его хозяйке ресторана.

После нескольких элегантных жестов и улыбок молодой человек устанавливает свой стул задними ножками на горлышки двух бутылок, стоящих на столе, и усаживается на этот стул в весьма непринужденной позе. Потом каким-то образом скидывает со стола вторую бутылку и остается сидеть на стуле, опирающемся на горлышко «Вдовы Клико» всего одной ножкой. Зрелище, конечно, необычное и эффектное. Но это лишь начало номера. Главное — впереди.

На самый обыкновенный стол на четырех ногах эквилибрист ставит по углам четыре бутылки, а на них укладывает второй стол, перевернутый ножками вверх. Третий стол ставится ногами на ножки второго. Шерой влезает на крышку этого шаткого сооружения и просит ошеломленную хозяйку подать ему наверх еще один стол, который укладывает столешницей вниз. За четвертым столом следует пятый, снова соединенный с нижним лишь ножками. На крышке пятого стола происходит самое поразительное.

Хозяйка кидает ему туда один за другим два стула. Шерой ставит их сверху, но только таким образом, что они в наклоне один к другому, опираются каждый лишь двумя боковыми ножками. Затем на сиденье наклоненных стульев кладется палка, с которой молодой человек пришел в ресторан, так же любезно поданная хозяйкой. На укрепленную на стульях тросточку человек в безукоризненном фраке ставит еще один стул, причем двумя задними ножками. Другие две повисают в воздухе. И вот на этом чудом сохраняющем равновесие, находящемся на седьмом «этаже» стуле усаживается сам артист, положив ногу на ногу и сохраняя тот же невозмутимый вид, который отличал его в самом начале номера. В зале становится совсем тихо. Публика не решается даже аплодировать, чтобы волной воздуха не сбить артиста. Потом Шерой постепенно скидывает вниз все три стула и, оставшись наверху, ползает туда еще один, шестой стул, у которого «случайно» обламывается ножка. Эквилибрист будто несколь-

ко растерян, не знает, что ему делать с калекой о трех ногах, но потом все-таки решает, что их достаточно. На установленный на трех ногах стол городится еще пирамида из трех стульев. Но артисту и того мало. Он требует снизу еще один стул, и, поставив его двумя задними ножками на сиденье верхнего, третьего стула, усаживается на него, скрестив руки в позе победителя.

Самым же потрясающим являлся финал номера.

На трех уложенных друг на друга столах ставился затем еще четвертый стол, а на его верхнее ребро устанавливался стул в том же, как и другие раньше, наклонном положении. Шерой снова садился на него и вдруг, как бы нарушив баланс и слишком откинувшись назад, начинал падать вместе со стулом.

Зал цепенел от страха.

Но артист, ловко приземлившись, был уже внизу и, откинув стул и улыбаясь, раскланивался перед неистовствующей от восторга публикой.

На меня номер со столами произвел неизгладимое впечатление. Я старался не пропустить ни одного выступления, ни одной репетиции Кнута Шероя. Я уже забыл о желании сделать прыгуном, как Камбаров. Нет. Баланс — вот, конечно, мое призвание. Недаром же я так легко еще в Киеве взбирался на деревья и делал где попало стойки.

Повторить номер Шероя, добиться таких же чудес эквилибристики — с этой охватившей меня страстью я теперь засыпал и просыпался, не зная, что мне делать и с чего начать. Я никому не открывал того, о чем неоступно думал, а желание стать замечательным эквилибристом охватывало меня все больше и больше.

Нужно еще вам сказать, что к тому времени я вдруг начал расти.

Я стал вытягиваться и превращаться из мальчика в юношу. Мои длинные волосы вундеркинда сделались уже неуместными, и Виноучи согласился переменить мне прическу на более короткую, однако все же сохраняя итальянский стиль.

Я понимал, что с «юным Робертом» скоро будет покончено, а становиться рядовым акробатом в труппе отчего-то не очень тянуло, хотя я о том и молчал. В мечтах я был дерзок. Хотел непременно сделать свой собственный номер — такой, как у Шероя.

В конце концов я не выдержал и открыл свои тайные мечты Жоржу. Потому что он, так же, как и я, хоть и выступал под фамилией Виноучи, но не был на самом деле членом этой семьи.

Жорж выслушал мою взволнованную и довольно бесвязную речь и неожиданно для меня сказал, вздохнув: — Ну что же, почему бы тебе не попробовать? У вас в России говорят — не боги горшки обжигают.

А я-то думал, он меня поднимет на смех. Нет. Жорж еще добавил:

— Если хочешь — буду помогать.

Хотел ли я, что за вопрос?!

Сейчас же, немедленно. И я приступил к репетициям, о которых знал только он.

В глубокой тайне

Начал я с самого простого, с баланса на стуле, учась держать амплитуду равновесия. Затем установил стул на горлышки двух бутылок. Первое время мы вместе со стулом больше, конечно, лежали на полу, чем находились в вертикальном положении. Бутылки падали и раскатывались по полу. Я их собирал и снова устанавливал на них стул. Потом как-то вдруг все пошло лучше и лучше, и я отважился ставить стул на одну бутылку. Раз, два, три... Пятнадцать... Сто раз!.. И это стало у меня, к моей радости, получаться. Можно было брать-ся за столы.

Я продемонстрировал свои достижения Жоржу. Он был немало поражен моим успехом и предложил, в случае удачи, работать вместе. Он будет внизу — комиком. Будет делать то, чем занималась партнерша Кнута Шероя, только изображать, безусловно, не хозяйку кафе, а подвыпившего официанта, который не верит своим глазам. Я же буду играть изящного ловкого шутика, так же, впрочем, шикарно одетого, как Шерой. Иначе же себе этот номер представить не могли.

Можно было начинать репетировать со столами.

И мы начали.

Надо сказать, что задолго до этого мы с Жоржем уже репетировали вдвоем один совместный номер — ручные акробаты. Получалось у нас ладно. Мы сработались. Я был верхним. Он нижним. Почему нам было не попробовать сделать еще один номер, да еще такой, каких в России не видели?

Вдвоем, разумеется, было легче. Он контролировал меня. Поправлял ошибки, да и страховал, когда я уже взбирался на столы. Работали мы, конечно, без лонжи. Да и какая там лонжа! Ведь репетиции проходили в обыкновенной гостиничной комнатке.

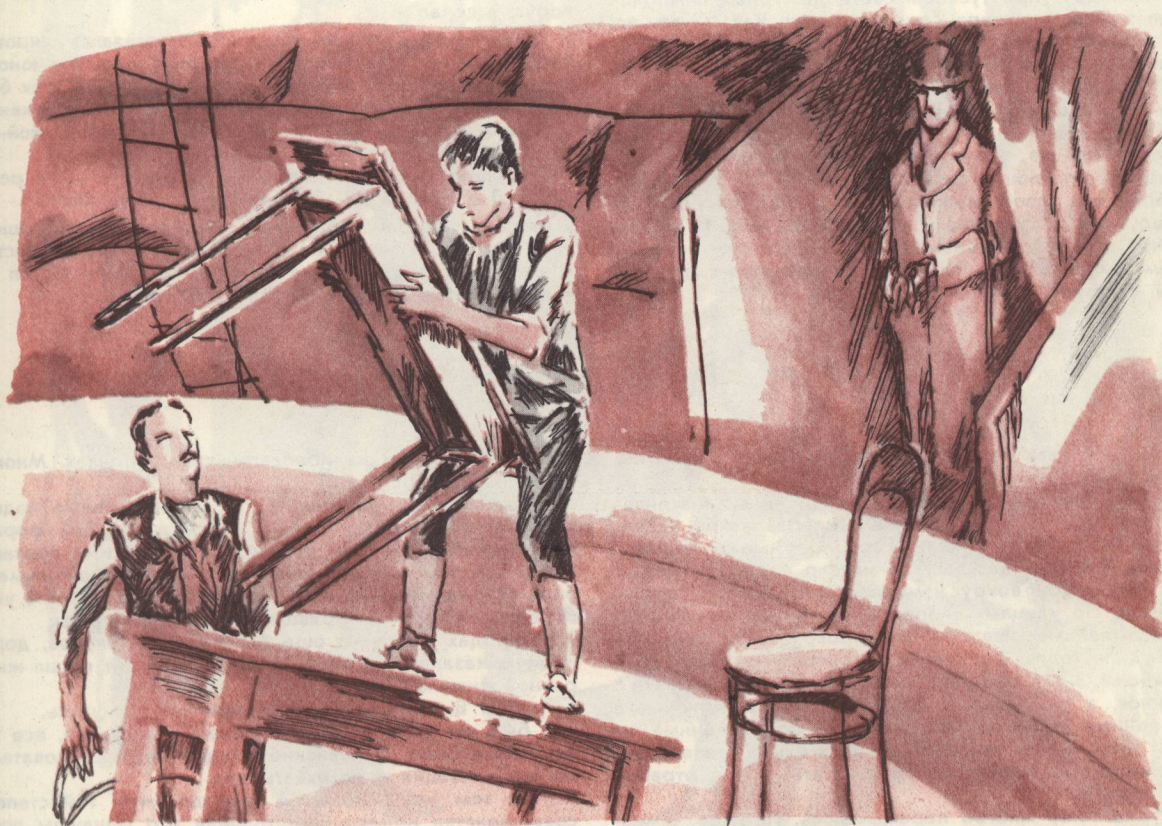
Шерой, понятно, тоже делал свой поразительный номер без лонжи. Я уже говорил вам, что лонжа в до-революционном цирке не применялась, так как снижала сборы.

Репетировать в свободное время в цирке? Но о нашем секрете все узнают. Что скажет Виноучи? Ведь понятно же, что такое делается неспроста. А Шерой? Вряд ли он одобрил бы наши планы скопировать у него номер. Да и вообще делали мы все еще очень приблизительно. Товарищи по программе будут смеяться, куда мы лезем тягаться с таким артистом, как Шерой. А столы!.. Нужно их заказывать, и не простые.

И все же желание попробовать свои силы взяло верх. Я был почти мальчишкой, а Жорж не настолько уж старше меня, чтобы быть рассудительным.

Мы пошли на отчаянный поступок.

Как-то после окончания вечернего представления мы с Жоржем не пошли в гостиницу, а потихоньку остались в гардеробной. Как только цирк затих и сторож уда-

Впрочем, и теперь многие эквилибристы работают без лонжи. На то бывает специальное разрешение охраны труда. Секрет тут вот в чем. Как бы высоко ни находился артист, он всегда, в случае неудачи, должен успеть и уметь спрыгнуть на манеж. Обыкновенно, если человек забирается на лестницу и она вдруг начинает падать, он инстинктивно крепче хватается за перекладины и грохается на пол вместе с лестницей. Балансер же всегда прыгает в сторону, противоположную той, куда валится его аппаратура. Если придется валиться и вам, советую делать то же самое. Прыжок ваш, во всяком случае, будет безболезненней, чем падение в обнимку с лестницей.

Так, занимаясь по секрету, мы дошли до трех поставленных друг на друга столов, и тут я уже уперся головой в потолок. Дальше подниматься было некуда. Мы не на шутку загрузили.

Как же быть?

лился в свою каморку, мы вынесли на манеж столы Шероя и при тусклом свете дежурных лампочек стали репетировать.

Надо сознаться, что по цирковым законам мы поступали не очень-то по совести. Реквизит артиста, какой бы то ни был — сложная механика иллюзиониста или обыкновенные лесенки балансера — всегда святая святых работающего в представлении.

Мы с Жоржем, конечно, чувствовали себя неважно, понимая, что такого поступка нам не простит ни Шерой, ни товарищи, и пользовались его столами и стульями всего два-три раза. Кое-как собрали отовсюду, откуда только можно было, подходящую мебель и уже репетировали хоть и с неказистым, но со своим реквизитом.

Как мы ни секретничали, хотя и работали на манеже по ночам, как ни задабривали сторожа бутылками старой польской водки, чтобы он не препятствовал нам и

помалкивал, наше дело в тайне не осталось. Скоро в цирке многие узнали о наших занятиях. Знал, конечно, и Виноучи, но ничего нам не говорил. Скорее всего, делал вид, что не обращает внимания на забавы своих молодых партнеров, а еще вероятнее — хранил гордое молчание. Мы даже были рады подобному обстоятельству, ведь тяжелей всего в жизни что-нибудь скрывать.

Словом, Виноучи нас не беспокоил. Но вот Шерой — как он отнесется к откровенному подражанию? Ведь, случалось, в таких случаях в старом цирке поступали и не очень по-джентльменски.

Отступать меж тем было поздно, и мы продолжали начатое, все же чувствуя себя не совсем спокойно.

И вот однажды ночью мы проводили свои одинокие репетиции. Я уже принял снизу и громоздил четвертый стол, как вдруг при тусклом свете дежурных лампочек увидел в рядах партера самого Шероя. Как он вошел, я не заметил. Теперь он стоял в одном из проходов — подтянутый, в котелке и в сером, хорошо сшитом пальто, с тросточкой, которая висела у него на руке. Он молча глядел в нашу сторону.

Что было делать?

Жорж, конечно, тоже его заметил, но старался делать вид, что поглощен работой.

Собрав все свое мужество, я решил последовать примеру моего партнера и тоже изображать, будто настолько занят тренировкой, что ничего не замечаю кругом. Я сделал знак Жоржу, и он кинул мне стул, который я принялся устанавливать.

Крутой поворот

После Варшавы снова началась кочевая жизнь по циркам и эстрадным сценам.

И везде, где бы и на сколько дней ни останавливалась наша труппа, мы с Жоржем, набрав какой удавалось реквизит, продолжали свои упорные репетиции.

На юге Украины нас застало начало первой мировой войны. Все вдруг вокруг изменилось. Люди шли встревоженные. По улицам галопом куда-то скакали с паке-тами запыленные офицеры в сопровождении ординарцев. Ходили толпы с иконами и портретами Николая II, пели «Боже, царя храни», срывали немецкие выставки с магазинов, а то и били в них стекла. Многие мужчины в предвоенные годы носили длинные, подкрученные на концах усы «а-ля император Вильгельм», теперь же они опрометью бросились подстригать усы и отращивать бородки.

В цирке тоже многое переменялось. Прежде немецкие артисты — их было не так уж много — почитались на манеже. Антрепренеры писали их имена на афишах большими буквами. Сейчас ни один хозяин не хотел и слышать о немцах. Русские артисты, носившие немецкие фамилии, срочно заменяли их отечественными, всеми силами отрешиваясь от придуманного ими германского происхождения. Атмосфера была взвинченная, для меня тогда малопонятная. Ведь совсем недавно немцы в цирке были нашими товарищами, с коими мы делили успех и неудачи. Что касается меня, то я не видел никакой разницы для дружбы, кем бы ни был мой приятель — русским или греком, итальянцем или германцем.

Война шла где-то далеко на фронтах. В тыловых городах жизнь внешне мало отличалась от прежней. Лишь стало больше военных. Через город с песнями шли, провожаемые цветами и слезами, роты с полной солдатской выкладкой да громыхала отправлявшаяся на станцию артиллерия.

Зрелища, и в особенности цирка, стали посещаться лучше, чем прежде. Среди зрителей можно было увидеть немало солдат, в том числе георгиевских кавалеров

Не знаю, удалось ли нам обмануть Шероя и убедить, что мы его действительно не видели, — сильно в том сомневаюсь. Постояв минут пять или чуть больше и понаблюдав за моими усилиями, Шерой, не сказав ни слова и не проронив ни звука, так же внезапно исчез, как и появился.

Настроение репетировать у нас в эту ночь пропало, и я скинул Жоржу столы.

Мы ждали грозы.

Но ничего не произошло. На следующий день, встретив меня в цирке перед представлением, датский артист подозвал меня к себе и сказал:

— Ничего, молодой человек, продолжайте. Может быть, у вас что-нибудь и получится.

Тут же, видимо, не удержавшись, как настоящий мастер, он указал мне на какую-то грубую ошибку, которую я делал.

Как я был благодарен Шерою! Он оказался широкой натурой и не стал возражать против попыток юноши повторить его номер. А возможно, я был еще так беспомощен в своих стараниях, что знаменитому эквилибристу и в голову не могла прийти мысль о какой-либо конкуренции.

Окрыленные, мы с Жоржем продолжали наши репетиции. Но Шерой на них больше не появлялся.

Вскоре гастроли в Варшаве закончились, и больше я уже никогда и нигде не сталкивался с эквилибристом Шерою, замечательному искусству которого я был так многим обязан долгие годы своей жизни.

леров с крестами на полосатеньких ленточках. Многие приходили на костылях.

Наездницы и гимнастки, когда им на манеже подносили букеты, бросали цветы людям в военной форме. Клоуны изощрялись в шутках над немецкими войсками. Выпускали свинью в каске императора Вильгельма и били под зад Михеля в немецком ночном колпаке, убежавшего с арены и терявшего от страха штаны.

В городах магазины еще были полны товаров, дороговизна казалась не столь заметной. Фронт и тыл жили разной жизнью.

Труппы Виноучи война напрямую не коснулась.

Я был юн и не подлежал призыву в армию, все же остальные были итальянские подданные, а следовательно, мобилизация их не охватывала.

Меж тем мы с Жоржем уже достигли той степени совершенства номера, что решили его однажды показать своим товарищам. «Просмотр» прошел удачно. Нас хвалили, хотя и понятно было, что до мастерства мне еще далеко.

Старый Виноучи отнесся к моим достижениям достаточно равнодушно. Он понимал, что начинать работать мне самостоятельно рано. Что ждет меня на этом пути?.. У него же дело было налажено. Труппу знали. Теперь, когда русских артистов стали понемногу призывать под винтовку, сработавшаяся итальянская труппа стала цениться больше прежнего и без контракта мы уже не сидели. Кто же променяет благополучную реальность на туманную неизвестность будущего? Да и я за годы сжилс с семьей Виноучи, стал в ней своим и с трудом представлял иное свое существование.

Но все сложилось по-другому.

Примерно через полгода, после одной из тренировок, когда все прошло на редкость слаженно и мы, довольные, отдыхали, Жорж сказал мне:

— Послушай, Роберт... А не уйти ли нам с тобой от старика?.. Начнем свое... У нас же два номера. Неужели мы пропадем? Не думаю.

Я опешил и ничего не мог сразу ответить. Ведь и у

меня не раз закрадывалась мысль о самостоятельной работе. Но, честно говоря, было просто жаль старика. Ведь это он сделал из меня акробата. Как же, взять и вот так сказать ему: «Ухожу...» А, с другой стороны, я уже выросал, и это начинало мешать трюкам, которые исполнялись в труппе. Словом, сомнения терзали меня. Жорж, видимо, это понимал и терпеливо ждал.

Напротив, в определенные моменты люди в воздухе находятся в более выгодном положении, чем партнерные акробаты. Они, как правило, всегда страхуются либо лонжей—о ней я уже говорил,—либо сеткой, на которую можно упасть, оставшись невредимым. Партнерные же акробаты, даром что они на земле, в рискованные минуты могут надеяться лишь на точность

Но недаром русская пословица гласит: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Произошло это вот как.

Летом мы работали в Харькове. Война уже повсюду давала себя знать. На улицах все больше появлялось раненых. Одетые в шинели солдаты, особенно возвращавшиеся с фронта, имели совсем не боевой вид и начинали наводить на грустные думы.

Но цирк по-прежнему жил своей жизнью.

Может быть, прибавилось какой-то нервности, а может быть, просто не повезло, но однажды на представлении я, как у нас говорится, шел с четырех рук, то есть делал сальто-мортале на плечи Виноучи, но вместо его плеч пришел прямо на манеж... Результат был печальный. Легкое сотрясение мозга и к тому же перелом руки.

Тут я отвлекусь и скажу вам, что никогда не следует думать, будто опасна лишь работа воздушных гимна-

своей работы и ловкость партнеров. В противном случае можно получить очень серьезную травму. Не трудно сделаться и калекой на всю жизнь. Вот почему в цирке работа партнерных акробатов с подкидной доской считается особо ответственной.

Словом, закованный в гипс, я слег в постель. Продолжался мой вынужденный простой полтора месяца. К счастью, все это время Виноучи работали в Харькове и выздоравливать мне было легче.

Когда я вернулся после столь долгого отсутствия, репетировать со мной нужно было чуть ли не все сначала. И вот что-то такое произошло. У меня не получались прежние трюки. Я словно сделался неловким или всему разучился. Виноучи мучился со мной. Мы без конца повторяли все, как когда-то, но ничего прежнего не выходило. Я видел, как он расстраивался. Зачем же был нужен труппе такой неудачный акробат? Мне, понятно, вслух никто недовольства не выражал.

Трудно было установить, я ли был виноват в своем падении.

И как это ни удивительно, когда мы возобновили наши репетиции с Жоржем на столах, тут дело пошло неплохо. Страх, который иногда приходит к артисту после его серьезного срыва, у меня не было. Очень скоро я восстановил то, что умел. А возможно, и вправду во мне больше жил талант балансера, чем акробата, и это обстоятельство избавило от расставания с цирком.

И опять принялся за свои атаки мой искуситель Жорж.

— Что тебе тут делать?— твердил он.— Уйдем от них.

Жорж и Роберт

За полночь через Харьков шел поезд на Полтаву. Мы с Жоржем уехали, захватив акробатические костюмы в своих чемоданчиках. В Полтаве помещалось театральное агентство. Через это агентство мы надеялись получить работу.

Прибыли мы в незнакомую нам Полтаву еще затемно. Было около четырех утра. До того, как оживет город, решили остаться на вокзале. Дремали, пытались заснуть на скамье в переполненном пассажирами и поразительно грязном зале ожидания. Внезапно меня охватила грусть. Стало жаль оставленную семью Виноучи. Я подумал о том, что вот сейчас они проснутся и по привычке будут ждать меня к завтраку, а меня уже нет. Старик, возможно, расстраивается и считает меня неблагодарным. Однако назад пути не было. Следовало думать, что ждет впереди, как жить дальше.

Денег у меня в кармане было совсем мало. Немного богаче меня оказался Жорж.

Часов в девять мы с волнением и внутренней дрожью отправились прямо в агентство.

Необходимо сказать, что время было такое, что на приличные номера имелся спрос. Только этим, наверное, и можно объяснить то, что без особого доверия оглядев нас, человек из агентства не указал нам на дверь, а предложил продемонстрировать свое умение. Прodelать все это следовало на маленькой эстраде тут же, в саду агентства.

И вот мы с Жоржем на небольшой летней сцене. Перед нами в рядах комиссия, которая должна определить нашу судьбу. Вся комиссия состоит из одного толстого человека с розовым гладким лицом, одетого в светлый полотняный костюм. Именно он и решит: быть нам или не быть.

День жаркий, толстый человек вытирает пот с разгоряченного лба, проводит платком вокруг шеи.

— Ну, давайте дальше... Фу!.. Ужасная жара.

Наш акробатический номер уже прошел. Он не вызвал ни протестов, ни восторга толстяка, и вот теперь он ждет нашей работы со столами. В нем, в этом номере, весь смысл. На него наши надежды.

На эстраде наш «реквизит». Три подозрительно вида стола и два венских стула, вынесенных с разрешения дирекции агентства из конторы.

Уж не помню, каким образом все удалось, как выполнили свою миссию обыкновенные конторские столы. Но когда, благополучно закончив последний трюк, я спрыгнул вниз, толстяк, не выдержав, поднялся и сказал:

— Добре... Пойдет. Прошу в контору.

А через час уже с контрактом в кармане мы сидели в прохладном кабинете антрепренера и, с трудом скрывая радость, слушали его наставления, где в Полтаве заказать костюмы и реквизит.

Мы так понравились толстяку, что на все это он нам тут же дал денег. Разумеется, доброта была относительной: антрепренер предупредил, что вычтет эту сумму из нашего гонорара.

Поедем в другой город. Будем работать со столами...

Я понимал, что, уйдя, лишь облегчу жизнь семье Виноучи. Ведь теперь я пока что был только нахлебником. Что касается моего партнера, то он стал частенько не ладить со стариком, иногда даже не являлся на представления. Тогда семья, перестроив трюки, обходилась вчетвером. Уход его из труппы определился как-то сам по себе.

Как мне было трудно набраться мужества и объявить о своем разрыве с ними... Меня страшили слезы бабушки и сестер, угрюмость самого Виноучи. И все же я решился уйти.

Через несколько дней уже висели афиши:

«Внимание! Только несколько гастролей! Сенсация! Человек без нервов! Головокружительные трюки!»

Ничего другого, кроме «Человека без нервов», мы, конечно, придумать не могли. Но ведь это было в стиле тогдашней рекламы.

Мы не без страха перед публикой готовились к выступлениям. Вот и привезли специально сделанные и, надо сказать, на редкость добротные столы и стулья. Они были некрашенные. Красить реквизит мы с Жоржем решили сами. Были куплены краски и необходимые кисти. Мы принялись за работу, она доставляла нам явное удовольствие. Вскоре все было готово. Столы сияли свежестью краски. Мы выставили их на солнце. До нашей премьеры оставалось еще почти двое суток. Пусть хорошенько просохнут. Ведь на улице жара.

Каково же было наше удивление, когда на следующий день мы выяснили, что реквизит нисколько не высох. Видимо, война отозвалась и на качестве краски, чего мы не могли учесть. На утро второго дня краска по-прежнему липла к рукам. Работать с таким реквизитом было невозможно, а ведь оставалось всего несколько часов.

Когда мы сообщили о нашей беде антрепренеру, нам показалось, что его может хватить удар. Сперва он побледнел, затем побагровел, схватился за голову и принялся нас бранить.

— Что вы наделали, олухи!.. Произойдет грандиозный скандал. Все билеты распроданы... Если не будет человека без нервов — публика разнесет эстраду. Я лечу в трубу!

Напуганные таким положением и перспективой быть прогнанными, да еще с долгом антрепренеру, мы обещали, что станем работать, как бы ни выглядел наш реквизит.

Началось представление. Мы довольно уверенно провели акробатический номер. Он прошел одним из первых. Публика к нему отнеслась одобрительно, но сдержанно. Гвоздем программы был «Человек без нервов». Он заключал вечер, и мы со страхом поглядывали на свой не желавший высохнуть реквизит.

Наконец нас объявили. Раздвинулся занавес, и я пошел на сцену, где уже находился Жорж, изображавший скушающего официанта. Мы начали игру. Но вот дошло и до столов и... чудо! мне удалось устанавливать их, уже не пачкая рук, хотя краска и была еще свежа. Словом, номер шел своим порядком, и публика, ничего не замечая, затихла, внимательно наблюдая «чудеса» эквилибристики. И вот финал номера. Я уселся на верхний стул, с которого должен делать каскад, то есть прыжок-падение вниз. Я горделиво, как это делал Шерой, скрестил руки и вдруг почувствовал, что прилип к стулу.

На лице моем еще сохранялась непринужденная улыбка, а мозг сверлила мысль: что же делать?! Не лететь же вниз вместе со стулом. Продолжая балансиро-

вать, я каким-то образом все же умудрился придержать стул и оторвал свои брюки от сиденья. Дальнейшее было привычным. Еще несколько секунд — и я уже стоял на эстраде. Под шумные аплодисменты зрителей мы с Жоржем покинули сцену.

Уже через день реквизит окончательно просох, и номер проходил без неожиданностей для его исполнителей.

Риск нашего антрепренера оправдал себя. Успех номера оказался таким значительным, что, подбрав, толстяк не стал с нас высчитывать выданного в день просмотра аванса. «Щедрость» объяснялась просто. Публика валом валила посмотреть на «Человека без нервов». На кассе к началу представления висел аншлаг: «Все билеты проданы». Антрепренер жаждал продлить с нами контракт за те же гроши, что нам платил.

Из Полтавы мы укатили в Гомель. Там уже были расклеены афиши, и мы прибыли прямо в гостиницу, как известные гастролеры. На деньги, заработанные в Пол-

таве, удалось сшить себе фракную пару, и я теперь выходил на эстраду юным денди.

Гомель в те времена был прифронтовым городом. По улицам разъезжали открытые автомобили с крупным военным начальством. Деловито спешили куда-то штабные офицеры, их было множество. Они заполняли рестораны и увеселительные заведения, приходили со своими дамами на наши представления и занимали первые ряды. Номер нравился. Он был смелым и необычным. Взрыв аплодисментов всегда сопровождал мой заключительный каскад.

Слава о «Человеке без нервов» покатила по России. Нас стали повсюду приглашать. Успех сопровождал нас, и агентство направило нас в Москву.

Конечно, это было нешуточное достижение — выступать в самой Москве.

Конечно же, это было чрезвычайно радостно, но и боязно. Как-то я, балансер, как говорят, без году неделя, пройду у взыскательной московской публики?

16.00

Часа два у меня есть возможность отдохнуть перед вечерней работой. Но вот звонит домашний телефон. Не сомневаюсь, что это меня, и сам снимаю трубку.

— Роберт Михайлович?

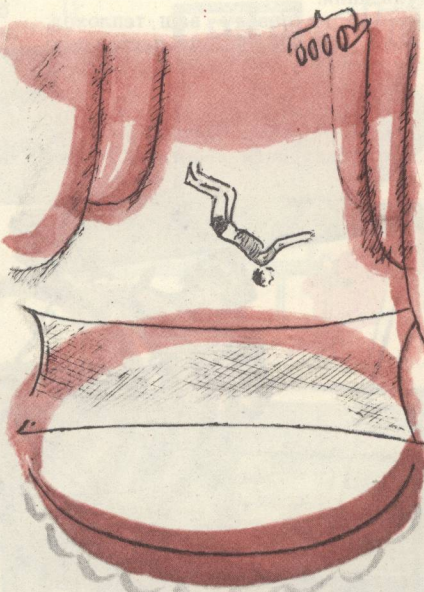
— Я.

По голосу догадываюсь — звонит врач нашего циркового медпункта.

— Извините, что вас беспокою, — говорит врач. — Старший... — она называет фамилию руководителя номера прыгунов на батуте, — вчера опять не явился на осмотр. Сегодня я не выпущу его на манеж.

Я отлично понимаю здорового парня, очень молодого, хотя он и старший в номере, которому просто скучно ни с чем являться к врачу, но объяснять это нашему доктору — женщине решительной, отлично знающей свои права, бесполезно. Закон советского цирка гласит, что ни один исполнитель опасного для жизни номера не может без медицинского осмотра выйти на манеж.

Обещаю врачу поговорить с артистом и немедленно звоню в нашу гостиницу. Артиста вызывают к телефону. Читаю маленькую, но строгую нотацию. Слышу, как гимнаст взды-

хает: вот, дескать, придумали... Но что поделаешь. Спорить не о чем. Сегодня он пойдет к врачу.

Все, кажется, в порядке. Можно отдыхать дальше.

Хочу вздремнуть, но не выходит. Улыбаясь про себя, думаю о том, что артисты дореволюционного цирка засмеялись бы, услышав, что какой-то доктор требует отмены выступления потому, что здоровье артиста ему внушает опасение. В дни моей юности врача к цирковому артисту, как правило, вызывали тогда, когда уже было поздно. Делалось это чрезвычайно просто. Случалось несчастье, и тогда шпехштаммейстер громко вопрошал: «Уважаемые господа, есть в зале доктор?..» И доктор всегда находился, а уж мог ли он помочь — другое дело.

Проверялся ли ради профилактики перед своими трюками эквилибрист Михаил Аузонио, который сделал в Одессе стойку на руках на верхушке высоченной фабричной трубы?.. Какая там профилактика?! Чаше обратное — больной артист скрывал свое состояние и работал на манеже, пока мог. Иначе он оставался без заработка, а то и вообще мог лишиться контракта.

Задумывался ли я об этом, пока был юн? Конечно же, нет.

Окончание следует

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

СЛУЧАЙ С ЛОЦМАНОМ

Сорок лет назад девятнадцатилетней девушкой Тамара Кириллова ушла в свой первый рейс — Ленинград—Гамбург — Лондон—Ленинград — уборщицей. Через два года она уже была матросом первого класса.

Получив специальность радистки, Тамара Ивановна ходила на многих судах...

Наш рассказ относится к 1933 году.

При подходе к ночному Гамбургу на теплоход «Смольный» требовали лоцмана.

Старый горбоносый разгорчивый немец в потертой кожаной кепочке привычно и ловко поднялся на мостик и огляделся.

У штурвала стояла Тамара Кириллова.

— Где вахтенный матрос? — спросил лоцман штурмана.

Штурман кивнул на девушку.

— О, мой бог, — сказал лоцман. — Фрау на руле? Я провожу суда к Гамбургу уже тридцать лет... Я не имел претензий от капитанов и фирм... Русские решили пошутить со старым лоцманом? Фрау на руле... Да мы столкнемся с первым же встречным лихтером, или сядем на банку Птичьей отмели, или произой-

дет еще что-нибудь скверное... Я добропорядочный немец, я честно выпиваю мою долю немецкого пива, и я дорожу моей репутацией...

А Тамара Кириллова стояла у штурвала и ждала лоцманских указаний.

— Я не поведу ваш теплоход, пока мне не дадут настоящего рулевого... — сказал наконец лоцман.

— Другого рулевого не будет, — спокойно ответил штурман, раскуривая короткую трубку

и предлагая кيسет с отличным турецким табаком лоцману. — И потом этот рулевой достаточно опытен, чтобы идти Кильским каналом...

Лоцман понюхал табак, покачал головой и достал свою трубочку. Лоцман понял, что другого рулевого не будет. Говорил он теперь просто для поддержания своего высокого морского достоинства.

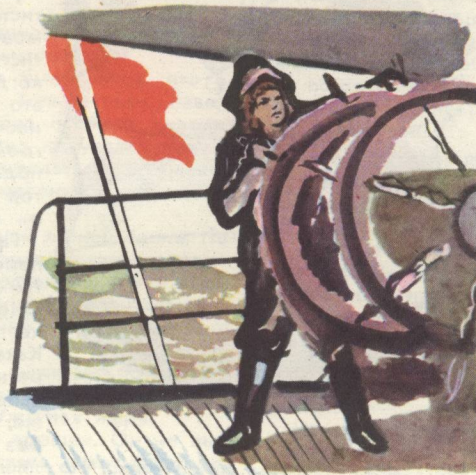
— Что должна знать женщина? — жаловался он штурману.

Теплоход меж тем медленно входил в устье Эльбы.

— ... Женщина должна знать три вещи — Kinder, Küche und Kirche. Это есть — дети, кухня и церковь. Так говорил наш великий Бисмарк! Фрау на руле... Это есть совершенно невозможно... Полрумба влево, рулевой!

... В Гамбурге, сходя с теплохода, лоцман поправил свою потертую кепочку, которую он, исходя из похвальной немецкой аккуратности и бережливости, носил на море тридцать лет, и попросил перевести рулевому Тамаре, что он весьма сожалеет обо всем им сказанном и что фрау — настоящий моряк и отлично стояла на руле. И он поднял вверх большой палец: «Гросс обермаат! Гут!...»

Олег Орлов

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Танкер-гигант, танкер-чудовище...

Длина этого суперкорабля триста двадцать метров.

Чтобы наполнить танкер «Вени» нефтью, требуется семьдесят тысяч четырехосных цистерн. Представьте себе железнодорожный состав длиной от Москвы до Ленинграда...

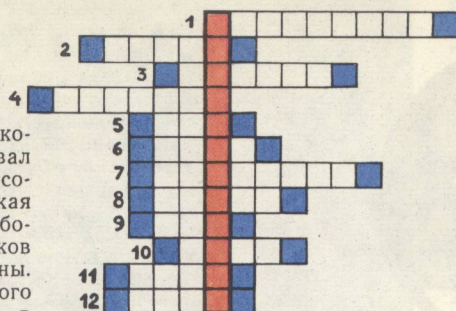
... В случае катастрофы нефть, которая будет спущена в море, может уничтожить всех водоплавающих птиц, скажем, на берегах Северного или Балтийского морей...

ГОЛОВОЛОМКА

Составил юнкор
Володя Заболоцкий

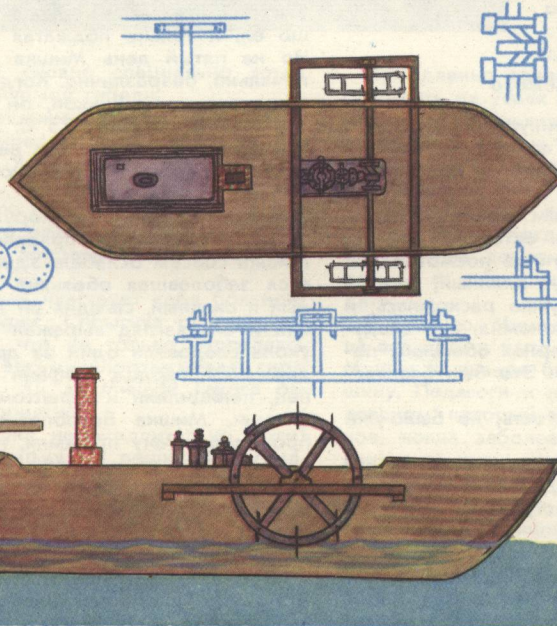
1. Учебный корабль Балтийского флота. В 1923 году участвовал в первом заграничном походе советских моряков. 2. Советская подводная лодка. Открыла боевой счет советских подводников в годы гражданской войны. 3. Гвардейский эсминец Северного флота. Особенно отличился в Отечественную войну 1941—1945 гг. Сейчас его имя носит современный корабль. 4. Русский бриг — победитель в сражении с двумя турецкими линейными кораблями. 5. Лидер эсминцев Краснознаменного Балтийского флота, на котором служил в период Ве-

ликой Отечественной войны торпедным электриком Евгений Никитин. 6. Героическая русская канонерская лодка. 7. Русский миноносец. Геройски погиб возле Порт-Артура в 1904 году. 8. Гвар-

дейский лидер эсминцев Черноморского флота. Не раз прорывался в осажденный Севастополь. Был известен под названием «голубой крейсер». 9. Русский эсминец. В 1915 году в Рижском заливе одержал победу над двумя германскими миноносцами. 10. Известный всему миру крейсер Балтики. 11. Крейсер Черноморского флота, возглавивший ноябрьское восстание флотских экипажей в 1905 году. 12. Современный противолодочный крейсер Краснознаменного Черноморского флота, носящий имя погибшего в 1941 году под Констанцей лидера эсминцев.

Заполнив все клетки по горизонтали, по вертикали получишь ответ — название флагманского корабля Краснознаменного Балтийского флота.

НАША ПОЧТА

Саша Русаков из Торонца спрашивает: «Как изготовить акваланг, и подводное ружье, и надувную лодку?»

Дорогой Саша! Конечно, хорошо сделать что-нибудь своими руками... Но акваланг, подводное ружье и надувную лодку можно изготовить только на заводе или имея под руками хорошо оборудованную мастерскую.

Поэтому советуем тебе заменить надувную лодку — самодельной байдаркой, подводное ружье — острогой, а вместо акваланга пользоваться трубкой, ластами и маской.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

«Морская газета» сообщает, что рисунки на морские темы для выставки 1971 года «Рисуют читатели „Морской газеты“» можно присылать и приносить в редакцию до 31 декабря 1971 года.

Председатель жюри Пингвин

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА «НАБЕРЕТ ЛИ МАТРОС ВОДЫ?»

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

Я составляю Малую Морскую Энциклопедию (ММЭ) в четырех томах (тетрадах), где стараюсь дать краткое описание кораблей.

В ММЭ я привожу исторические справки: история создания корабля, боевой путь (если корабль военный). Все эти сведения я беру из книг или журналов. В моей энциклопедии много рисунков. Я рисую сам или вырезаю из старых журналов.

В первом и втором томах — разные типы судов. Например:

«Б рк; грузовое судно XIX века, ширина 13 м, длина 90 м, осадка (с грузом) 7,3 м». В эти тома вошло описание 188 типов кораблей.

В третьем и четвертом томах — история создания наиболее интересных кораблей. Например. «Елизавета» — первый пароход России, построен в 1815 году, длина 18,3 м, ширина — 4,5 м, труба кирпичная, мощность 4 л. с., ходил рейсом Петербург — Кронштадт. В эти тома вошли описания 107 кораблей.

Саша Топорков, Москва

ЧЕТВЕРОРУКИЙ ПАЦИЕНТ

РАССКАЗ

А. Батюев

Рисунки Л. Каминского

Летом ребята разъехались на каникулы, и я остался с одной помощницей — юннаткой Галей. Она превосходно умела обращаться с животными, и работать с ней было приятно.

Мы только что приступили к своим занятиям, как в кружке появился мой знакомый. Он осторожно поставил на стол большую сумку, интригуяюще посмотрел на нас. В сумке кто-то ворочался. Вдруг длинный, черный палец изнутри подцепил молнию, сумка раскрылась, и из нее выглянула презанятная физиономия, а в следующее мгновение на столе сидела черная обезьяна, покрытая длинной блестящей шерстью. Это был бесхвостый павиан.

— Осторожно! — воскликнул наш гость, но было уже поздно.

Галя подхватила обезьяну на руки и прижала к себе. Но павиан не только не обиделся, а, наоборот, очень обрадовался такой пылкой встрече и сам стал ласкаться к юннатке.

Позднее я убедился, что павиан Мишка отнюдь не ко всем питал такие теплые чувства, при случае мог и наскандалить. Он оказался веселым, радостным, озорным, но без тех обезьяньих подвохов, когда игра неожиданно заканчивается потасовкой. Он мог часами носиться по залу, и, по-видимому, пятнашки были его хобби. В отличие от макак и мартышек, он никогда не стремился куда-нибудь забраться или прыгнуть. Хотя он превосходно лазил, но, играя, всегда носился по полу, лишь в исключительных случаях вскакивая на стулья или столы.

У нас была только одна большая, специально оборудованная для обезьян вольера, но в ней жил Кузя — голуболицая мартышка. Это был крупный самец в роскошном меховом наряде с коричневой пелериной на плечах. Черный сверху и белый снизу, с голубыми бакенбардами на круглой рожице и янтарными глазами. Характер он имел покладистый. У него можно было отнять любое лакомство, не встретив ни раздражения, ни злобы. Мы решили поселить Мишку вместе с Кузей.

Впуск нового постояльца всегда момент торжественный и тревожный. Как встретит Кузя — законный владелец вольеры — нашего черного протеже? Обезьяны настолько быстрые животные, что и короткая драка очень опасна. Поэтому и я и Галя были наготове, чтобы в любую минуту пресечь возможную потасовку. Миш-

ка, как натура открытая и бесхитростная, сразу побежал знакомиться с Кузей, но тот при приближении павиана каждый раз отпрыгивал и недоверчиво хмурился. Мишка продолжал с хохотом гоняться за мартышкой. Он так веселился, что недоверчивость Кузи уступила место любопытству, и, наконец, обезьяны встретились. Мишка сразу предложил борьбу, и вскоре они уже весело играли, валяя друг друга изо всех сил. Классическая борьба закончилась идиллической сценой: обезьяны улеглись на полке и занялись исканием, что всегда является выражением дружбы и взаимопонимания. Теперь мы могли спокойно удалиться и возобновить прерванную работу.

Только в девять часов вечера мы решились идти домой. Обе обезьяны не только не ссорились, но, по-видимому, были очень довольны.

Но наутро нас ждало горькое разочарование. Мишка бегал по вольере, поджимая ногу. При осмотре мы обнаружили глубокую рану. Что побудило мирного Кузя всадить клыки в ногу весельчака павиана — неизвестно, но обезьян пришлось рассадить. Мишку поселили в небольшой вольере. Я продезинфицировал рану, но битовать ногу не стал. К чему? У обезьян настолько развиты руки, что любую повязку они снимут незамедлительно. Да и раны заживают у них легко и быстро. Четыре дня павиан носился по вольере, хорошо ел, и только поджатая нога напоминала об укусе. Но на пятый день Мишка захандрил. Глаза смотрели печально, безразлично. Когда я взял его на колени, желая угостить клубничкой, он отвернулся от ягод и лег. Термометр показал 40,5° С. Хотя у обезьян нормальная температура много выше, нежели у человека, но это — слишком много. Рана загноилась, началось заражение крови.

Я побежал вызывать скорую помощь.

Поздно вечером приехал врач. К этому времени Мишка совсем ослабел. Удивительно, как быстро меняется заболевшая обезьяна. Вчера еще такой подвижный и сильный, сегодня он лежал беспомощный и жалкий и его взгляд выражал тоску и страдание. Четыре укола следовали один за другим. Камфора — для поддержания сердца, кофеин — успокаивающее и, наконец, пенициллин и стрептомицин против попавшей инфекции. Мишка безропотно подчинялся мучительной процедуре. Рану промыли, наложили компресс из водки и крепко забинтовали. Обычно четверорукие пациенты скандалят, вырываются и их приходится удерживать силой, но павиан вел себя столь безупречно, что даже удостоился похвалы ветеринара.

Оставить обезьяну в таком тяжелом состоянии одну в кружке я не решался. Мы поехали ночевать ко мне. Что это была за ночь! Мишка не хотел спать в большой клетке, приставленной к моей кровати, скулил и царапался. Пришлось взять его на руки, но и на руках он маялся, ложился то на один бок, то на другой, и все это

с таким видом страдальца, словно специально хотел меня уверить в своей неминуемой гибели.

В пять часов утра я совершенно выбился из сил. Под действием антибиотиков температура снизилась на два градуса, Мишке полегчало. Я уложил его на подушку в клетке и, заперев дверцу, приставил к ней всякий случай восьмikiлограммовую гирию. Я лег спать, а когда проснулся, оказалось, что павиан спит на голых досках пола. Подушка ему не понравилась, и он ее стащил вниз.

Конечно, первая мысль—как чувствует себя больной? Оказалось, что Мишка воскрес. Спрыгнув с полки, он с такой силой пнул дверь, что не только оторвалась задвижка, но и отлетела восьмikiлограммовая гирия. Но повязка была на месте. Ай да Мишка! Такого разумного больного и лечить приятно!

Выскочив из клетки, Мишка незамедлительно полез ко мне обниматься. По-видимому, он решил, что у меня нет другого занятия, как таскать его персону на руках. Но если вчера это было и естественно и необходимо, так как больные обезьяны очень нуждаются в участии и заботливом уходе, то сегодня это была спекуляция и вымогательство.

Быстро переменяв компресс, я вызвал такси, и мы поехали в Дом пионеров. Хотя внешне павиан казался здоровым, но инъекции нужно было продолжать. Вечером приехала женщина-ветеринар и, чтобы не травмировать обезьяну частыми уколами, предложила ввести бицилин, действие которого сохраняется в течение нескольких дней. Я согласился, но укол оказался настолько болезненным, что несчастный Мишка взвыл и так дернулся, что чуть не сломал иглу. Удивительно, что и на этот раз он не проявил никакой агрессии, не пытался вырваться или тем более укусить. Врач отменила компресс и сделала сухую повязку из риванола.

Назавтра к вечеру у павиана опять подскочила температура до 41° С. И опять Мишка сник. Я сделал ногте горячую ванну и, очистив рану, стал искать, нет ли «карманов». Действительно, такой карман оказался, и когда я с силой надавил на него, из раны обильно пошел гной. По-видимому, у обезьян чувствительность гораздо ниже нашей, так как мой пациент перенес мучительную процедуру с большой выдержкой. И снова был поставлен компресс.

Каждые шесть-семь часов я менял компресс, и ни разу павиан не снял повязку. Решительно, Мишка был

исключением среди своих собратьев. Его сообразительность и благоразумие изумляли меня. Перед тем как переменить повязку, я сажал его на стул, и он сам протягивал мне больную ногу и терпеливо ждал, когда я кончу перевязку. Через неделю рана очистилась и по ее краям появились голубые крошки — это росла новая кожа. Рана затянулась с поразительной быстротой.

За время болезни павиан так привык ко мне, что я мог делать с ним что угодно, и впоследствии мне это очень пригодилось.

Прошло два года. Мишка стал всеобщим баловнем в Доме пионеров. Всегда в отличном настроении, добродушный, ласковый, готовый поиграть, подурочиться, он радостно приветствовал всех проходящих, и его карие глаза полны были веселья и смеха.

И вот Мишка опять заболел. На этот раз он заразился от кого-то из ребят вирусным гриппом. Ему настолько было худо, что он даже сидеть не мог.

Немедленно сделали вливания антибиотиков, но рассчитывать на успех было трудно—уж слишком болезнь свернула обезьяну. В таком состоянии павиан мог упасть с полки, на которой спал, и искалечиться. Взять павиана домой согласилась юннатка Люда. У нее была отдельная комната, а по части обезьян она прошла неплохую школу и даже познакомилась с зубами яванского макака. Когда ее папа узнал, что его четырнадцатилетней дочери макак прокусил руку, он не поднял паники, а добродушно заметил: «Ничего, здоровее будет».

К счастью, Мишка заболел в каникулы, и Люда могла все время быть с ним. И вот завернутого в одеяло Мишку (в январе были сильные морозы) понесли в машину. Педагоги и нянечки прощались с ним, как с человеком, который вряд ли вернется назад. Самое опасное, когда заболевшее животное решительно отказывается от пищи. Что мы ни предлагали павиану, он ни к чему даже не притронулся.

Первые два дня, несмотря на уколы, улучшения не наступало, и Мишка лежал с застывшими глазами. Его шерсть потускнела и как-то свалаясь, беспомощно болтались руки и ноги. Наконец, нужный корм был найден — мороженые сливы! Конечно, их давали предварительно согретыми. Это была единственная пища, которую ел наш больной.

Юннаты колесили по городу в поисках слив, и у Люды всегда была наготове целая коробка. Три раза в день я навещал больного. При моем приходе Мишка на время оживал, но вскоре опять впадал в забытие.

Только на четвертый день я застал Мишку уплетая яблоко. Он спрыгнул на пол и весело пошел мне навстречу, но походка у него была неуверенная, его точно покачивало.

Меня удивляла самоотверженность Люды. Каникулы, карнавалы, елки — все было без колебаний принесено в жертву, а Мишка уже на правах больного иногда начинал скандалить. Когда на шестой день павиан занялся преобразованиями в Людиной комнате и выкинул с двух полок все книги, стало ясно, что ему пора возвращаться в кружок.

В Доме пионеров он был встречен как дорогой, близкий родственник.

— Мишенька! А я думала, тебе уже не устоять, — промолвила пожилая нянечка, глядя, как дурачится павиан.

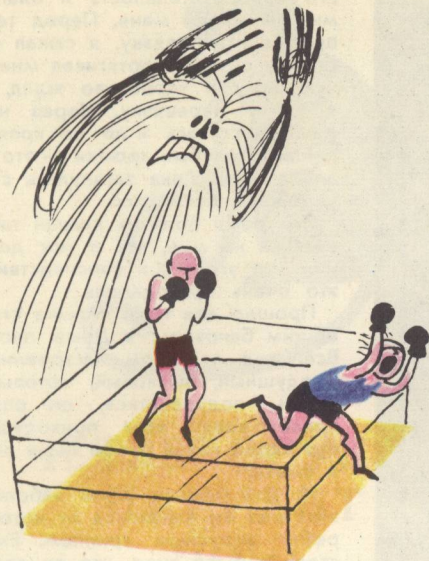

УЧИТЕСЬ ВЛАДСТВОВАТЬ СОБОЙ

А. Светов

Рисунки А. Януса

ПОБЕДА НАД СТРАХОМ

Несколько лет назад, во время шторма, пошел ко дну западногерманский лайнер. Команда и пассажиры погибли. Только десять человек спаслись на шлюпке. Двое суток их носило по волнам, пока их не подобрал встречный корабль. В живых в шлюпке осталось только пятеро. Остальные погибли, несмотря на то что у них было все необходимое — вода, хлеб, консервы. Потерпевшие кораблекрушение умерли не от голода, не от жажды. Их убил страх.

Не подумайте, пожалуйста, что эта морская история не имеет отношения к теме нашего разговора. Страх — опаснейший враг. Это хорошо знают не только моряки, летчики, солдаты в бою, но и люди самых мирных профессий, оказавшиеся в сложной обстановке. Знают это и спортсмены, хотя им и не приходится попадать в столь трагические обстоятельства, с которых мы начали наш рассказ.

Задумывались ли вы, почему спортсмен проигрывает на беговой дорожке, на помосте или на боксерском ринге? Почему, полный сил и энергии, он теряется перед соперником? Оказывается, потому, что перед ним предстал более грозный соперник, чем тот, с которым ему приходилось единоборствовать. Это — страх. Страх перед трудной дистанцией, перед планкой, трепещущей на огромной высоте, боязнь тяжелой штанги, которую нужно оторвать от помоста и вскинуть на вытянутые руки, неуверенность перед завершающим движением в сложной гимнастической комбинации, наконец, страх перед зрителями, следящими за поединком, возгласами и свистом пытающимися помочь или помешать спортсменам.

Как же преодолеть страх? Легко тому, кто уверен в своих силах и убежден, что обязательно достигнет цели. Но разве таких много? Даже самые выдающиеся спортсмены, выходя на старт соревнований, чувствуют холодок волнения, дрожь предстартовой лихорадки и проигрывают иногда вовсе не потому, что у них не хватает сил, а потому, что не поверили в свои силы.

И вот здесь-то на помощь спортсмену приходят тренер, ученый, врач-психолог. Они подсказывают ему, как подобрать ключи к волшебной шкатулке, в которой таятся неиссякаемые запасы силы и выносливости.

Опытные тренеры стараются помочь своим ученикам преодолеть то, что они называют психологическими барьерами. Какими только приемами для этого не пользуются! Вот один из них. Он называется «Иллюзорный обман». Для того чтобы приучить прыгуна к высоте, тренер сближает стойки, на которых покоится планка. От этого будет казаться, что планка находится еще выше, но зато потом, на соревнованиях, высота не пугает спортсмена.

Уверенность в спортсменах поддерживает не только тренер, но и психолог — эту должность не так давно ввели в некоторых командах. Психолог занимается воспитанием воли и характера спортсменов, изучает причины, приведшие к поражению, испытывает методы, позволяющие выступить более успешно. Иначе говоря, он ведет психологическую подготовку к соревнованиям.

Этим очерком мы заканчиваем обсуждение «Формулы воли».

Психологом может быть не только тренер или ученый, но и сам спортсмен. Он использует такую могучую силу как самовнушение. Приведем один лишь пример. Во время соревнований, на дистанции спортсмен чувствует, как свинцом наливается тело, в груди спирает дыхание, а сердце бьется так часто, того и гляди, выскочит. Нет-нет да и мелькнет мысль: «А не сойти ли мне с дистанции?» Когда усталость достигает предела и все становится безразличным, овладевает одна мысль: отдыхать, отдыхать...

Полное изнеможение вызывается не столько мышечным, сколько нервным напряжением. Спортсмен, если он только настоящий спортсмен, огромным напряжением воли сумеет взять себя в руки. В какой-то момент наступает так называемое второе дыхание. Спортсмен вдруг почувствует себя легко и свободно. И откуда только взялись силы! Их хватает не только чтобы дойти до финиша, но и победить соперников.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОГ ОСТАНОВИТЬ СЕРДЦЕ

Самовнушением можно достигнуть многого. Проведите несложный опыт. Сядьте удобно в кресло, расслабьте мышцы, сосредоточьтесь на мысли, что ваша правая или левая рука становится тяжелее. Через некоторое время вы и в самом деле почувствуете в руке тяжесть. Вы можете внушить себе, что у вас голова стала прохладной и, действительно, ощутите прохладу. Самовнушением можно научиться управлять дыханием, частотой сердцебиения. Есть люди, которые по своей воле могут выключать сердце так же, как, скажем, выключают мотор.

Французский писатель Пьер Рондьер в своей недавно опубликованной статье «За кулисами тайнств» рассказывает о некоем Ивоне Ива, который путем самовнушения научился преодолевать страх перед болью, прекращать дыхание и даже останавливать свое сердце.

Спортсменам такие рискованные опыты, конечно, ни к чему. Силу самовнушения они используют не во вред своему здоровью, а для того, чтобы выявить и пробудить к жизни еще не использованные возможности организма. А возможности эти необычайно велики. Об этом можно судить хотя бы по примеру канадского атлета Роя Бьюмонта. Однажды он подверг себя испытанию на выносливость. Он сделал 312 приседаний. На большее у него сил не хватило. Но вот спортсмен сказал себе: «Ты сумеешь сделать гораздо больше. Ведь это совсем не трудно. Ну же, смелее!» И, о чудо! Он сделал 3148 приседаний и прекратил испытание лишь потому, что спешил на работу.

При помощи самостоятельной, или, как ее называют, аутогенной, тренировки можно воздействовать на эмоциональное состояние спортсмена, изменить его мышечную силу, температуру тела, вселить уверенность перед стартом. Иначе говоря, человек получил самую великую власть — власть над собой!

Ученые заметили, что если после тренировки спортсмен просто отдыхает полчаса, то усталость не только не проходит, а даже усиливается. Если в это время спортсмен спит, утомление хотя и проходит, но не полностью. А вот если спортсмен проводит те же самые полчаса в самовнушенном сне-отдыхе, то усталость словно по мановению исчезает, энергия не только восстанавливается, но даже возрастает.

При помощи самовнушения спортсмен может не только восстановить свои силы, но и как следует подготовиться к соревнованиям, быстрее устранить ошибки, освоить новые, порою очень сложные элементы. В неглубоком сне он даже сумеет мысленно представить себе то, что он должен проделать во время тренировки.

вок и соревнований. А ведь это очень важно — заранее четко представить себе каждое свое движение. От этого зависит, сумеет ли спортсмен хорошо ориентироваться в пространстве и уверенно выполнить с начала до конца все упражнение.

О том, как важно четко представлять свои действия в сложной обстановке, можно судить по примеру космонавта Алексея Леонова, первого человека, совершившего выход в открытый космос. Перед полетом Леонову предложили мысленно представить, что он будет делать, покинув космический корабль. Он набросал несколько рисунков. После возвращения космонавта на Землю рисунки сравнили с киноплёнкой. Почти все движения, проделанные космонавтом, совпали. Леонов заранее совершенно точно представлял себе, что он должен будет делать в космосе.

СОЗДАВАЯ ПРИВЫЧКУ, ПРИБРЕТАЕМ ХАРАКТЕР

Самовнушением можно достигнуть многого. Но это еще не все. К утверждению «хочу» и «могу» надо обязательно добавить «сделаю». Иначе говоря, желание должно быть подкреплено действием.

В воспоминаниях о Ленине очень интересны сведения о том, как Владимир Ильич относился к воспитанию силы воли.

Вот что пишет старый большевик А. Е. Магарам, встречавшийся с В. И. Лениным в Швейцарии в 1916 году.

«Однажды, когда я пришел в цюрихскую Публичную библиотеку, — рассказывает он, — я увидел Ленина за отдаленным столиком. Возле него лежали книги, тетради, он работал над каким-то трудом. Не желая его беспокоить, я издали с ним поздоровался и сел на свободное место.

Не помню, сколько времени прошло, когда я увидел возле себя Ленина. Он наклонился ко мне и тихо спросил:

— Ну-с, чем это мы так увлеклись?

Я в ответ показал ему обложку книги какого-то американского автора: «Как добиваются успеха в жизни, — общедоступный метод быстро и легко приобрести силу воли». Книга эта была иллюстрирована и содержала несколько сот страниц.

Ленин взял книгу и стал ее перелистывать. Через несколько минут он ее бросил на стол и тихо, но внятно произнес:

— Чепуха. — Потом спросил: — И над этой-то книгой вы сидели вчера и позавчера?..

После паузы Ленин сказал мне:

— Бросьте эту чепуху, ей-ей, ничего эта книга вам не даст. Вы понапрасну тратите время. Пойдемте!

Я сдал книгу, и мы вышли на улицу. Вечерело. Мы направились на Уто-кз по набережной Цюрихского озера... Я обратился к Ленину:

— Разрешите спросить вас, Владимир Ильич, почему вы считаете эту книгу, которую я читал в библиотеке, не заслуживающей внимания?

Ленин приостановился. Прищурив глаза, он пристально посмотрел на меня и, не отвечая мне, задал вопрос: — Скажите, Александр, как, по-вашему, возможно ли, смотря на черный кружок и сидя в комнате, научиться ходить на лыжах, плавать и приобрести технику на трапециях?

— Безусловно, нет. Но, Владимир Ильич, какое отношение имеет физкультура к развитию воли?

— Это одно и то же, — ответил Ленин, — потому что не существует воли без волевого поступка. Если вы не действуете, если вы не совершаете волевого поступка, совершенно напрасно говорить: «Я хочу!..» Многие люди полагают только, что обладают силой воли, но в действительности она у них отсутствует. Когда кто-либо создает, что тот или иной поступок или привычка вредит его интересам или здоровью, и он себе обещает изменить свое поведение завтра или послезавтра, а не сейчас же, сию минуту, — знайте: у этого человека нет силы воли.

— Все это мне понятно, Владимир Ильич! Мы сейчас подходим к самому важному вопросу, которым я интересуюсь: каким же образом, не платонически, а реально приобрести силу воли?

Ленин сделал энергичный жест рукой и ответил:

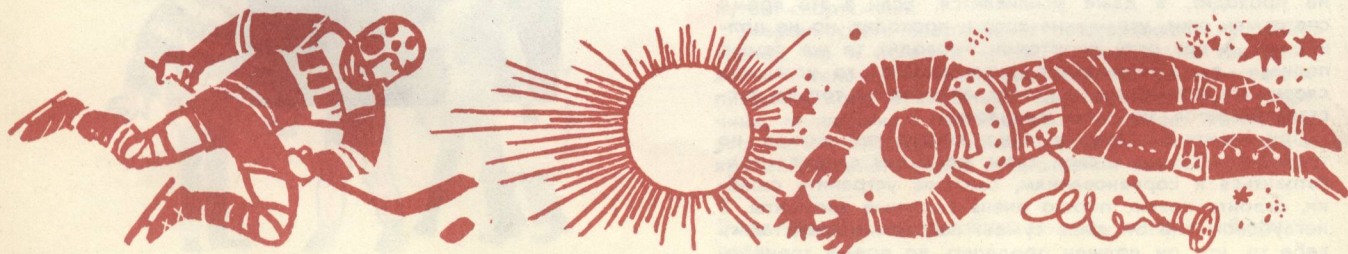
— Сознательно заниматься культурой своей воли, ежедневными и постепенными усилиями, точно так же, как заниматься гимнастикой на трапециях, переходя от простых к сложным упражнениям. Нервная система наша так устроена, что чем чаще мы совершаем какой-либо поступок, тем больше у нас стремления его повторить... Совершенно очевидно, что нужно упражняться в хороших поступках, чтобы внедрить в себя хорошие привычки...

Сознательно или бессознательно, создавая привычку, мы приобретаем характер, а характер, как вам известно, предопределяет нам дорогу в жизни, или, как принято говорить, нашу судьбу... Каждый желающий развить в себе силу воли должен знать, что нет ничего обманчивее и проще, как изъять желание. Другое дело — выполнить его. Например, вы решили встать завтра в шесть часов утра. Когда это желание будет вами реализовано актом и вы встанете в шесть часов утра, ни минуты раньше и ни минуты позже, — этот поступок будет проявлением вашей воли. Продолжайте последовательно вставать в шесть часов утра, и этот поступок делается вашей привычкой.

Я снова задал вопрос Ленину:

— Почему же, Владимир Ильич, столько культурных и интеллигентных людей не умеет владеть собой?

— Разные бывают причины, — ответил Ленин. — Одни не знают, как себя вести, другие, а их большинство, в недостаточной степени сознательно относятся к себе, боятся или даже с отвращением относятся к самым незначительным усилиям... Для достижения успеха в науке, творчестве и вообще в жизни требуются усилия и подчас упорный и сознательный труд. Само собою разумеется, что при таких условиях, как бы ни был способен и талантлив человек, без проявленных им усилий и умений владеть собой от него немного можно ожидать».

Уголёк решил к празднику 8 Марта и к Неделе детской книги украсить свою комнату. Помогите ему — раскрасьте красками букет, вазу и скатёрть на столе. В какие цвета? Это вы узнаете, если угадаете названия трех любимых книг Уголька — вот они стоят, на полочке.

Рисунки Т. Васильевой

1

По вечерам,
По вечерам
Луна глядится
В окна к нам.
И спать ложатся
Чудаки,
Надев пенсне
Или очки,
Чтобы яснее
Видеть сны,
Слетающие к ним
С луны.

Причем одни
Привыкли брать
Карандаши
С собой в кровать,
Чтоб все во сне
Нарисовать,
Другие —
Свой магнитофон,
Чтоб записать
Красивый сон.

А этот
Пасмурный старик

Всегда одетым
Спать привык.
И без калош
И без пальто
Он не ложится
Ни за что.
Его задумчивые
Сны
Всегда дождливы
И грустны.

А вот лукавый
Бородач.
Он под подушкой
Прячет мяч.
Он знает,
Что во сне опять
Он будет прыгать
И играть.
Лужайка будет,
Солнца свет,
И снова будет
Восемь лет.

Генрих Сапгир
Рисунок Ю. Галецкого

3

ТУРИСТЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

Автобус серебристый
Скользит по мостовой.
В нем финские туристы
Любуются Невой.
Они — соседи наши,
Им нравится в гостях
Среди дворцов и башен,
На круглых площадях.

Летят к нам англичане,
Норвежцы к нам плывут
Взглянуть на шпиль в тумане
И праздничный салют,
На каменные плиты
И краны вдалеке,
На крейсер знаменитый,
Стоящий на реке.

И если им взгрустнется
Когда-нибудь потом, —
Припомнят это солнце,
Нарядный этот дом,
И гордых львов на страже,
И блеск гранитных ваз, —
И детям все расскажут,
Что видели у нас.

2

Александр Кушнер

ЗАГАДКИ

ПОРТНИХА ИСКУСНАЯ В ТЕМНОМ ДОМУ

иглой прошивает полночную тьму,
и гнется иголка блестящей дугой,
и тучу одну пришивает к другой.
Кривая игла отовсюду видна,
и лишь поутиру исчезает она.

Ю. Шесталов

Перевела с манси Н. Слепакова

ПОСЛОВИЦЫ

Колодец не копают иглой.

Турецкая

ЧТО НАХОДИТСЯ, ПОДУМАЙ,

Между ртом и чайной ложкой,
Меж смеющимся и плаксой,
Меж собакою и кошкой,
Между книгой и тетрадкой,
Между мельницей и школой,
Между хитрою загадкой
И разгадкой веселой?

Перевели с немецкого
Р. Дитятева и А. Шмультян

Самомнение есть у многих: как известно, куропатка
Спит, поднявши лапки к небу, чтоб не рухнуло оно.

Индийская

Океан-2

ПОХОДНОМУ ШТАБУ ПИОНЕРСКИХ ВОЕННО-МОРСКИХ МАНЕВРОВ «ОКЕАН-2»

Докладаваю:

Готовясь к плаванию, изучали телеграфную азбуку и расшифровали радиограмму. Как приказано, первого марта в двенадцать ноль-ноль вышли из Ленинграда. Маршрут пролегает по Балтийскому морю через проливы Большой Бельт, Скагеррак и Каттегат. Далее пойдем проливами Па-де-Кале и Ла-Манш, через Бискайский залив, а затем — в Атлантический океан. Мимо Азорских островов, островов Зеленого Мыса, минуя о. Вознесения, о. Св. Елены и огибая мыс Доброй Надежды, выйдем к точке встречи.

Предполагаем следовать скоростью 12—15 узлов, что позволит иметь резерв времени.

Командир ракетного крейсера «Грозный» Лена Щербакова

Штурманские приборы к походу подготовлены хорошо. В прибрежной зоне Черного и Эгейского морей место корабля определяем с помощью гироскопического и магнитного компасов. Для определения места корабля в океане будут главными секстан и радиопеленгатор.

Командир подводной лодки «Пионер-17» Олег Кузнецов

В восточной части Средиземного моря южнее о. Крит встретил эскадру военных кораблей под флагами Соединенных Штатов Америки. Предполагаю, что это — корабли 6-го военно-морского флота США.

Наташа Архипова — командир эсминца «Новик-5»

Третье извещение мореплавателям.

Командирам пионерских кораблей доложить о встречах в море с иностранными подводными лодками и самолетами.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 2

Сообщить:

1. Кем и когда изобретен самолет. Где впервые он поднялся в воздух.
2. Кто первым в России пытался построить подводную лодку и где она строилась.
3. Что известно вам о 6-м военно-морском флоте Соединенных Штатов Америки.

Направить все пионерские флотилии в дружественные Советскому Союзу государства. С получением настоящего приказа для нанесения двухнедельного официального визита дружбы следовать — кораблям, идущим из Мурманска — во французский порт Шербур, балтийским кораблям — в кубинский порт Сьенфуэгос, черноморским кораблям — в порт Объединенной Арабской Республики Александрию, кораблям Тихоокеанской флотилии — в индийский порт Бомбей.

Рекомендуется:

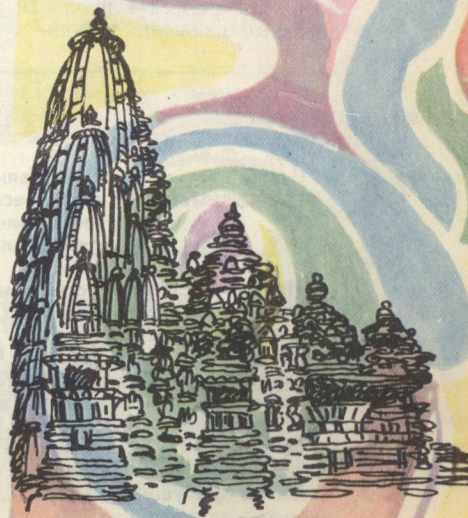
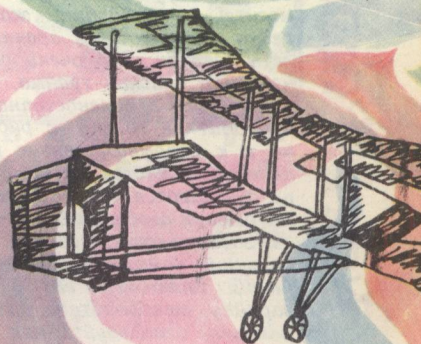
Во время визита дружбы ознакомиться с географией и экономикой государства, с обычаями народа, гостями которого вы будете.

Пресс-группа „Океан-2“ сообщает:

2 марта. Борт ракетного крейсера «Грозный» (от нашего корреспондента)... Вчера вечером на юте, где отдыхали свободные от вахты моряки, боцман Степан Гаврилович Румпель рассказывал историю, которая, как он уверял, произошла с ним самим: «Года три назад, в январе, наш крейсер подходил к Новой Земле. Дело было в полдень. Солнце стояло в зените. Ударом огромной волны погнуло ахтерпик. Беда! Надо исправлять! Послал я двух матросов за инструментом. Притащили они рында-булинь. Человек десять еще за него ухватились, и колотили они все вместе по ахтерпику и шкимушгару часа четыре. Даже на ужин не успели. Все-таки выправили. Устали, конечно. Проголодались. Хорошо, что кок приготовил для них акулю похлебку на ЗИПах, а на второе — контра-форсы жареные с мусингами.

Записал я эту историю, но сомневаюсь в ее правдивости. А вы, ребята?

Юнкор Володя Демьянов

Время без хронометра

Состязания по спринту. Бегунов много, а секундомер — один. Как выйти из положения и определить время всех участников соревнований?

Судья-хронометрист останавливает секундомер в тот момент, когда финишной ленточки касается первый бегун. Тут все ясно: стрелки остановились и определили результат с точностью до 0,1 секунды. А каково же время остальных бегунов?

На настоящем стадионе судьям помогает разметка последнего отрезка дистанции — это 5 белых полос, параллельных линии финиша на расстоянии 1 м друг от друга.

Судьи на финише не только определяют порядок прихода спортсменов, но и записывают, на сколько

метров отстал тот или иной бегун от победителя. Потом, исходя из расчета, что у взрослого спринтера скорость на финише близка 10 м/сек., за каждый метр проигравшему набавляется 0,1 секунды.

В соревнованиях школьников скорости, разумеется, не столь высоки. 60 м новичок пробегает примерно за 9 секунд, при этом 1 секунда тратится на старт. Разделим 60 м на оставшиеся 8 секунд: в секунду новичок пробегает 7,5 м, а за 0,1 секунды — 75 см.

Значит, делая разметку финишного отрезка на своей школьной площадке, проведите линии через каждые 75 см.

А вот как подобное измерение времени будет выглядеть на практике. Время первого (по секундомеру) — 8,7 секунды, второй отстал на две линии — его время 8,9 секунды, третий — на четыре линии — его результат 9,1 секунды.

Н. Игумнов, мастер спорта

УКРЕПЛЯЙ СТОПУ

Когда ученые измерили, с какой силой прыгун в длину чемпион Европы Игорь Тер-Ованесян давит на планку в момент отталкивания, оказалось, что нагрузка превышает полтонны! И вся она приходится на мышцы и связки стопы. У бегунов на короткие дистанции этот показатель несколько ниже, но все равно счет идет на сотни килограммов.

— Доктор, нога подвернулась, помогите! — с подобной жалобой нередко обращаются к врачам легкоатлеты-новички. Это очень распространенная и опасная травма. Подвертывание ноги в голеностопном суставе приводит не только к растяжениям, но и к разрывам связок и даже к переломам костей. У ребят, которые не занимаются спортом, такая травма бывает особенно болезненной.

Избежать растяжений поможет небольшой комплекс простых упражнений. Включайте его в утреннюю зарядку, выполняйте в школе на перемене, используйте как физкультпаузу, готовя уроки дома.

Упражнение I. Исходное положение: сидя на стуле, положи ногу на ногу. На счет 1-4 проделай кругообразные движения ступни в голе-

нестопном суставе влево. На счет 5-8 — то же вправо. Упражнение надо проделать 5-6 раз каждой ногой.

Упражнение II. Исходное положение: сидя на краю стула, обопрись руками о сиденье. Прямые ноги вытянуты вперед. Пятки касаются пола.

На счет 1 — носки ног отогни до

отказа на себя. На счет 2 — оттяни их так, чтобы вся ступня коснулась пола. При этом ноги в коленях не сгибай. На счет 3 — поверни ступни внутрь так, чтобы подошвы левой и правой ноги соприкоснулись. На счет 4 — прими исходное положение и мышцы ног расслабь.

Нагрузка значительно увеличится, если проделать это упражнение на низком стуле.

Упражнение III. Исходное положение:

основная стойка. Ступни ног вместе.

На счет 1 — перенеси тяжесть тела на пятки, носки разведи как можно шире врозь. На счет 2 — перенеси тяжесть тела на носки, разведи так же до отказа врозь пятки. На счет 3 — вновь до отказа разведи носки ног. На счет 4 — вновь разведи пятки. Таким образом, за 4 счета твои ноги займут положение намного шире плеч. Подобными движениями, но в обратном направлении, вернись в исходное положение. Проделай упражнение 5-6 раз.

Упражнение IV. Ходьба. На каждое упражнение 4 счета. 1 — четыре шага на пятках, 2 — на носках, 3 — на наружной стороне стопы и 4 — на внутренней стороне стопы.

При ходьбе сохраняй равномерное дыхание. Упражнение выполни 5-6 раз.

Упражнение V. Прыжки на носках. Исходное положение: основная стойка. Руки на поясе.

На счет 1 — ноги врозь. На счет 2 — ноги скрестно (правая перед левой), на счет 3 — ноги врозь, на счет 4 — ноги скрестно (левая перед правой). Проделай 20-30 прыжков с последующим переходом на ходьбу. Сохраняй равномерное дыхание.

И. Захаров, врач

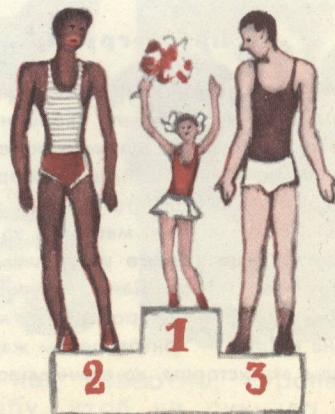
НАПУГАННЫЙ ЧЕМПИОН

В калифорнийском городке Сан-Диего в легкоатлетический клуб записалась девятилетняя школьница Линде Бродок. Она с одинаковым увлечением приходила на тренировки и спринтеров, и марафонцев.

Но вот наступила пора контрольных соревнований, и Линде выиграла подряд четыре старта: на 200, 400, 1500 и 3000 метров. Кстати, к сведению самых юных спринтеров, 200 м она пробежала за 34,5 секунды.

Когда стало известно, что Линде собирается пробежать еще и 5 миль (свыше 8 км), в местной газете появилась негодующая статья против детского спорта. Как оказалось, ее автором был чемпион города именно на этой дистанции Фред Эллис.

Вскоре газета опубликовала ответ Линде: «Я совсем не хотела Вас обидеть, мистер Эллис. Обещаю, если я попаду в один забег с Вами, то обязательно пропущу Вас вперед...»

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

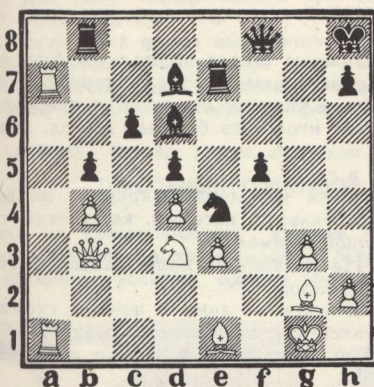
— Уважаемый Давид Ионович! — обратился Ферзьбери к гроссмейстеру Бронштейну. — Вы славитесь неожиданными эффектными жертвами, принуждающими противников сложить оружие. И если бы вы...

— Показать что-нибудь вашим рыцарям?

— Вот именно.

— Хорошо. Но что? Вот — 22-ю партию моего матча на первенство мира с Ботвинником. Ведь в таких соревнованиях жертва ферзя встречается не часто! (См. диаграмму № 1.)

№ 1

Когда у нас получилась эта позиция, я решил использовать открытое положение черного короля.

1. Ke5

Здесь конь очень неприятен черным, а побить его слоном им не хочется, потому что все их пешки стоят на белых полях, и черные поля доски с уходом из игры чернопольного слона останутся ослабленными

1. Ce8

2. g4!

После этого хода сможет вступить в бой запертый своими пешками слон e1.

2... fg 3. Ce4 de 4. Ch4 Л:е5.

Если 4... Л:а7, то 5. Л:а7, и неотразимо грозит убийственный шах конем на f7. А если 4... Лg7, то я бы продолжал 5. Л:g7 Ф:g7 6. Ла7 Ф:а7 7. Cf6+, с выигрышем.

5. de C:e5 6. Лf1 Фg8

Ботвинник предложил размен ферзей. Но я предусмотрел, что в ответ смогу просто оставить своего незащищенного ферзя под ударом, то есть пожертвовать его.

7. Cg3!

Теперь выяснилось, что бить моего ферзя нельзя, так как на 7... Ф:b3 последует 8. C:e5+, и мат в 2 хода. Поэтому черные

АРЧЕБЕК

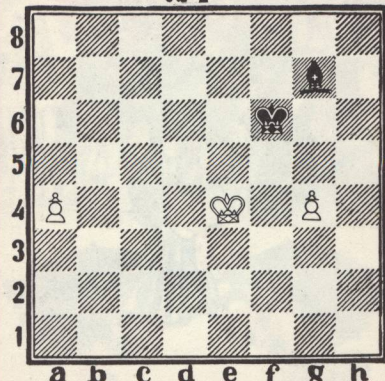
сыграли 7... Cg7, но после хода 8. Ф:g8+ сдались, так как теряют ладью b8.

РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ!

Шахматисты, покажите свое искусство игры в окончаниях!

А) белые: Kpg1, Cc4, п.d6; черные: Kpg6, Cf5. Чтобы выиграть, белым нужно провести пешку в ферзи. Однако черные угрожают подойти королем и забрать ее. Как же белые добиваются победы?

№ 2

Б) (см. диаграмму № 2). И тут белые выигрывают, так как проводят пешку в ферзи. Каким образом?

В) белые: Kph4, Cb4, п.g7; черные: Krc1, Ldl, п.f5. Один шаг — и белая пешка станет ферзем. Но сразу этот шаг делать бессмысленно. Как же его подготовить и выиграть партию?

Шашисты! Перед вами три позиции известного мастера спорта Д. Калинского.

А) белые: дамка h2, простые a5, b6; черные: простые b8, e3, g5.

Б) белые: e7, g7, h4; черные: e3, f4.

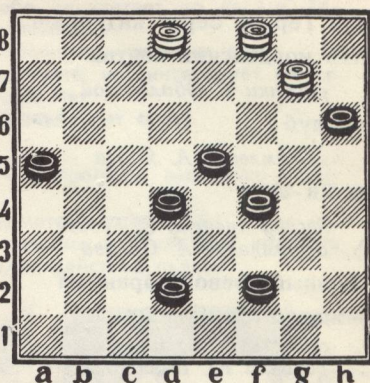
В) (см. диаграмму № 3).

В каждой из этих позиций белые выигрывают! Почему? Потому что они в силах не пропустить черных в дамки.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ

В штаб АРЧЕБЕКА поступило свыше тысячи верных ответов на задачи новогоднего конкурса (см. «Костер» № 12). Призеров определила жеребьевка: книга «Шахматист улыбается» досталась рыцарю Николаю Кузнецову из с. Каликино Липецкой обл., а «Романтика шашек» — рыцарю Алексею Белинскому из Донецка.

№ 3

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Расставь шахматы в начальное положение и разыграй такую партию:

1. d2—d4 Kg8—f6 2. Kb1—d2 e7—e5 3. d4:e5 Kf6—g4

Тут белые ошиблись — 4. h2—h3. Как теперь черные выигрывают?

А вот другая партия:

1. e2—e4 e7—e5 2. f2—f4 e5:f4 3. Kgl—f3 d7—d5 4. Kb1—c3 d5:e4 5. Kc3:e4 Cc8—g4 6. Фd1—e2.

Здесь черные ответили 6... Cg4:f3. Почему это плохо?

Ответить на два вопроса к этим партиям — твое боевое задание.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 1 июня!

§ 2. На конвертах помечайте «АРЧЕБЕК» и указывайте свой адрес. Рапорт присылайте один раз: дополнения не принимаются!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СОДЕРЖАНИЕ XXIV съезду КПСС

Кто он, мой современник?

слово читателей
рисунки В. Орлова

Все хотят таких шефов

очерк Б. Никольского
рисунки М. Беломлинского

Страна Поэзия

Сергей Баруздин
рисунки И. Казаковой

Операция „Чукотка“

повесть Юрия Рытхэу
рисунки А. Овсянникова

Только один день

репортаж В. Зубарева
рисунки Е. Филатова

Костя Теркин берет интервью

Стихи мордовских поэтов

рисунки Т. Оболенской

Киноклуб

оформление А. Януса

Наш ЯК-40

беседу провела Г. Георге
оформление А. Орлова

Школьный боевой карандаш

Я — инспектор манежа

повесть Р. Балановского
рисунки Ю. Шабанова

Морская газета

оформление Р. Попова

Четверорукий пациент

рассказ А. Батуева
рисунки Л. Каминского

Учитесь властвовать собой

очерк А. Светова
оформление А. Януса

Уголёк

журнал для малышей

Океан-2

военные пионерские маневры

Школа „Спринт“

Арчебек

шахматы и шашки

Уголок веселого архивариуса

На обложке фото Р. Мазелева

КВ. 64

Ответы на задачи,
помещенные в № 1

1. Нож — мясорубка, зубчатое колесо — будильник, динамик — приемник, катушка — магнитофон, кассета — фотоаппарат. 2. Сковородка, поварешка, тарелки, миска, ложки, нож. 3. Не нарисованы весла у гребцов.

О ЧУВСТВЕ ЮМОРА

Когда хорошо вам известна шведская писательница Астрид Линдгрэн, автор «Малыша и Карлссона» и многих других веселых книг, написала свою «Пеппи—Длинный чулок», первым, кому отдала она свою книгу на суд, был ее муж. Усевшись в кресло, он стал читать книгу вслух. И буквально на каждой странице покатывался со смеху. Линдгрэн, разумеется, слушала свою повесть молча, не выражая чувств, ведь надо было узнать чужое мнение. Тогда муж, изумленно взглянув на молчаливую писательницу, недовольно воскликнул: «У тебя, Астрид, совершенно отсутствует чувство юмора!»

Однажды Оноре де Бальзак был разбужен рано утром неистовым стуком в дверь. Не было никаких сомнений в том, что пожаловал кто-то из богатых господ, жаждавших получить назад деньги, данные писателю в долг.

— Меня нет дома! — крикнул на всякий случай Бальзак, который, как всегда, гроша за душой не имел.

— Но позвольте! Ваши сапоги выставлены в коридор.

— Я ушел из дому в ночных туфлях.

Объяснение показалось кредитору убедительным, и он оставил на этот раз писателя в покое.

В начале нашего века знаменитая пьеса Горького «На дне» обошла театральные подмостки всей дореволюционной России. Пьеса об униженных и оскорбленных людях кончается следующим образом — в ночлежку прибегает «барон», так зовут одного из героев, и кричит: «На пустыре актер удавился!» И другой отщепенец общества Сатин отвечает: «Испортил песню, дурак!».

Однажды случайный человек, которого содержатель маленького провинциального театра взял на роль барона вместо заболевшего артиста, вбежал в последней сцене и отрапортовал: «На пустыре актер подавился!» И тогда старый, опытный артист, игравший Сатина, с досады рывкнул на весь зал: «Испортил пьесу, дурак!»

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пактелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Поройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора).

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-36042. Подписано к печати 2/II 1971 г. Формат 60×90³/₄. Печ. л. 8,8,8 уч.-изд. л. Тираж 600 000 экз. Заказ № 4188. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ленинград, Кронверкская ул., 7.

УБЕДИТЕЛЬНЫЙ ДОВОД

ДРУГАЯ КОНЦОВКА

РАСТЕРЯХИ

Если вы угадаете, кто из этих людей что потерял, то из начальных букв потерянных вещей сложится название места, куда им всем надо обратиться.

ГОЛО
ВОЛО
МЮИ

ЗАДАЧА ПРО НОМЕР ТЕЛЕФОНА

Папа дал сыну номер своего рабочего телефона. Сын его сразу же забыл. Тогда папа велел ему запомнить следующее: «Первые две цифры номера составляют число лет, которое тебе исполнится, когда ты про-

живешь еще столько же, сколько прожил. Третья цифра на единицу больше второй, четвертая — на единицу больше третьей, пятая — на единицу больше четвертой и равна числу твоих лет. А последняя, ше-

стая цифра — равна числу лет, которых тебе не хватает до десяти. Теперь запомнил?»

— Запомнил, — ответил сын.

Вы думаете, нас интересует номер телефона? Нет.

— Сколько лет сыну!

Рисунки И. Казаковой.

ШКОЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Ребята из драматического кружка поставили пьесу «Принц и нищий» по произведению Марка Твена. Спектакль прошел с успехом, однако зрители заметили, что

реквизиторы, бутафоры и костюмеры несколько перестарались.

Сколько на сцене предметов, которые не могли находиться в королевском дворце в последней четверти XVI века, когда происходит действие пьесы?

Работница и мальчик защищают одну из последних баррикад Парижской коммуны. Семьдесят два дня рабочие Парижа были хозяевами своей судьбы, семьдесят два дня строили первую в мире социалистическую общину... Но город окружили враги. Они ворвутся в Париж и потопят в крови Коммуну, убьют эту женщину и бросят в арестный дом мальчика. Пройдут долгие десятилетия, пока у Коммуны появятся наследники — социалистические государства. Будущая Мировая Коммуна завершит великое дело, которое сто лет назад начали герои Парижа.

Гравюра художника З. Старова